

ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК КУБАНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА № 2 (18) 2026

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кубанский государственный университет» (ФГБОУ ВО «КубГУ»), Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Главный редактор:

Потапенко Сергей Викторович, доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета им. А.А. Хмырова, профессор кафедры предпринимательского и международного частного права юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Заместитель главного редактора:

Лунарев Евгений Борисович, доктор юридических наук, профессор, академик ЕААН, заместитель декана юридического факультета им. А.А. Хмырова по научной работе, заведующий кафедрой конституционного и административного права юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Ответственный секретарь:

Горенко Максим Геннадьевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Члены редакционного совета:

Адыгезалова Гюльназ Эльдаровна, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Анисимов Алексей Павлович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и международного частного права, Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Бочкарева Екатерина Александровна, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой административного и финансового права, Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия, г. Краснодар, Россия

Буэно Жозе Гераeldo Романелло, профессор гражданского права, Просветерианский университет Маккензи, г. Белу-Оризонти, Федеративная Республика Бразилия

Гладышева Ольга Владимировна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного процесса и прокурорского надзора юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Гусев Алексей Васильевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики, Краснодарский университет МВД России, г. Краснодар, Россия

Епифанова Елена Владимировна, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Жеребцов Алексей Николаевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административной деятельности органов внутренних дел, Краснодарский университет МВД России, г. Краснодар, Россия

Жинкин Сергей Алексеевич, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Инишкова Агнесса Олеговна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой предпринимательского и международного частного права юридического факультета им. А.А. Хмырова, главный научный сотрудник, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Камышанский Владимир Павлович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права, Кубанский государственный аграрный университета им. И.Т. Трубилина, г. Краснодар, Россия

Коняхин Владимир Павлович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Костенко Роман Валерьевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Перепелица Мария Александровна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и административного права юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Познышиов Алексей Николаевич, доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета, Ростовский экономический университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Прохоров Леонид Александрович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Прохорова Марина Леонидовна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Рудякова Светлана Викторовна, доктор юридических наук, доцент, заместитель декана юридического факультета им. А.А. Хмырова по учебной работе, профессор кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Руденко Александр Викторович, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой криминалистики и правовой информатики юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Рыженков Анатолий Яковлевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права и процесса, Калмыцкий государственный университет, г. Элиста, Россия

Салимгерей Арон Аманжолович, кандидат юридических наук, доцент, директор, Институт государства и права Казахского национального университета им. аль-Фараби, г. Алматы, Республика Казахстан

Семенцов Владимир Александрович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Слесарев Владимир Львович, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник, Исследовательский центр частного права имени С.С. Алексеева при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Россия

Срето Ного, доктор права, профессор, Ассоциация международного уголовного права Республики Сербия, г. Белград, Республика Сербия

Старилов Юрий Николаевич, доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета, заведующий кафедрой административного и административного процессуального права юридического факультета, Воронежский государственный университет, г. Воронеж, Россия

Шарифзода Файзали Рахмонли, доктор юридических наук, профессор, начальник Академии МВД Республики Таджикистан, генерал-майор милиции, Академия МВД Республики Таджикистан, г. Душанбе, Республика Таджикистан

Шитов Александр Николаевич, доктор юридических наук, доцент, профессор юридического факультета Чиангмайского университета Королевства Таиланд

Щенникова Лариса Владимировна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Издатель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кубанский государственный университет» (ФГБОУ ВО «КубГУ»), Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Редакция не несет ответственности за информацию, опубликованную в рекламных объявлениях.

Редакция не всегда разделяет точку зрения авторов публикуемых материалов.

При использовании материалов ссылки на журнал «Юридический вестник Кубанского государственного университета» обязательны.

Условия использования материалов журнала: контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 20.04.2012 г.

Свидетельство о регистрации: ПИ №ФС 77-49493

ISSN: 2078-5836 (Print)

ISSN: 2782-5841 (Online)

Префикс DOI: 10.31429/20785836

Индексирование: журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий ВАК Минобрнауки России, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук со 2 декабря 2019 г.

Журнал входит в базу Единого государственного перечня научных изданий (ЕГПНИ) – «Белого списка».

Журнал входит в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Цели и область: в журнал принимаются к опубликованию рукописи начинающих и опытных авторов, содержащие актуальные, новые и оригинальные результаты научных и прикладных исследований в различных сферах юридической науки, с целью их дальнейшего развития, решения актуальных проблем, взаимодействия ученых в России и других странах мира.

Журнал публикует основные результаты научно-исследовательской и научно-практической деятельности по области науки – Социальные и гуманитарные науки (группа научных специальностей – 5.1. Право; научные специальности: 5.1.1. – Теоретико-исторические правовые науки; 5.1.2. – Публично-правовые (государственно-правовые) науки; 5.1.3. – Частно-правовые (цивилистические) науки; 5.1.4. – Уголовно-правовые науки).

Редакция не взимает плату с авторов за подготовку, размещение и печать материалов.

Сайт журнала: <http://urv.kubsu.ru>

Адрес редакции: Рашпилевская ул., д. 43, г. Краснодар, Россия, 350000, тел.: 262-35-09, E-mail: urv@kubsu.ru

Отпечатано в издательско-полиграфическом центре КубГУ: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040.

Подписано в печать: 23.06.2026. Дата выхода в свет: 25.06.2026.

Усл. печ. л. 8. Тираж 100 экз. Заказ №

История издания журнала: издается с 2009 г.

Периодичность: выходит 4 раза в год.

Цена: свободная.

Возрастное ограничение: для лиц, старше 16 лет.

Обложка журнала зарегистрирована в качестве патента на промышленный образец Федеральной службой по интеллектуальной собственности 28.02.2024 RU № 140792

© «Юридический вестник Кубанского государственного университета», 2026.

Legal Bulletin of the Kuban State University № 2 (18) 2026

Founder:

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kuban State University" (FGBOU VO "KUBGU"), Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040

Editor-in-Chief:

Sergey V. Potapenko, Dr. of Sci. (Law), Professor, Dean of the Faculty of Law named after A.A. Khmyrov, Professor of the Department of Entrepreneurial Law and Private International Law of the Faculty of Law named after A.A. Khmyrov, KubGU, Krasnodar, Russia

Deputy Editor-in-Chief:

Evgeniy B. Luparev, Dr. of Sci. (Law), Professor, Academician of the EAAN, Deputy Dean of the Faculty of Law named after A.A. Khmyrov for Research, Head of the Department of Constitutional and Administrative Law of the Faculty of Law named after A.A. Khmyrov, KubGU, Krasnodar, Russia

Executive Secretary:

Maxim G. Gorenko, Cand. of Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Faculty of Law named after A.A. Khmyrov, KubGU, Krasnodar, Russia

Members of the Editorial Board:

Gyulnaz E. Adygezalova, Dr. of Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law of the Faculty of Law named after A.A. Khmyrov, KubGU, Krasnodar, Russia

Alexey P. Anisimov, Dr. of Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Civil and International Private Law, Volgograd State University, Volgograd, Russia

Ekaterina A. Bochkareva, Dr. of Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of Administrative and Financial Law, North Caucasus Branch of the Russian State University of Justice, Krasnodar, Russia

Jose G.R. Bueno, Professor of Civil Law, McKenzie Valerian University, Belo Horizonte, Federal Republic of Brazil

Olga V. Gladysheva, Dr. of Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Criminal Procedure and Prosecutorial Supervision of the Faculty of Law named after A.A. Khmyrov, KubGU, Krasnodar, Russia

Alexey V. Gusev, Dr. of Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminology, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnodar, Russia

Yelena V. Epifanova, Dr. of Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Faculty of Law named after A.A. Khmyrov, KubGU, Krasnodar, Russia

Alexey N. Zharebtsov, Dr. of Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Administrative Activity of Internal Affairs Bodies, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnodar, Russia

Sergei A. Zhinkin, Dr. of Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Faculty of Law named after A.A. Khmyrov, KubGU, Krasnodar, Russia

Agnessa O. Inshakova, Dr. of Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Entrepreneurial Law and Private International Law of the Faculty of Law named after A.A. Khmyrov, Chief Researcher, KubGU, Krasnodar, Russia

Vladimir P. Kamyshevsky, Dr. of Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Civil Law, Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin, Krasnodar, Russia

Vladimir P. Konyakhin, Dr. of Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology of the Faculty of Law named after A.A. Khmyrov, KubGU, Krasnodar, Russia

Roman V. Kostenko, Dr. of Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure and Prosecutorial Supervision of the Faculty of Law named after A.A. Khmyrov, KubGU, Krasnodar, Russia

Maria A. Perepelitsa, Dr. of Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of the Faculty of Law named after A.A. Khmyrov, KubGU, Krasnodar, Russia

Alexey N. Pozdnyshov, Dr. of Sci. (Law), Professor, Dean of the Faculty of Law, Rostov University of Economics, Rostov-on-Don, Russia

Leonid A. Prokhorov, Dr. of Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Faculty of Law named after A.A. Khmyrov, KubGU, Krasnodar, Russia

Marina L. Prokhorova, Dr. of Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Faculty of Law named after A.A. Khmyrov, KubGU, Krasnodar, Russia

Svetlana V. Rudakova, Dr. of Sci. (Law), Associate Professor, Deputy Dean for Academic Affairs of the Faculty of Law named after A.A. Khmyrov, Professor of the Department of Criminal Procedure and Prosecutorial Supervision of the Faculty of Law named after A.A. Khmyrov, KubGU, Krasnodar, Russia

Alexander V. Rudenko, Dr. of Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of Criminalistics and Legal Informatics of the Faculty of Law named after A.A. Khmyrov, KubGU, Krasnodar, Russia

Anatoliy Y. Ryzhenkov, Dr. of Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Civil Law and Procedure, Kalmyk State University, Elista, Russia

Aron A. Salimgerei, Cand. of Sci. (Law), Associate Professor, Director, Institute of State and Law of Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Republic of Kazakhstan

Vladimir A. Sementsov, Dr. of Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure and Prosecutorial Supervision of the Faculty of Law named after A.A. Khmyrov, KubGU, Krasnodar, Russia

Vladimir L. Slesarev, Dr. of Sci. (Law), Professor, Chief Researcher, S.S. Alekseev Private Law Research Center under the President of the Russian Federation, Moscow, Russia

Nogo Sreto, Doctor of Law, Professor, Association of International Criminal Law of the Republic of Serbia, Belgrade, Republic of Serbia

Yuri N. Starilov, Dr. of Sci. (Law), Professor, Dean of the Faculty of Law, Head of the Department of Administrative and Administrative Procedural Law of the Faculty of Law, Voronezh State University, Voronezh, Russia

Fayzali R. Sharifzoda, Dr. of Sci. (Law), Professor, Head of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Tajikistan, Major General of Militia, Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Tajikistan, Dushanbe, Republic of Tajikistan

Alexander N. Shitov, Dr. of Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Faculty of Law of Chiang Mai University of the Kingdom of Thailand

Larisa V. Shchennikova, Dr. of Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Civil Law of the Faculty of Law named after A.A. Khmyrov, KubGU, Krasnodar, Russia

Publisher:

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kuban State University" (FGBOU VO "KUBGU"), Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040

The editorial board is not responsible for the information published in advertisements.

The editorial board does not always share the point of view of the authors of the published materials.

When using the materials, references to the journal "Legal Bulletin of the Kuban State University" are mandatory.

Terms of use for journal materials: Content is available under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications on 20.04.2012.

Certificate of Registration: PI №FS 77-49493

ISSN: 2078-5836 (Print)

ISSN: 2782-5841 (Online)

Prefix DOI: 10.31429/20785836.

Indexing: the journal is included in the list of peer-reviewed scientific publications of the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of Russia, in which the main scientific results of dissertations for the degree of Candidate of Science, for the degree of Doctor of Science are to be published from December 2, 2019.

The journal is included in the database of the Unified State List of Scientific Publications (USPNI) – the "White List".

The journal is included in the database of the Russian Science Citation Index (RSCI).

Objectives and scope: the journal accepts for publication the manuscripts of novice and experienced authors containing relevant, new and original results of scientific and applied research in various fields of legal science, with the aim of their further development, solving topical problems, interaction of scientists in Russia and other countries of the world.

The journal publishes the main results of research and scientific and practical activities in the field of science – Social Sciences and Humanities (group of scientific specialties – 5.1. Law; scientific specialties: 5.1.1. – Theoretical-historical legal sciences; 5.1.2. – Public law (state law) sciences; 5.1.3. – Private law (civil law) sciences; 5.1.4. – Criminal law sciences).

The editorial board does not charge the authors for the preparation, placement and printing of materials.

Journal website: <http://urv.kubsu.ru>

Editorial office address: Rashpilevskaya str., 43, Krasnodar, Russia, 350000, tel.: 262-35-09, E-mail: urv@kubsu.ru

Printed at the publishing and printing center of KubGU: Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040.

Signed to the press: 23.06.2026. Release date: 25.06.2026.

Usl. pech. l. 8. Edition of 100 copies. Order No

Publishing history of the journal: published since 2009.

Frequency: published 4 times a year.

Price: free.

Age limit: for persons over 16 years of age.

The cover of the magazine is registered as an industrial design patent by the Federal Service for Intellectual Property on 28.02.2024 RU No 140792

© "Legal Bulletin of the Kuban State University", 2026.

СОДЕРЖАНИЕ

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

<i>Анушиян А.С.</i> Меры по совершенствованию правовой регламентации опубликования муниципальных правовых актов в условиях цифровизации.....	7
<i>Березко В.Э.</i> Юридическая процедура как необходимое условие функционирования института государственной службы.....	13
<i>Ковтун О.А., Терещенко Н.Д.</i> Государственная национальная политика в свете новой Стратегии.....	23
<i>Махина С.Н.</i> Этические комитеты в системе государственного управления биобанкированием: правовой статус и полномочия.....	31

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

<i>Чеговадзе Л.А.</i> О жилищно-правовых сообществах.....	38
---	----

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

<i>Багдасарян А.А.</i> К вопросу о перспективах заимствования опыта применения технологий искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве Китайской Народной Республики в уголовное судопроизводство Российской Федерации.....	44
<i>Горенко М.Г.</i> Институт соучастия в преступлении в российском уголовном праве дореволюционного периода	51
<i>Одиназода И.А.</i> Неотложные оперативно-розыскные мероприятия и пределы допустимости их последующей судебной оценки.....	59
<i>Хмыров Р.В.</i> Особенности производства обыска в отношении адвоката, не привлекаемого к уголовной ответственности.....	67
<i>Ярмухамедов Р.Ф.</i> Коллизии использования результатов оперативно-розыскной деятельности при проведении антикоррупционных проверок вне рамок уголовного судопроизводства.....	76

CONTENTS

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

<i>Artyom S. Anushyan</i> Measures to improve the legal regulation of the publication of municipal legal acts in the context of digitalization.....	7
<i>Vladimir E. Berezko</i> Legal procedure as a necessary condition for the functioning of the institution of civil service.....	13
<i>Olga A. Kovtun, Natalia D. Tereshchenko</i> State national policy in light of the new Strategy.....	23
<i>Svetlana N. Makhina</i> Ethics committees in the system of public management of biobanking: legal status and powers.....	31

PRIVATE LAW (CIVIL LAW) SCIENCES

<i>Lyudmila A. Chegovadze</i> On housing-legal communities.....	38
---	----

CRIMINAL LAW SCIENCES

<i>Arsen A. Bagdasaryan</i> On the prospects of borrowing the experience of using artificial intelligence technologies in criminal proceedings of the People's Republic of China in the criminal proceedings of the Russian Federation.....	44
<i>Maxim G. Gorenko</i> The institution of complicity in a crime in the Russian criminal law of the pre-revolutionary period.....	51
<i>Isfandiyor A. Odinzoda</i> Urgent operational search measures and the limits of their subsequent judicial assessment.....	59
<i>Rostislav V. Khmyrov</i> The specifics of conducting a search in relation to a lawyer who is not criminally liable.....	67
<i>Rinat F. Yarmukhamedov</i> Collisions in the Use of Operational-Search Activity Results During Anti-Corruption Checks Outside the Framework of Criminal Proceedings.....	76

Оригинальная статья / Original article
<https://doi.org/10.31429/20785836-18-2-7-12>

МЕРЫ ПО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ОПУБЛИКОВАНИЯ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Анушян А.С.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

Ссылка для цитирования: Анушян А.С. Меры по совершенствованию правовой регламентации опубликования муниципальных правовых актов в условиях цифровизации. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2026;18(2):7–12. <https://doi.org/10.31429/20785836-18-2-7-12>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Анушян Артем Санвелович, аспирант кафедры конституционного и административного права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», ассистент кафедры кибербезопасности и защиты информации ФГБОУ ВО «Кубанский государственный технологический университет»

Адрес: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Тел.: +7 (918) 175-19-58

E-mail: anushyan2000@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 29.04.2026

Статья принята к печати: 27.05.2026

Дата публикации: 25.06.2026

Аннотация: Целью работы является проведение комплексного анализа законодательных требований, предъявляемых к публикации муниципальных правовых актов в Российской Федерации, а также выявление проблем, связанных с унификацией и стандартизацией процедуры их опубликования.

В рамках научного исследования решены задачи по выявлению существующих коллизий в правовом регулировании публикации муниципальных актов, анализу проблемы отсутствия единых требований к форматам публикуемых электронных документов и оценке влияния этих факторов на доступность правовой информации для населения.

Выводы заключаются в том, что действующие механизмы публикации муниципальных правовых актов требуют совершенствования. На основе проведенного анализа автором предлагается введение точечных законодательных поправок, направленных на стандартизацию требований к формату публикации, что позволит повысить доступность необходимой информации для местных жителей и устранить существующие недочеты законодательства.

Ключевые слова: Муниципальные правовые акты, официальное опубликование, цифровизация, доступ к информации, органы местного самоуправления.

MEASURES TO IMPROVE THE LEGAL REGULATION OF THE PUBLICATION OF MUNICIPAL LEGAL ACTS IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION

Artyom S. Anushyan

FGBOU VO "Kuban State University"
(Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040)

Link for citation: Anushyan A.S. Measures to improve the legal regulation of the publication of municipal legal acts in the context of digitalization. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2026;18(2):7–12. <https://doi.org/10.31429/20785836-18-2-7-12>

CONTACT INFORMATION:

Artyom S. Anushyan, postgraduate student of the Department of Constitutional and Administrative Law of the FGBOU VO "Kuban State University", assistant of the Department of Cybersecurity and Information Protection of the FGBOU VO "Kuban State Technological University"

Address: Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040

Tel.: +7 (918) 175-19-58

E-mail: anushyan2000@mail.ru

Conflict of interest. The author declares no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 29.04.2026

The article has been accepted for publication: 27.05.2026

Date of publication: 25.06.2026

Annotation: The *aim* of this study is to conduct a comprehensive analysis of legislative requirements for the publication of municipal legal acts in the Russian Federation and to identify issues related to the unification and standardization of their publication procedures.

As part of the scientific research, the *tasks* of identifying existing conflicts in the legal regulation of the publication of municipal acts, analyzing the problem of the lack of uniform requirements for the formats of published electronic documents and assessing the impact of these factors on the accessibility of legal information to the public were solved.

The *conclusion* is that the current mechanisms for publishing municipal legal acts require improvement. Based on this analysis, the author proposes targeted legislative amendments aimed at standardizing publication format requirements, which will improve the accessibility of necessary information for local residents and address existing legislative shortcomings.

Keywords: Municipal legal acts, official publication, digitalization, access to information, local government bodies.

Введение

Согласно Указу Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года»,¹ среди приоритетных направлений указано осуществление цифровой трансформации муниципального управления. В связи с чем страна находится в условиях стремительной цифровой трансформации публичного управления, в которых особое значение приобретает вопрос обеспечения реального доступа граждан к информации о деятельности органов местного самоуправления, в том числе о принимаемых ими муниципальных правовых актах. Как отмечает М.М. Курячая, сложившаяся ситуация порождает «новые вызовы, стоящие перед правовой, прежде всего, конституционно-правовой наукой» [7, с. 106]. Совершенствование процедур опубликования муниципальных актов – это прямой ответ на данные вызовы, поскольку отлаженная система публикации открытых данных

¹ О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года: Указ Президента РФ от 07.05.2024 г. № 309 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

напрямую влияет как на реализацию конституционных прав граждан, так и на осуществление местного самоуправления.

По сути, муниципальные правовые акты должны быть не просто обнародованы, а стать частью понятной и доступной цифровой среды, позволяющей жителям осуществлять свои права. Достижение этой цели напрямую зависит от уровня формализации четких и технологически обоснованных правил для процедуры официального опубликования. Муниципальные акты, обеспечивая правовую регламентацию на местном уровне, имеют большую социальную значимость [6, с. 29]. Поэтому грамотная регламентация порядка размещения правовых актов позволит обеспечить превращение виртуального пространства (официальные сайты муниципалитетов) из обычного информационного ресурса в полноценный и легитимный инструмент народовластия, соответствующий всем требованиям современной цифровизации.

Предметом предшествующих авторских исследований выступали общие проблемы правовой регламентации публикации муниципальных правовых актов с формированием общих правовых рекомендаций по совершенствованию данного института, в том числе с помощью актуализации имеющихся законодательных норм. Настоящая научная работа ставит перед собой цель более глубокой и детальной проработки указанной процедуры с выработкой конкретных мер по возможной модернизации законодательства.

Методы исследования

Исследование выполнено с применением комплекса научных методов познания как общих, так и частных. В качестве основных общенаучных методов использовались анализ и синтез, дедукция и индукция, системный и сравнительный подходы, позволившие комплексно рассмотреть вопросы правового регулирования публикации муниципальных правовых актов. В качестве частных методов применялись формально-юридический метод, который обеспечил анализ действующего законодательства Российской Федерации, подзаконных актов и правоприменительной практики, а также сравнительно-правовой метод, позволивший сопоставить различные подходы к унификации требований, применяемых к процедуре обнародования. Для выявления проблем доступности правовой информации для местного населения использовался эмпирический метод, включающий изучение материалов официальных сайтов органов местного самоуправления и анализ пользовательского опыта.

Результаты исследования

В ходе научного исследования были выявлены две основные проблемы, предъявляемые к муниципальным правовым актам: отсутствие унификации требований к официальным источникам опубликования в сети «Интернет» и отсутствие требований, предъявляемых к форме электронных документов. По результатам анализа сделан вывод, что с целью оптимизации правового регулирования и недопущения излишней нагрузки федеральных законов техническими деталями, целесообразно предложить закрепление разработанных мер посредством принятия подзаконных нормативных актов, регулирующих отдельные процедурные особенности реализации рассматриваемых норм.

Научная дискуссия

Эффективность местного самоуправления во многом определяется доступностью сведений о принимаемых муниципальными властями правовых актах. Муниципальные правовые акты необходимо рассматривать с точки зрения их юридической природы [9, с. 30], согласно которой они являются выражением публично-властной сущности субъектов местного самоуправления [1, с. 30]. Необходимо учитывать, что по своему юридическому содержанию акты муниципальных властей могут носить как нормативный, так и ненормативный характер, так как от этого зависит их форма, содержание, порядок опубликования, а также правовые последствия, которые ожидают местных жителей [10, с. 62]. В ходе анализа правоприменительной практики были выявлены две основные проблемы, связанные с правовой регламентацией обнародования муниципальных нормативных актов. Рассмотрим более детально каждую из проблем.

1. Отсутствие унификации требований к официальным источникам опубликования в сети «Интернет».

Унификация муниципальных правовых актов подразумевает под собой установление единых требований к процессу нормотворчества, включая проектирование, редактирование, принятие и их публикацию, что позволит привести документы к единой понятной форме и структуре. И.Н. Улюкина, рассматривая вопросы стандартизации нормотворчества внутригородских муниципальных образований в городе Москве указывала на сложность введения общих требований

и на то, что такой процесс должен быть направлен на обеспечение единства методологических подходов при создании муниципальных актов, что в свою очередь приведет к созданию единого пространства в рамках муниципального образования, которое в дальнейшем может быть реализовано и на федеральном уровне для всех органов местного самоуправления, независимо от региона их нахождения [8, с. 56].

Федеральный закон «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» от 9 февраля 2009 г. № 8-ФЗ (далее – Федеральный закон № 8-ФЗ)¹ не закрепляет конкретных требований к созданию и публикации нормативных актов в сети «Интернет», а лишь закрепляет условия прозрачности функционирования органов местного самоуправления. Федеральный закон № 8-ФЗ содержит бланкетную норму о правилах относительно технических характеристик, программного обеспечения и языкового оформления, необходимых органам местного самоуправления для публикации сведений в информационном пространстве, которые отсылают к приказу Министерства связи и массовых коммуникаций Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 149 «Об утверждении требований к технологическим, программным и лингвистическим средствам, необходимым для размещения информации государственными органами и органами местного самоуправления в сети «Интернет» в форме открытых данных, а также для обеспечения ее использования»² (далее – Приказ № 149), в котором также не имеется четких унифицированных норм, а лишь частично затронуты стандарты по формату публикации, но данная проблема будет рассмотрена далее отдельно.

Наиболее подходящим среди всех источников для решения обозначенного вопроса, по нашему мнению, являются «Методические рекомендации по подготовке муниципальных нормативных правовых актов», принятые Министерством юстиции Российской Федерации в 2018 году³. Данные рекомендации раскрывают порядок подготовки, оформления, опубликования и вступления в силу муниципальных нормативных актов. В них также содержатся правила предпроектной работы, юридического и технического оформления текста актов и в качестве приложений указаны конкретные примеры постановлений и иных документов. Однако указанный материал носит рекомендательный характер для органов местного самоуправления. В.В. Кожевников, детально изучая природу рекомендательных норм, отмечает, что в настоящее время наблюдается охлаждение интереса к ним и возникает общетеоретическая проблема с данными нормами права, которые считаются нетипичными [3, с. 10]. В юридической литературе еще с советских времен сформировано мнение, что рекомендательная норма в силу присущих ей особенностей не способна обязать основного адресата (органы местного самоуправления) совершать предусмотренные в ней конкретные действия, либо воздержаться от их совершения [5, с. 38]. При отсутствии официальных законодательных стандартов муниципалитетам предоставлена возможность самостоятельно определять свое поведение, что создает риск произвольного подхода к процедуре обнародования муниципальных актов.

Сложившаяся ситуация, когда отсутствуют обязательные стандарты для подготовки и публикации муниципальных правовых актов, не позволяет в полной мере гарантировать надлежащее доведение содержания актов до сведения населения. Изложенное свидетельствует о том, что наличие одних лишь рекомендаций может быть не только малоэффективно, но и деструктивно для обеспечения единообразия и доступности публикуемых открытых данных, так как подходы к формированию регламентов в данном вопросе различаются у множества муниципалитетов, даже тех, которые находятся на территории одного и того же субъекта Российской Федерации.

В этой связи назрела объективная необходимость законодательного закрепления унифицированных правил составления и опубликования муниципальных правовых актов, которые были бы обязательны для всех без исключения муниципальных образований. В основу таких правил

¹ Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления: Федеральный закон от 09.02.2009 г. № 8-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² Об утверждении требований к технологическим, программным и лингвистическим средствам, необходимым для размещения информации государственными органами и органами местного самоуправления в сети «Интернет» в форме открытых данных, а также для обеспечения ее использования: Приказ Министерства связи и массовых коммуникаций Российской Федерации от 27.06.2013 г. № 149 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³ Методические рекомендации по подготовке муниципальных нормативных правовых актов (подготовлены ФБУ НЦПИ при Минюсте России) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

должны быть заложены положения уже имеющихся методических рекомендаций Министерства Юстиции Российской Федерации, а также положения Приказа № 149, которые будут актуализированы с учетом имеющихся современных технологий и текущего мониторинга муниципальной практики с целью подбора наиболее комфортных правил для органов местного самоуправления.

2. Необходимость введения обязательного требования к формам электронных документов.

Общеизвестно, что любые законы изначально готовятся в стандартных текстовых редакторах, после чего либо распечатываются, либо сканируются и публикуются на официальных ресурсах. В этой связи отдельного внимания заслуживает вопрос о том, в каком электронном формате документа необходимо публиковать муниципальные правовые акты, чтобы не нарушить права жителей муниципального образования на доступ к информации о деятельности органов местного самоуправления. Положения статьи 7 Федерального закона № 8-ФЗ закрепляют, что органы местного самоуправления могут предоставлять информацию о своей деятельности в виде электронных документов. В законе не оговаривается каким должен быть формат такого документа. Также статья закона содержит положение о том, что общедоступная информация от муниципалитетов должна предоставляться посредством ее размещения в сети «Интернет» в форме открытых данных. Согласно пункту 2 Приказа № 149 информация в форме открытых данных должна размещаться в формате CSV или XML либо в ином формате, позволяющем осуществлять автоматизированную обработку информации, который соответствует национальным и международным стандартам структурирования информации.

Анализ сайтов муниципальных образований позволяет понять, что на практике большинство муниципалитетов публикуют электронные документы в формате PDF (Portable Document Format), который считается универсальным форматом оцифрованных документов [2, с. 10]. Документы такого типа специально разработаны для долгосрочного архивного хранения, в том числе возможность его использования закреплена в п. 3.34 «Типовых функциональных требований к системам электронного документооборота и системам хранения электронных документов в архивах государственных органов», утвержденных приказом Федерального архивного агентства № 69 от 15 июня 2020 г.¹ То есть PDF-формат надежен и крайне востребован как у органов публичной власти, так и у граждан. Но основная проблема состоит в том, что файлы формата PDF не обладают признаками машиночитаемого текста, вследствие чего они не отвечают требованиям, предъявляемым к открытым данным, и, следовательно, не могут рассматриваться в качестве таковых [4, с. 250]. Формально муниципалитеты, публикуя информацию в PDF, нарушают требования законодательства о доступе граждан к информации.

В сложившейся ситуации прослеживаются два вектора возможных изменений: либо легализовать текущую практику, либо выработать единые технические подходы и стимулировать переход на машиночитаемые форматы публикации. По нашему мнению, имеет смысл унифицировать технические стандарты, сделав машиночитаемые форматы основным, но не единственным вариантом публикации. Наиболее целесообразным нам видится такой вариант, при котором будет закреплён дуализм форматов, с закреплением обязанности публиковать акты в двух форматах одновременно, где PDF-файл будет считаться юридически значимой копией, которую можно заверить электронной подписью, а второй файл будет прикреплен в машиночитаемом формате (например, XML или DOC) и будет отвечать за обеспечение принципа открытых данных.

Список использованной литературы:

1. Быкова Л.А. Место и роль муниципальных правовых актов в системе источников российского права. *Конституционное и муниципальное право*. 2008;(11):23–30.
2. Веретихина С.В. Оцифровка архивных документов в формате PDF/A. *Инновации в науке*. 2016;(2(51)):8–15.
3. Кожевников В.В. О рекомендательных нормах права. *Вестник Омского университета. Серия*

References:

1. Bykova L.A. [Place and Role of Municipal Legal Acts in the System of Sources of Russian Law]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and Municipal Law*. 2008;(11):23–30. (In Russ.).
2. Veretikhina S.V. [Digitization of Archival Documents in PDF/A Format]. *Innovatsii v nauke = Innovations in Science*. 2016;(2(51)):8–15. (In Russ.).
3. Kozhevnikov V.V. [On Recommended Legal Norms]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Pravo» = Bulletin*

¹ Об утверждении Типовых функциональных требований к системам электронного документооборота и системам хранения электронных документов в архивах государственных органов (Зарегистрировано в Минюсте России 20.10.2020 г. № 60484) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

«Право». 2021;(18(4)):5–18.

4. Креймер А.С., Сапфирова А.А. Открытые данные: использование в контексте концепции образовательного учреждения и защиты персональных данных его работников. *Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета*. 2021;(172):249–258.

5. Кулапов В.Л. Рекомендательные нормы советского права. Саратов; 1987.

6. Курдюкова Л.Т. Муниципальные правовые акты в условиях трансформации муниципальных образований. *Сибирский юридический вестник*. 2025;(3(110)):27–33.

7. Курячая М.М. Проблемы сетевого взаимодействия граждан и органов публичной власти. *Современная политическая наука о траекториях развития государства, бизнеса и гражданского общества: сборник материалов международной научно-практической (онлайн) конференции (г. Минск, 23 декабря 2020 г.)*. Минск: Общество с ограниченной ответственностью «Колорград»; 2021.

8. Улюкина И.Н. Стандартизация и унификация нормотворчества органов местного самоуправления внутригородских муниципальных образований в городе Москве. *Проблемы экономики и юридической практики*. 2008;(1):56–59.

9. Упоров И.В. Муниципальные правовые акты в Российской правовой системе. *Государственное и муниципальное управление в XXI веке: теория, методология, практика*. 2016;(27):27–31.

10. Чуева А.С. Проблемы и особенности обжалования (оспаривания) нормативных правовых актов органов местного самоуправления. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2018;(4):61–66.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Анушян Артем Санвелович

аспирант кафедры конституционного и административного права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», ассистент кафедры кибербезопасности и защиты информации ФГБОУ ВО «Кубанский государственный технологический университет»

of Omsk University. Law Series. 2021;(18(4)):5–18. (In Russ.).

4. Kreymmer A.S., Sapfirova A.A. [Open Data: Use in the Context of the Concept of an Educational Institution and the Protection of Personal Data of Its Employees]. *Politematicheskii setevoi elektronnyi nauchnyi zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta* = *Polythematic online electronic scientific journal of Kuban State Agrarian University*. 2021;(172):249–258. (In Russ.).

5. Kulapov V.L. [Recommended norms of Soviet law]. Saratov; 1987. (In Russ.).

6. Kurdyukova L.T. [Municipal legal acts in the context of municipal formations transformation]. *Sibirskiy yuridicheskii vestnik* = *Siberian legal bulletin*. 2025;(3(110)):27–33. (In Russ.).

7. Kuryachaya M.M. [Problems of network interaction between citizens and public authorities]. *Sovremennaya politicheskaya nauka o traektoriyakh razvitiya gosudarstva, biznesa i grazhdanskogo obshchestva: sbornik materialov mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi (onlain) konferentsii (Minsk, 23 dekabrya 2020 g.)* = *Modern political science on the development trajectories of the state, business, and civil society: collection of materials from the international scientific and practical (online) conference (Minsk, December 23, 2020)*. Minsk: Limited Liability Company «Colorgrad»; 2021. (In Russ.).

8. Ulyukina I.N. [Standardization and unification of rule-making of local government bodies of intracity municipal formations in the city of Moscow]. *Problemy ekonomiki i yuridicheskoi praktiki* = *Problems of Economics and Legal Practice*. 2008;(1):56–59. (In Russ.).

9. Uporov I.V. [Municipal Legal Acts in the Russian Legal System]. *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie v XXI veke: teoriya, metodologiya, praktika* = *State and Municipal Administration in the 21st Century: Theory, Methodology, Practice*. 2016;(27):27–31. (In Russ.).

10. Chueva A.S. [Problems and Features of Appealing (Challenging) Regulatory Legal Acts of Local Self-Government Bodies]. *Yuridicheskii vestnik Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2018;(4):61–66. (In Russ.).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Artyom S. Anushyan

Postgraduate student of the Department of Constitutional and Administrative Law of the FGBOU VO "Kuban State University", assistant of the Department of Cybersecurity and Information Protection of the FGBOU VO "Kuban State Technological University"

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.31429/20785836-18-2-13-22>

*«За управленческие ошибки, злоупотребления, промахи
народам порой приходится
расплачиваться десятилетиями»
Г.В. Атаманчук*

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРОЦЕДУРА КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ

Березко В.Э.

ФГКОУ ВО «Московская академия Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева»
(Врубеля ул., д. 12, г. Москва, Россия, 125080)

Ссылка для цитирования: Березко В.Э. Юридическая процедура как необходимое условие функционирования института государственной службы. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2026;18(2):13–22. <https://doi.org/10.31429/20785836-18-2-13-22>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Березко Владимир Эдуардович, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин ФГКОУ ВО «Московская академия Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева», полковник юстиции

Адрес: Врубеля ул., д. 12, г. Москва, Россия, 125080

Тел.: +7 (905) 550-66-55

E-mail: vberezko@yandex.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 28.04.2026

Статья принята к печати: 27.05.2026

Дата публикации: 25.06.2026

Аннотация: Предметом исследования является юридическая процедура как условие надлежащего функционирования публично-правового института государственной службы. В качестве объекта исследования выбран публично-правовой институт государственной службы. Автор статьи подробно рассматривает такие аспекты темы, как важность объективного характера юридических процедур для бытия социальных институтов, в том числе – публично-правового института государственной службы. Подчеркивается, что для функционирования публично-правового института государственной службы необходимо наличие юридических процедур, превращающих идеальность права в социальную реальность. Особое внимание также уделяется взаимосвязи между объективированием законов на практике и надлежащим функционированием института государственной службы. Это выражается в том, что исполнение должностей государственной службы в рамках юридического процесса и юридических процедур делает право объективно существующей реальностью, а не декларацией.

Методы исследования. При проведении исследования использовались следующие методы исследования проблем государства и права – диалектический, сравнительно-правовой, системный, логического анализа.

Результаты исследования. Следует особо отметить, что в научной литературе далеко не всегда уделяется достаточное внимание исследованию юридической процедуры как необходимого условия функционирования публично-правового института государственной службы, как способа его бытия. Юридическая процедура в рамках процессуальной реализации государственной службы делает всю публичную службу независимой от сиюминутных увлечений и страстей чиновников. На деле это означает вдумчивый и педантичный процесс реализации правовых норм, существующих

в государстве. Свой сущностный смысл институт государственной службы в современном государстве может реализовать только при наличии юридических процедур, направленных на достижение единого правового эффекта. Сделан вывод о том, что функционирование института государственной службы должно осуществляться в рамках юридических процедур, которые носят характер объективный, придают институту государственной службы публичный, общенародный, общесоциальный характер.

Ключевые слова: юридическая процедура, институт государственной службы, права и свободы, Конституция Российской Федерации, государство, право, служение, публичный интерес, законность, юридическое действие.

*"People sometimes have to pay for decades
for managerial mistakes, abuses, and blunders"*
G.V. Atamanchuk

LEGAL PROCEDURE AS A NECESSARY CONDITION FOR THE FUNCTIONING OF THE INSTITUTION OF CIVIL SERVICE

Vladimir E. Berezko

FGKOU VO "Moscow Academy of the Investigative Committee named after A. Ya. Sukharev"
(12 Vrubelya st., Moscow, Russia, 125080)

Link for citation: Berezko V.E. Legal procedure as a necessary condition for the functioning of the institution of civil service. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2026;18(2):13–22. <https://doi.org/10.31429/20785836-18-2-13-22>

CONTACT INFORMATION:

Vladimir E. Berezko, Cand. of Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the FGKOU VO "Moscow Academy of the Investigative Committee named after A. Ya. Sukharev"

Address: 12 Vrubelya st., Moscow, Russia, 125080

Tel.: +7 (905) 550-66-55

E-mail: vberezko@yandex.ru

Conflict of interest. The author declares no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 28.04.2026

The article has been accepted for publication: 27.05.2026

Date of publication: 25.06.2026

Annotation: The subject of this study is legal procedure as a condition for the proper functioning of the public-law institution of civil service. The public-law institution of civil service was chosen as the object of this research. The author of the article examines in detail such aspects of the topic as the importance of the objective nature of legal procedures for the existence of social institutions, including the public-law institution of civil service. It is emphasized that the functioning of the public-law institution of civil service requires the existence of legal procedures that transform the ideality of law into social reality. Particular attention is also given to the relationship between the objectification of laws in practice and the proper functioning of the institution of civil service. This is reflected in the fact that the performance of civil service positions within the framework of legal processes and legal procedures makes law an objectively existing reality, not a mere declaration.

Research methods. The following methods of studying issues of state and law were used in the study: dialectical, comparative legal, systemic, and logical analysis.

Research results. It should be especially noted that the scientific literature does not always pay sufficient attention to the study of legal procedure as a necessary condition for the functioning of the public law institution of civil service, as a way of its existence. The legal procedure within the framework of the procedural implementation of the civil service makes the entire civil service independent of the momentary hobbies and passions of officials. In fact, this means a thoughtful and meticulous process of implementing

the legal norms existing in the state. The institution of civil service in a modern state can realize its essential meaning only if there are legal procedures aimed at achieving a unified legal effect. It is concluded that the functioning of the institute of civil service should be carried out within the framework of legal procedures that are objective in nature and give the institute of civil service a public, national, and social character.

Keywords: legal procedure, institution of civil service, rights and freedoms, Constitution of the Russian Federation, state, law, service, public interest, legality, legal action.

Введение

Для эффективного функционирования современного института государственной службы, который автор рассматривает в публично-правовой парадигме [12], весьма актуальным является исследование роли юридической процедуры в его бытии.

Методы исследования

При проведении исследования использовались следующие методы научного познания проблем государства и права – диалектический, сравнительно-правовой, системный, логического анализа.

Результаты исследования

Проведенный анализ позволяет выделить следующие основные положения:

Государство следует понимать как «триединство» территории, населения и власти, как орудие всеобщей гармонии. Публично-правовая парадигма государственной службы способствует пониманию государства как общенационального, общенародного, общесоциального института.

При этом следует особо отметить, что негативные теории государства влекут за собой и соответствующее отношение к институту государственной службы. Как правило – отрицательное.

Публично-правовой институт государственной службы предполагает разделение на политику и администрацию – между властью политической и системой государственного управления. Главный смысл такого разделения заключается в том, чтобы чиновники служили только одной страсти – Закону.

Субстанциальный смысл государственной службы заключается в реализации публичного интереса. Посредством этого появляется возможность и объективации частного интереса.

Институционализация государственной службы – важнейшее условие функционирования конституционного государства, его властного механизма. Институционализация и организация делают свободу объективно существующей, возможной для ощущения гражданами государства.

Юридическую процедуру следует определить как реализацию норм материального права путем юридических действий, направленную на максимальное осуществление прав и свобод человека и гражданина.

Основные функции юридической процедуры в бытии публично-правового института государственной службы – правоприменительная и правоохранительная.

Наличие процессуальной формы осуществления государственной службы делает возможным юридическое наличное бытие Конституции России и законов.

Наличие юридической процедуры превращает государственную службу в инструмент, обеспечивающий The Rule of Law, а также решение проблемы борьбы с коррупцией.

Научная дискуссия

Классики юридической мысли справедливо отмечали, что компетенция государственного служащего представляет собой право, непосредственно связанное с той должностью, которую госслужащий исполняет. И ни в коем случае нельзя эту должность увязывать с лицом, персонифицировать ее.

Морис Ориу в этой связи указывал, что полномочия по должности носят, прежде всего, характер объективный, это право, которое связано исключительно с должностью. Лицо, занимающее и исполняющее должность, реализует не свои собственные, субъективные права, а права, вытекающие из должности и предполагающие служение общему благу и публичному интересу [11, с. 99].

С точки зрения публичного интереса функционирование института государственной службы предполагает *исполнение* закона, а не борьбу за власть. По мнению профессора Е.В. Охотского, служение государству представляет собой особую профессию, главная задача которой – грамотная, согласно духу, а не букве закона реализация законов страны. Борьба за власть – здесь исключена. Это – прерогатива политиков [13, с. 207].

Любопытно, что проблема надлежащей правовой процедуры занимает умы не только

юристов. Весьма ценно, что пишут об этом представители и других наук. Например, известный американский экономист, лауреат Нобелевской премии по экономике Джозеф Стиглиц. В частности, он отмечал: «Образ *хорошего общественного устройства (выделено мной – В.Б.)* является результатом десятилетий логических построений и размышлений, эмпирических наблюдений для выявления того, что работает, а что нет. Все это ведет к появлению представлений о важности демократии с верховенством закона, *надлежащей правовой процедурой (выделено мной – В.Б.)*, системой сдержек и противовесов...»¹.

Стиглиц справедливо отмечает очевидный, в общем-то, факт: «Экономика, конечно, – это всего лишь средство достижения цели, а не сама цель»².

И дает несколько фундаментальных советов для ученых и политиков. Главное, по его мнению – «...избавиться от ошибочной веры в экономику просачивания благ, идею о том, что от роста экономики выигрывают все»³.

Стиглиц, который, конечно, является кейнсианцем, рассуждает почти в марксистском духе, говоря о «чрезмерной рыночной власти»⁴ крупных корпораций, об использовании богатыми собственного политического влияния для создания наиболее благоприятных для них правил игры. Именно эта «чрезмерная рыночная власть» приводит на практике к тому, что транснациональные корпорации пытаются устранить все национальное, в том числе – и правительства с публично-правовым институтом государственной службы [4, с. 10–13]. Это далеко уже не секрет для наблюдательных ученых и прагматически мыслящих обывателей. Это, кстати, и делалось под флагом глобализации, которая, подчеркну – в своей идее – представляет весьма правильное начало [5, с. 148–152]. Но как только случается перекося в сторону отрицания национальных интересов, глобализация превращается в средство дискриминации. И деиндустриализации других стран... Как это и произошло в свое время с Россией [3, с. 24–27].

Ученые-юристы приходят к весьма обоснованному выводу, что главной целью существования юридической процедуры является реализация норм материального права. В этом они видят сущность юридической процедуры [14, с. 26]. И весьма существенно значение юридических процедур для обеспечения прав и свобод человека и гражданина, что, подчеркну, является основным смыслом деятельности органов публичной власти [15, с. 264].

В принципе, подобная точка зрения основывается на субстанциальных представлениях, высказанных еще классиками отечественной юридической мысли. С.С. Алексеев так писал по этому поводу в одной из своих фундаментальных работ: «...Природа правового регулирования управленческих отношений такова, что процедурные нормы во многих случаях не выходят за рамки материальных институтов и их объединений»⁵.

Для многих исследователей совершенно очевидно, что юридическая процедура – более узкое понятие, нежели юридический процесс. Это, образно говоря, «деталь» [8, с. 89], винтик, шестеренка юридического процесса. Главными функциями юридической процедуры в рамках публично-правового института государственной службы в современных условиях, на мой взгляд, являются правоприменительная и правоохранительная.

Юридическая процедура лежит в основе исполнения должности государственной службы. Процессуальная реализация государственной службы делает ее независимой от сиюминутных увлечений и страстей. Это точный, педантичный процесс реализации Конституции России на практике. Это – реализация прав и свобод человека и гражданина органами государственной власти, государственными органами, органами местного самоуправления. Или – органами публичной власти [6, с. 276].

Основу исполнения государственной службы составляют, по мнению профессора Казанцева, процессуальные инстанции. Именно их наличие предполагает надлежащее функционирование публично-правового института государственной службы. Без процессуального регулирования государственной службы последняя просто теряет свой юрисдикционный смысл. А точнее – то, ради чего она учреждена – служение публичному, общенародному интересу [6, с. 264]. Следовательно,

¹ Стиглиц Д.Ю. Люди, власть и прибыль. Электронная книга. М., 2019. С. 16.

² Там же. С. 17.

³ Стиглиц Д.Ю. Указ. соч. С. 16.

⁴ Стиглиц Д.Ю. Указ. соч. С. 17, 19.

⁵ Алексеев С.С. Структура советского права / Собрание сочинений. Т. 2. М.: Статут, 2010. С. 174.

чтобы принцип законности не оставался пустым звуком, крайне необходимо наличие административных процедур¹.

Но некоторые ученые полагают, что в рамках отведенной компетенции чиновники могут как обеспечивать достижение поставленных целей, так – и не обеспечивать: «...Служба выполняет роль рулевого в практическом исполнении полномочий, в движении организации к достижению определенных ей целей. От рулевого, как известно, зависит многое. Он может вести дело по заданному курсу, может допускать отклонения и влево, и вправо, может даже обратить движение вспять! И все это в рамках отведенной организации компетенции» [9, с. 13]. Это отмечал и профессор Оболенский: «Один из афоризмов Бисмарка гласит: “С плохими законами и хорошими чиновниками управление еще возможно, но с плохими чиновниками не помогут никакие законы”» [10, с. 141–142].

Именно поэтому наличие процессуальной формы осуществления государственной службы (с юридическими процедурами в рамках юридического процесса) делает возможным наличное бытие Конституции России. Главный закон страны в этом случае объективируется в реальности, начинает действовать на практике в соответствии с заложенным в него Разумом, духом права [6, с. 246].

Должность государственной службы следует в этой связи рассматривать как определенную инстанцию административного процесса. По мнению профессора Казанцева, эта данная должность имеет смысл процессуальный [6, с. 254].

И благодаря такому пониманию смысла должности государственной службы, следует отметить это особо, надлежащим образом функционирует публично-правовой институт государственной службы. А через данный институт объективируются в реальном мире, становятся осязаемыми для граждан и функции государства, сам ход управления *res publica* [1, с. 124].

Об этом писал ранее и известный французский правовед Морис Ориу. По его убеждению, исполнительная деятельность должна осуществляться в рамках определенных юридических процедур. И только в пределах исполнительной процедуры решение, полагает Ориу, «становится актом» [11, с. 143].

Юридическая процедура может растягиваться во времени, распадаться на отдельные элементы, но она, как правило, направлена на достижение определенного правового результата. И в случае наличия такого результата процедура и рассматривается как акт или юридическое действие [11, с. 145].

Морис Ориу в этой связи различает простые и сложные акты: «Вследствие разобщенности между формулой исполнения и содержанием акта, а также вследствие эластичности формы исполнения, превращающейся в процедуру, мы незаметно переходим от одного вида юридического акта к другому виду. От простого акта, типом которого является распоряжение, в котором все относится к воле и где единство акта создается внутренним образом через единство творящей воли, мы приходим к сложному акту, иными словами к юридическому действию...» [11, с. 145].

Единый правовой эффект, по убеждению Мориса Ориу, наступает после окончания всей юридической процедуры [11, с. 146].

Таким образом, полагает Морис Ориу, институт должен функционировать в рамках определенной процедуры. Именно поэтому, кстати, государственные служащие рассматриваются в его теории как часть механизма конституционного государства. По мнению французского правоведа, социальный институт не может функционировать, если он не следует определенной процедуре. Ориу образно называет юридические процедуры «ритмом жизни института» [11, с. 148]. И юридические процедуры создают юридические акты, поскольку имеют характер объективный [11, с. 148]. Само существование института, полагал Морис Ориу, происходит в рамках определенной процедуры: «...процедура жизни института, как и всякая процедура, может быть только объективной» [11, с. 157].

И следующую цитату, полагаю, следует привести полностью: «В сущности говоря, члены собрания связаны привлекательностью этой процедуры, которая является своего рода игрой или спортом. ...Игра эта организована как социальный институт, а не в силу какого-нибудь соглашения между игроками. Игровой дом существует, он открыт, в него входят, ставят свои ставки, но с того момента, как ставка сделана, каждый связан определенной процедурой до конца игры» [11, с. 154]. Добавлю, что особенную актуальность имеет процедура для института государственной службы, который имеет характер публично-правовой.

¹ Атаманчук Г.В. Теория государственного управления: учебник. М.: Омега-Л, 2010. С. 274.

Юридическая процедура, отмечал профессор Казанцев, оформляет сущность государственного режима [6, с. 207].

Наличие юридической процедуры, которая имеет характер объективный, придает природе государственной службы публичный, государственный характер. Институт государственной службы становится инструментом решения *res publica* вовсе не на словах, а на деле, получает, по словам профессора Казанцева, «юридическую действительность» [6, с. 207].

И такой институт государственной службы способен в полной мере обеспечить The Rule of Law: «Если государственная служба – институт всеобщих правовых и безличных административных регуляций и регламентов, исполняемых в беспорном порядке, то в ней можно видеть институт юридической власти закона и верховенства права в отличие от политической публичной власти избранных электората и представителей текущей политической конъюнктуры» [6, с. 241].

И особое значение, подчеркивал профессор Казанцев, имеет то обстоятельство, что нормы по конкретным делам применяются автоматически, без предварительных поручений начальства [6, с. 242].

Фактически именно юридический процесс, состоящий из юридических процедур, придает праву характер объективный, делает его реальностью, которая становится вполне осязаемой для граждан государства. Их права и свободы из декларации, фикции превращаются в реально действующие и существующие. Идеальность права превращается в социальную реальность [6, с. 245].

И профессор Казанцев в своей работе дает определение юридической процедуры: «*Понятие юридической процедуры можно определить как установленную законодательством последовательность правовых отношений и юридически-значимых действий, имеющих юридический результат*» [6, с. 219]. Автор предлагает несколько видоизменить определение юридической процедуры. Юридическая процедура – это реализация норм материального права путем юридических действий, направленная на максимальное осуществление прав и свобод человека и гражданина. Вполне возможно, что юридические процедуры и юридический процесс в публично-правовом институте государственной службы могли бы составить Процессуальный кодекс государственной службы России.

Следует отметить еще один момент. Некоторые исследователи, рассматривая юридическую процедуру в соотношении с правовой процедурой, делают вывод о том, что последняя – понятие более широкое [2]. Но если полагать, что юридическая процедура осуществляется в рамках позитивного, объективно существующего права, то следует признать синонимичность данных понятий. Что, кстати, является наиболее распространенной точкой зрения среди ученых.

При реализации собственной компетенции у государственных органов могут возникать определенные пересечения, что приводит к юридическим коллизиям. Профессор Тихомиров так определял сущность данного противоречия: «Коллизии компетенции органов представляют собой одно из сложных юридических противоречий; их обострение ведет к возникновению противоречий в экономике, в социальной сфере, в политических отношениях и вызывает последствия, которые зачастую бывает нелегко предвидеть» [16, с. 70]. И наличие хорошо продуманных юридических процедур способно в известной мере предотвратить возникновение юридических коллизий. Особенно – при функционировании публично-правового института государственной службы.

И следующий момент – Ориу весьма справедливо указывает на то обстоятельство, что юридическая процедура в сочетании с властью становится источником права. Ориу пишет об этом весьма образно: «В институте после элемента власти немедленно выступает на сцену элемент процедур. Процедура является вихрем, врывающимся в социальную область вследствие давления социальных взаимоотношений или интенсивности их развития. Этот вихрь, увлекающий за собой людей на более или менее продолжительные периоды времени, определяет то направление, в котором они движутся и вследствие этого порождает правовые нормы. Процедура является источником права, независимым от власти, она представляет собою глубокий источник одновременно как обычного права, так и права, основанного на законе; процедура есть юридический элемент того, что Дюги назвал социальной солидарностью; она не является единственным источником правовой нормы, но, в комбинации с властью, она является источником основанного на законе права» [11, с. 159].

Социальные институты не могут быть институтами в полном смысле этого слова без наличия юридической процедуры. Последняя фактически реализует в реальности бытие института, делает его

доступным населению страны, делает доступным и саму свободу посредством функционирования института [11, с. 159].

Известный французский правовед особо при этом подчеркивал, что процедуры имеются и в процессе сбора налогов, и публичных торгов и даже – экспроприации [11, с. 161]. Рациональность и существенность придает процедурам сам государственный режим, его природа [11, с. 161–162].

Наличие процедуры означает определенную стабильность и устойчивость конституционного, правового государства. Именно так представляет субстанциальное значение процедуры Морис Ориу: «Подлинный государственный режим открывает социальной жизни пути в грядущее, но в то же самое время стремится упрочить это грядущее, заранее связать его с настоящим так, чтобы добиться длительности и вследствие этого устойчивости» [11, с. 162].

Бытие справедливого, общесоциального государства, существующего в целом спектре разнообразных институтов (публично-правовой институт государственной службы является одним из них), которые действуют в рамках строго определенных юридических процедур, вовсе не несет угрозы свободе. Государство в данном случае, как принято почему-то считать в «старолиберальной» традиции, вовсе не подавляет свободу и индивида. Замечу, что во многих развитых странах от данного – негативного – понимания государства уже давно отказались. И только ряд «мыслителей», в том числе и доморожденных, особенно из числа оппозиции, продолжают терзать мир закоснелыми догмами «старого» либерализма, предполагающего исключительно один элемент – свободу. И больше ничего. Государство, публичную власть подобные деятели воспринимают исключительно с позиций негативного подхода, видят в публичной власти только ограничения, стеснение и произвол. Не замечая при этом *созидательного значения публичной власти*, ее организующего начала в решении *res publica*, ее неизмеримо важного значения в обеспечении прав и свобод человека и гражданина. Подобный подход (*оппозиционный либерализм*) особенно укоренился в нашем Отечестве и продолжает существовать, несмотря на то, что, повторюсь, во многих развитых странах от подобной концепции давно уже отказались и ищут истину в разумном сочетании свободы и власти. Правда, глядя на современные европейские государства, в этом тоже иногда можно усомниться...

Публичная власть, действуя в виде разнообразных институтов, объективирует на практике, превращая декларацию в правовую реальность, многочисленные права и свободы человека и гражданина, детально прописанные в нашем Основном законе. И не только реализует, но и осуществляет государственные, публичные гарантии этих свобод. Понятно, что в данном случае все мы рассматриваем наши права свободы в диалектическом единстве с обязанностями.

Весьма образно Морис Ориу в своем фундаментальном труде «Основы публичного права» выразил отношение к юридической процедуре в сфере государственной службы, как объективной гарантии социальной гармонии и стабильного развития социума: «Представляется очевидным, что процедуры публичной службы, или органические процедуры для поддержания порядка, или процедуры установленные для разрешения спора являются упорядочением человеческого поведения, достигаемым вследствие закона равновесия. Отдельная процедура подобна проторенной дороге, а совокупность процедур – системе таких дорог. Дорога может быть проложена правее или левее, но, вообще говоря, даваемое ей направление является средним направлением из многих других. Эти дороги и направления в то же самое время являются и правовыми нормами, так как люди, увлеченные вихрем, должны им следовать, чтобы не исчезнуть, из социальной среды. ...Это похоже на два смерча, из которых один кружится в другом, или лучше сказать на смерч, который с внутренней стороны есть воля домогательства, а с внешней – воля к власти»¹.

Различные недоработки процессуальной формы, более того – ее отсутствие – неизбежно ведет к развитию коррупции и другим, не менее тяжким недугам государственного организма. Или точнее – в процессуальной форме, в юридической процедуре, словно в волшебном ларце, хранится ключ, способный победить коррупцию: «*Институт публично-правового порядка, не получив соответствующих юридических форм позитивного процессуального права, продолжает оставаться фикцией*. В этом институте хранится ключ борьбы с коррупцией» [6, с. 172–173].

И еще следует отметить, что отсутствие процессуальной формы, в которой и раскрывается сущность института государственной службы, приводит к масштабному искажению и самого института. Вместо публично-правового в этом случае он становится субъективно-правовым [6, с. 181].

¹ Атаманчук Г.В. Указ. соч. С. 164.

На мой взгляд, субъективно-правовой институт касательно государственной службы не может быть правовым в принципе, он в этом случае теряет данную характеристику, поскольку направлен уже не на обеспечение бытия права, *духа права*, а на удовлетворение узких, корпоративных, частных интересов.

Что может произойти в данном случае? Все очень просто – само государство, институт государственной службы из публично-правовых образований, призванных решать *res publica*, станут неминуемо и неотвратно вырождаться в частно-правовую корпорацию чиновников. И тогда государство из орудия социальной гармонии, воплощающего в реальности идею справедливости и социального мира, в полном соответствии с заветами классиков марксизма превратится в «государственную машину», «орудие», «особую дубинку», теряя собственную сущность как «триединства» территории, населения и власти. Произойдет сужение понятия «государство» до понятия «государственный аппарат».

И, понятно, к такому государству-корпорации не может быть уважения со стороны населения, поскольку оно населению неизбежно будет противостоять. И вместо того, чтобы защищать и гарантировать его права, наоборот, будет эти права безнаказанно нарушать. Население, понятно, тоже не будет испытывать теплых чувств к государству-аппарату.

Известный отечественный философ Борис Николаевич Кашников, кстати, писал, дотошно анализируя воззрения одного из западных философов – Давида Готтиера: «Либерализм, лишенный моральных оснований, неизбежно вырождается в кастовое, мафиозное и антигуманное общество рабов и господ» [7, с. 134].

И в этом смысле стоит ли тогда удивляться «ренессансу» марксистского учения?

И примечательные факты из нашего недавнего прошлого – публичные выступления отдельных российских политиков и чиновников дают весьма грустный ответ на этот вопрос. Публицисты пишут об этом с иронией и горечью: «Удивительно, но последние словесные перлы наших управленцев удивительным образом иллюстрируют фразу антипода Тэтчер – Карла Маркса, полагавшего, что государство есть собственность бюрократии. Боюсь, что в отличие от 50-летнего Артамонова Ольга Глацких Маркса уже не изучала, но все их установки и манера ведения дел не оставляют сомнений в том, что тезис классика для них просто нечто вроде чиновничьего “Отче наш”»¹.

Следует особо отметить, что именно юридические рамки, по мнению профессора Казанцева, как бы парадоксально это не звучало, должны способствовать творчеству современных чиновников, чтобы не уподобиться чеховскому «человеку в футляре»: «Суть институционализации и юридизации государственного управления именно в том, чтобы все выше и выше поднимать планку возможного творчества руководителей и экспертов. Всякий раз творцу придется превосходить уровень достигнутой институциональности, выражающий юридическую форму массовых отношений. Юридизация станет эскалатором управленческого творчества, тогда как в отсутствие законоустановленного процесса, мы встречаемся при каждой новой легислатуре с чередой упразднений предшествующих достижений и начинанием каждый раз организации государственного управления и государственной службы с нуля» [6, с. 182].

Следует отметить, что смена политического курса, и зачастую – радикальная смена, резкий поворот штурвала государственного корабля – является одной из ярких особенностей в истории российского государства и права. Но именно полноценный публично-правовой институт государственной службы и должен стать надежной гарантией позитивного развития системы государственного управления в сторону все большей реализации конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации.

Список использованной литературы:

1. Атаманчук Г.В. Сущность государственной службы: история, теория, закон, практика: монография. М.: РАГС; 2008.
2. Афонова О.С. «Правовая процедура» и «юридическая процедура»: соотношение понятий. *Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу»*. 2024;(4):15–21.

References:

1. Atamanchuk G.V. [The essence of public service: history, theory, law, practice]. Moscow: RAGS; 2008. (In Russ.)]
2. Afonina O.S. ["Pravovaya protsedura" and "yuridicheskaya protsedura": the correlation of the concepts]. *Elektronnoe prilozhenie k "Rossiyskomu yuridicheskomu zhurnalu"* = *Electronic Supplement to the*

¹ Щипанов М. Дело Глацких живет и шокирует [сайт]. NEWS.RU; 2018 [обновлено 17 ноября 2018; процитировано 28 апреля 2026]. Доступно: <https://news.ru/mnenie/delo-glackih-zhivet-i-shokiruet/>.

3. Дзедик В.А., Матыцин Д.Е., Иншакова А.О., Балтутите И.В., Семененко Ю.М. Системная роль стандартизации устойчивого развития в гуманизации предпринимательства. *Стандарты и качество*. 2024;(6(1044)):24–27.
4. Иншакова А.О. Особенности определения понятия и правосубъектности транснациональных корпораций в международном и национальном правотворчестве и доктрине. *Международное публичное и частное право*. 2012;(4(67)):10–13.
5. Иншакова А.О., Попкова Е.Г. Преодоление неопределенности институциональной среды как правовой инструмент глобального кризис-менеджмента. *Legal Concept*. 2017;(3):148–152.
6. Казанцев Н.М. Публично-правовое регулирование государственной службы: институционно-функциональный анализ: монография. М.: РАГС; 1999.
7. Кашников Б.Н. Либеральные теории справедливости и политическая практика России: монография. Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого; 2004.
8. Краснова С.И. Соотношение понятий «правовой порядок», «правовая процедура» и «правовой процесс». *Право и государство: теория и практика*. 2023;(8(224)):88–90.
9. Манохин В.М. Служба и служащий в Российской Федерации: правовое регулирование. М., 1997.
10. Оболонский А.В. Бюрократия для XXI века? Модели государственной службы: Россия, США, Англия, Австралия. М.: Дело; 2002.
11. Ориу М. Основы публичного права: монография. М.: Издательство Коммунистической академии; 1929.
12. Охотский Е.В., Березко В.Э. Институт государственной службы в современном государстве – публично-правовая парадигма: монография. М.: Научная библиотека; 2024.
13. Охотский Е.В. Государственный служащий: статус, профессия, призвание: монография. М.: Экономика; 2011.
14. Тарасова А.Г. Юридическая процедура как правовая категория. *Вестник Евразийской академии административных наук*. 2011;(3(16)):25–31.
15. Тарасова А.Г. Юридическая процедура как средство обеспечения реализации прав и свобод человека и гражданина. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5. Юриспруденция*. 2011;(2(15)):258–265.
16. Тихомиров Ю.А. Юридическая коллизия: монография. М.: Манускрипт; 1994.
3. Dzedik V.A., Matytsin D.E., Inshakova A.O., Baltutite I.V., Semenenko Yu.M. [The systemic role of sustainable development standardization in the humanization of entrepreneurship]. *Standarty i kachestvo = Standards and Quality*. 2024;(6(1044)):24–27. (In Russ.)]
4. Inshakova A.O. [Features of defining the concept and legal personality of transnational corporations in international and national law-making and doctrine]. *Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo = International Public and Private Law*. 2012;(4(67)):10–13. (In Russ.)]
5. Inshakova A.O., Popkova E.G. [Overcoming the uncertainty of the institutional environment as a legal instrument of global crisis management]. *Legal Concept*. 2017;(3):148–152. (In Russ.)]
6. Kazantsev N.M. [Public law regulation of public service: an institutional and functional analysis]. Moscow: RAGS; 1999. (In Russ.)]
7. Kashnikov B.N. [Liberal theories of justice and the political practice of Russia]. Velikiy Novgorod: Yaroslav-the-Wise Novgorod State University; 2004. (In Russ.)]
8. Krasnova S.I. [The correlation of the concepts "pravovoy poryadok" (legal order), "pravovaya protsedura" (legal procedure) and "pravovoy protsess" (legal process)]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika = Law and State: Theory and Practice*. 2023;(8(224)):88–90. (In Russ.)]
9. Manokhin V.M. [Service and the public servant in the Russian Federation: legal regulation]. Moscow; 1997. (In Russ.)]
10. Obolonskiy A.V. [Bureaucracy for the 21st century? Models of public service: Russia, the USA, England, Australia]. Moscow: Delo; 2002. (In Russ.)]
11. Oriu M. [Principles of public law]. Moscow: Communist Academy Publishing House; 1929. (In Russ.)]
12. Okhotskiy E.V., Berezko V.E. [The institution of public service in the modern state: a public law paradigm]. Moscow: Nauchnaya biblioteka; 2024. (In Russ.)]
13. Okhotskiy E.V. [The public servant: status, profession, vocation]. Moscow: Ekonomika; 2011. (In Russ.)]
14. Tarasova A.G. [Juridical procedure as a legal category]. *Vestnik Evraziyskoy akademii administrativnykh nauk = Bulletin of the Eurasian Academy of Administrative Sciences*. 2011;(3(16)):25–31. (In Russ.)]
15. Tarasova A.G. [Juridical procedure as a means of ensuring the realization of human and civil rights and freedoms]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 5. Yurisprudentsiya = Science Journal of Volgograd State University. Jurisprudence*. 2011;(2(15)):258–265. (In Russ.)]
16. Tikhomirov Yu.A. [Legal conflict (juridical collision)]. Moscow: Manuscript; 1994. (In Russ.)]

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Березко Владимир Эдуардович

кандидат юридических наук, доцент кафедры
гражданско-правовых дисциплин ФГКОУ ВО
«Московская академия Следственного комитета
Российской Федерации имени А.Я. Сухарева»,
полковник юстиции

ORCID ID: 0000-0003-4857-8883

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimir E. Berezko

Cand. of Sci. (Law), Associate Professor of the
Department of Civil Law Disciplines of the FGKOU VO
"Moscow Academy of the Investigative Committee named
after A. Ya. Sukharev"

ORCID ID: 0000-0003-4857-8883

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.31429/20785836-18-2-23-30>

ГОСУДАРСТВЕННАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В СВЕТЕ НОВОЙ СТРАТЕГИИ

Ковтун О.А., Терещенко Н.Д.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

(Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

Ссылка для цитирования: Ковтун О.А., Терещенко Н.Д. Государственная национальная политика в свете новой Стратегии. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2026;18(2):23–30. <https://doi.org/10.31429/20785836-18-2-23-30>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Ковтун Ольга Андреевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Адрес: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Тел.: +7 (928) 442-50-65

E-mail: olgakovtyn@rambler.ru

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 05.05.2026

Статья принята к печати: 03.06.2026

Дата публикации: 25.06.2026

Аннотация: Целью статьи является исследование содержания основных положений новой Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 25 ноября 2025 г. № 858 (далее – Стратегия)¹, проведение сравнительного анализа с ранее действовавшим документом.

В статье была поставлена *задача* проанализировать принципы и цели государственной национальной политики, ее задачи и приоритетные направления с учетом социальных потребностей, современных внешних и внутренних угроз национальной безопасности Российской Федерации в сфере межнациональных (межэтнических) и межрелигиозных отношений. Стратегия сохраняет преемственность правового регулирования общественных отношений в области государственной национальной политики и одновременно содержит существенные новеллы, отражающие проблемы современной реальности.

На основе анализа приоритетных направлений государственной национальной политики, установленных Стратегией с учетом современных задач внутренней и внешней политики российского государства, авторами делаются *выводы* и формулируются предложения по совершенствованию механизма ее реализации. Важное место в осуществлении государственной национальной политики занимают документы стратегического планирования, планы мероприятий по осуществлению национальной политики, которые должны разрабатываться органами публичной власти не только на федеральном, но и на региональном и муниципальном уровнях с учетом особенностей состояния межнациональных (межэтнических) и межконфессиональных отношений на отдельных территориях Российской Федерации.

Ключевые слова: государственная стратегия, общероссийская гражданская идентичность, гармонизация межнациональных отношений.

¹ Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года: Указ Президента Российской Федерации 25.11.2025 г. № 858 // Собрание законодательства РФ. 2025. № 48. (Часть IV). Ст. 7312.

STATE NATIONAL POLICY IN LIGHT OF THE NEW STRATEGY

Olga A. Kovtun, Natalia D. Tereshchenko
FGBOU VO "Kuban State University"
(Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040)

Link for citation: Kovtun O.A., Tereshchenko N.D. State national policy in light of the new Strategy. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2026;18(2):23–30. <https://doi.org/10.31429/20785836-18-2-23-30>

CONTACT INFORMATION:

Olga A. Kovtun, Cand. of Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of the FGBOU VO "Kuban State University"

Address: Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040

Tel.: +7 (928) 442-50-65

E-mail: olgakovtyn@rambler.ru

Conflict of interest. The authors declare no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 05.05.2026

The article has been accepted for publication: 03.06.2026

Date of publication: 25.06.2026

Annotation: The *purpose* of the article is to study the content of the main provisions of the new Strategy of the State National Policy of the Russian Federation for the period up to 2036, approved by Decree of the President of the Russian Federation on November 25, 2025 No. 858 (hereinafter referred to as the Strategy), to conduct a comparative analysis with the previously existing document.

The article set the *task* to analyze the principles and goals of state national policy, its tasks and priority areas, taking into account social needs, modern external and internal threats to the national security of the Russian Federation in the field of interethnic (interethnic) and interreligious relations. The strategy preserves the continuity of the legal regulation of public relations in the field of state national policy and at the same time contains significant novelties reflecting the problems of modern reality.

Based on the analysis of the priority areas of state national policy established by the Strategy, taking into account the current tasks of the domestic and foreign policy of the Russian state, the authors draw *conclusions* and formulate proposals for improving the mechanism for its implementation. An important place in the implementation of state national policy is occupied by strategic planning documents, action plans for the implementation of national policy, which should be developed by public authorities not only at the federal, but also at the regional and municipal levels, taking into account the peculiarities of the state of interethnic (interethnic) and interfaith relations in certain territories of the Russian Federation.

Keywords: state strategy, all-Russian civic identity, harmonization of interethnic relations.

Введение

Стратегия имеет целью систематизировать и комплексно закрепить цели и задачи политики российского государства в сфере национальных отношений. Особенностью новой Стратегии как документа программно-политического характера является ее социальная ориентированность, а также комплексный межотраслевой характер. Она направлена на укрепление правовых основ обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.

Стратегия выступает основой для формирования и реализации государственной национальной политики на федеральном, региональном, муниципальном уровнях публичной власти, является базовым и исходным документом для разработки и совершенствования нормативных правовых актов, государственных и муниципальных программ.

Как отмечают И.А. Умнова (Конюхова) и В.С. Саранцева: «Наряду с посланиями особое место в системе нормативных указов Президента Российской Федерации занимают стратегические документы, определяющие главные вектора политики Российской Федерации, направленные на защиту мира и безопасности» [7, с. 79–80].

Методы исследования

В качестве методологической основы исследования использовались общенаучные методы (анализ, синтез) и специальные методы научного познания (формально-юридический, сравнительно-правовой, системно-структурный).

Результаты исследования

Анализ положений новой Стратегии показал, что помимо структурных и количественных отличий в данном документе есть ряд концептуально значимых изменений.

В первую очередь в ней отражены внесенные в 2020 году поправки к Конституции Российской Федерации. Как отмечает В.С. Хижняк: «Обеспечение верховенства Конституции – необходимый фактор для решения стоящих перед российским государством проблем, поскольку Основной Закон определяет конституционный строй Российской Федерации и те отношения, которые подлежат охране и защите со стороны органов публичной власти в контексте современных вызовов» [8, с. 20].

Стратегия уточняет понятие государственной национальной политики и связанные с ней политико-правовые и социально-правовые категории, в частности, гражданское единство, российская нация, народы, этнические общности, национально-культурные потребности, общероссийская гражданская идентичность, акцентируя при этом внимание на особой значимости патриотизма, межнационального (межэтнического) и межрелигиозного согласия, социальной ответственности граждан, приверженности традиционным российским духовно-нравственным и культурно-историческим ценностям.

В Стратегию впервые включено понятие конфликта на национальной (этнической) и (или) религиозной почве, введена характеристика России «как самобытного государства – цивилизации», появилась категория «общий культурный (цивилизационный) код», объединяющий российское общество на основе русской культуры и языка, исторического и культурного наследия всех народов Российской Федерации.

«Духовное единство народа, выраженное в устойчивой, сформировавшейся исторически системе традиционных общенациональных ценностей, лежит в основе его культурной идентичности, гражданского единства и самосознания» [9, с. 38].

Важным аспектом является интеграция национальной политики в систему стратегического планирования. Региональные и муниципальные плановые документы должны разрабатываться в соответствии с приоритетами федеральной национальной политики, учитывая исторические, экономические и социально-политические особенности территории (этнический состав населения, демографические и миграционные процессы, приграничное положение). Стратегии социально-экономического развития субъектов Российской Федерации обязаны предусматривать меры по сохранению этнокультурной самобытности.

Такая вертикальная согласованность документов стратегического планирования минимизирует риски нормативных противоречий и обеспечивает объединение усилий на всех уровнях управления.

Проведенный анализ Стратегии позволяет констатировать, что документ обладает концептуальной базой, отражающей приоритеты укрепления гражданского единства и сохранения этнокультурного многообразия. Вместе с тем, для повышения практической эффективности документа требуется усиление его инструментальной составляющей. Предлагается внедрить систему персональной ответственности должностных лиц за достижение целевых показателей и разработать публичный рейтинг эффективности регионов.

Выявлен ряд системных недочетов, касающихся механизмов реализации, финансового обеспечения, мониторинга, а также адаптации к современным вызовам в цифровой и миграционной сферах.

Научная дискуссия

В рамках сравнительного анализа Стратегии 2025 года и ранее действовавшего документа следует подчеркнуть отражение в нем новых угроз: распространение русофобских взглядов и радикальных идей, дискредитация русского языка и культуры, традиционных для России религий, искажение исторической правды и уничтожение исторической памяти о Великой Отечественной войне.

Акцентируется внимание на изменении национального (этнического) состава населения ряда регионов страны, вызванное особенностями демографических процессов, внутренней и внешней миграцией [2, с. 23–28; 3, с. 21–27].

На отдельных территориях происходит формирование несвойственных им мест повышенной концентрации определенных этнических общностей, обусловленное внешними миграционными процессами.

Стратегия дополнена анализом объективных факторов, детерминирующих вариативность состояния межнациональных отношений в субъектах Российской Федерации. Это позволяет дифференцировать управленческие воздействия и повышать эффективность региональной политики в сфере межнациональных отношений.

Новая Стратегия определила четко структурированные приоритетные направления государственной национальной политики.

В рамках первого приоритета – укрепления гражданской идентичности – введены новые задачи. К ним относятся защита и развитие русского языка как языка государствообразующего народа; создание федеральной государственной информационной системы «Национальный словарный фонд»; включение в образовательные программы дисциплин, посвященных изучению традиционных российских духовно-нравственных ценностей; а также разработка специальных мер по интеграции новых регионов – Донецкой и Луганской Народных Республик, Запорожской и Херсонской областей – в общероссийское культурное и образовательное пространство.

По второму приоритету – сохранению этнокультурного многообразия – предусмотрено четкое разграничение задач поддержки: народов Российской Федерации в целом; русского народа как государствообразующего; коренных малочисленных народов с акцентом на сохранение традиционного образа жизни и хозяйствования. Дополнительно закреплены меры по поддержке национальных видов спорта и развитию туристических маршрутов, способствующих популяризации этнокультурного многообразия страны.

В рамках третьего приоритета – противодействия экстремизму и конфликтам – нововведения включают защиту от внешней идейно-ценностной экспансии и деструктивного информационно-психологического воздействия; интеграцию задач национальной политики в миграционную сферу; а также совершенствование государственной информационной системы мониторинга межнациональных отношений с внедрением функции раннего предупреждения конфликтов.

Особое место в обновленной Стратегии занимают проблемы защиты русского народа, русской культуры и русского языка.

Основы государственной языковой политики Российской Федерации закрепляют русский язык как национальное достояние России, важный элемент российской и мировой культуры, объединяющий многонациональный народ Российской Федерации и другие народы мира в единую культурно-цивилизационную общность Русского мира¹.

Федеральный закон от 1 июня 2005 г. № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации» определил, в частности, такие сферы обязательного использования государственного языка Российской Федерации как деятельность органов публичной власти, выборы и референдум, судопроизводство, официальное опубликование международных договоров и нормативных правовых актов, оформление документов, удостоверяющих личность гражданина Российской Федерации, образование, публичное проведение зрелищно-развлекательных мероприятий, реклама².

Представляется, что следует усилить требования к соблюдению правил русского языка в правотворческой деятельности органов публичной власти.

В регламентах представительных органов власти, в специальных нормативных актах, закрепляющих основы регионального правотворчества, в методических рекомендациях по разработке проектов правовых актов наряду с необходимостью проведения антикоррупционной экспертизы, научной и иных экспертиз, следует закрепить требование обязательного проведения экспертизы проекта правового акта на соответствие правилам русского языка.

Одновременно отмечается необходимость этнокультурного и духовного развития народов Российской Федерации, сохранения и развития языков народов России. Баланс между поддержкой русского языка и сохранением, развитием языков народов России выступает действенным фактором предупреждения конфликтов в сфере межнациональных отношений.

¹ Основы государственной языковой политики Российской Федерации: Указ Президента РФ от 11.07.2025 г. № 474 (ред. от 04.03.2026) // Собрание законодательства РФ. 2025. № 28. Ст. 3958.

² О государственном языке Российской Федерации: Федеральный закон от 01.06.2005 г. № 53-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2005. № 23. Ст. 2199.

Как подчеркивает Е.В. Каменская: «Российская Федерация, как полиэтническое государство, заинтересовано в сохранении языкового многообразия, которое присуще ввиду проживания на территории государства граждан различных национальностей». При этом, по мнению автора, «любой национальный язык развивается с помощью двух ключевых способов – письменности и литературы, поэтому усилия государства и общества должны быть направлены на их развитие» [4, с. 75, 81].

Укрепление объединяющей роли русского народа как государствообразующего народа предполагает обеспечение благоприятных условий для сохранения и развития культуры русского народа, обеспечение устойчивого интереса к русской культуре и литературе среди постоянно проживающих в Российской Федерации иностранных граждан.

В Стратегии особо выделены особенности реализации государственной национальной политики в субъектах Российской Федерации. Отмечено, что она должна осуществляться с учетом особенностей проявления на региональном уровне рисков и угроз, препятствующих достижению цели государственной национальной политики. При этом действия региональных и муниципальных органов публичной власти и территориальных органов федеральных органов исполнительной власти должны быть согласованы.

Стратегии социально-экономического развития субъектов Российской Федерации должны предусматривать сохранение этнокультурной самобытности и защиту прав народов Российской Федерации, проживающих на их территориях. Ключевыми векторами деятельности являются сохранение языков и культур народов России, защита прав коренных малочисленных народов и национальных меньшинств, а также социальная и культурная адаптация иностранных граждан. Так, в Краснодарском крае в рамках международного десятилетия языков коренных народов запланировано проведение, в частности, мониторинга изучения родных языков, фестивалей фольклора и национальных культур, художественного чтения народных сказок на языках коренных народов, театральных постановок на этнических языках, проведение мероприятий, посвященных Дню адыгейского (черкесского) языка и письменности, круглого стола по диалектам адыгского языка¹.

Важным направлением деятельности органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления является проведение мониторинга и профилактика конфликтов на национальной (этнической) и (или) религиозной почве².

Координация региональных планов мероприятий возложена на уполномоченные исполнительные органы субъектов Российской Федерации. Для обеспечения диалога между властью, некоммерческими организациями, религиозными объединениями и экспертным сообществом создаются консультативно-совещательные органы.

В целях обеспечения взаимодействия территориальных органов федеральных органов исполнительной власти, органов государственной власти Краснодарского края, научных, национально-культурных общественных и религиозных организаций и объединений по вопросам сотрудничества в этноконфессиональной сфере, гармонизации межнациональных отношений, содействия достижению взаимопонимания в вопросах свободы вероисповедания, подготовки предложений по развитию государственно-конфессиональных и межнациональных отношений в крае действует совещательный консультативный орган – Совет при Губернаторе Краснодарского края по межнациональным отношениям и взаимодействию с религиозными объединениями³.

¹ План мероприятий по проведению в 2022-2032 годах в Краснодарском крае международного десятилетия языков коренных народов: Постановление главы администрации (губернатора) Краснодарского края от 12 августа 2022 г. № 555 [сайт]. Официальный сайт Губернатора Краснодарского края, администрации Краснодарского края; 2022 [обновлено 12 августа 2022; процитировано 4 мая 2026]. Доступно: <http://admkrain.krasnodar.ru/content/2530/show/654426/>.

² См. Порядок формирования и ведения регионального сегмента государственной информационной системы мониторинга в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений и раннего предупреждения конфликтных ситуаций в Краснодарском крае: Постановление главы администрации (губернатора) Краснодарского края от 9 декабря 2019 г. № 857 [сайт]. Официальный сайт Губернатора Краснодарского края, администрации Краснодарского края; 2019 [обновлено 9 декабря 2019; процитировано 4 мая 2026]. Доступно: <http://admkrain.krasnodar.ru/content/2530/show/602208/>.

³ Положение о Совете при Губернаторе Краснодарского края по межнациональным отношениям и взаимодействию с религиозными объединениями: Постановление главы администрации (губернатора) Краснодарского края от 10 сентября 2015 г. № 838 [сайт]. Официальный сайт Губернатора Краснодарского края, администрации Краснодарского края; 2015 [обновлено 10 сентября 2015; процитировано 4 мая 2026]. Доступно: <https://admkrain.krasnodar.ru/>.

Значимая роль отводится институтам гражданского общества. Рекомендовано не только привлекать институты гражданского общества к реализации государственной национальной политики, но и поддерживать их инициативы посредством участия в реализации этих инициатив.

Как отмечают Е.Е. Никитина и Ж.А. Гаунова: «Особой формой взаимодействия институтов гражданского общества и органов публичной власти, согласно конституционным положениям, является участие институтов гражданского общества в выработке и проведении государственной политики, в том числе в государственной национальной политике Российской Федерации» [5, с. 3].

Существенные изменения затронули инструментарий реализации Стратегии. В части целевых показателей осуществлен переход от качественных индикаторов (динамика идентичности, уровень напряженности) к системе количественных ориентиров к 2036 году.

Информационное обеспечение политики трансформировалось от мониторинга СМИ к активному использованию интернет-платформ, мессенджеров и видеохостингов, продвижения социально значимого контента, социальной рекламы.

Расширено международное измерение национальной политики: наряду с традиционными направлениями гуманитарного сотрудничества и защиты соотечественников, акцент смещен на противодействие русофобии, фальсификации истории, а также на продвижение русского языка в рамках интеграционных объединений – БРИКС, Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), Евразийского экономического союза (ЕАЭС).

Реализация Стратегии опирается на комплексный набор инструментов: законодательство, документы стратегического планирования, Государственную информационную систему мониторинга межнациональных и межконфессиональных отношений. Научно-экспертное направление включает обеспечение деятельности органов власти экспертизой и реализацию инициатив в сферах культуры, образования и исторического просвещения. Процедурный инструмент представлен мониторингом достижения целевых показателей Стратегии.

Таким образом, новая Стратегия представляет собой качественный этап в планировании национальной политики, характеризующийся переходом от декларативных установок к измеримым, привязанным к срокам индикаторам. Документ отражает актуальные геополитические реалии, включая интеграцию новых территорий и необходимость защиты традиционных ценностей в условиях внешнего информационного давления. Впервые достигнут четкий баланс между задачами укрепления общероссийской идентичности и сохранения этнокультурного многообразия. Проведенный анализ Стратегии государственной национальной политики позволяет констатировать, что документ обладает концептуальной базой, отражающей приоритеты укрепления гражданского единства и сохранения этнокультурного многообразия.

Как отмечает Л.В. Андриченко: «В Российской Федерации выработана собственная правовая модель регулирования межнациональных отношений, основанная на основополагающих ценностях российской цивилизации, нравственных ориентирах, вытекающих из традиций национальной культуры» [1, с. 5–15].

Вместе с тем, ключевой проблемой в разделе управления и ответственности является недостаточная конкретизация санкций и стимулов для органов власти субъектов Российской Федерации. Для устранения данных диспропорций предлагается внедрить систему персональной ответственности должностных лиц за достижение целевых показателей и разработать публичный рейтинг эффективности регионов.

В финансовой сфере целесообразно перейти от универсального подхода к реализации Стратегии к модульной системе, учитывающей специфику приграничных, моноэтнических и полиэтнических регионов, этнодемографических особенностей территорий, включая возможность создания экспериментальных площадок.

В системе мониторинга выявлена субъективность ряда индикаторов. Например, показатель «уровень общероссийской гражданской идентичности» зависит от методологии социологических опросов, которая в документе не раскрыта. Контроль преимущественно возложен на государственные структуры, тогда как участие академического и гражданского сектора носит рекомендательный характер. Институты гражданского общества упоминаются формально, без прописанных механизмов реального влияния на принятие решений.

Также недостаточное внимание уделено медиаграмотности и цифровизации языков коренных народов, что создает риск дисбаланса между укреплением русского языка и сохранением языкового многообразия.

По мнению Д.В. Печенкина: «Повышение медиаграмотности должно стать приоритетным направлением государственной политики, реализуемым через создание синтезированной модели, адаптированной к отечественным условиям... Инвестиции в медиаграмотность обеспечивают снижение административных издержек на противодействие дезинформации и повышение качества кадрового состава государственной службы» [6, с. 145–157].

Для нейтрализации данных угроз предлагается разработать федеральную программу «Цифровая этнокультура», направленную на поддержку контента на языках народов России, создание ИИ-переводчиков и образовательных платформ.

Для повышения практической эффективности Стратегии необходимо конкретизировать механизмы реализации, обеспечить прозрачность мониторинга, расширить участие гражданского общества и адаптировать подходы к региональной специфике и цифровым реалиям.

Список использованной литературы:

1. Андриченко Л.В. Современные проблемы реализации государственной национальной политики Российской Федерации: правовой аспект. *Журнал российского права*. 2024;(6(28)):5–15.
2. Жеребцов А.Н. Интеграционные нормы в сфере миграции: понятие и значение для развития миграционного права в Российской Федерации. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2024;(3(16)):23–28.
3. Жеребцов А.Н. Миграционный процесс как фактор, определяющий сущность миграционного права. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2026;(1):21–27.
4. Каменская Е.В. Языковая политика в Российской Федерации: правовое регулирование, состояние, проблемы. *Правовая политика и правовая жизнь*. 2025;(1):74–84.
5. Никитина Е.Е., Гаунова Ж.А. Взаимодействие органов публичной власти с институтами гражданского общества при реализации государственной национальной политики Российской Федерации. *Журнал российского права*. 2021;(10(25)):5–19.
6. Печенкин Д.В. Медиаграмотность населения и способы ее повышения. *Государственное управление и право*. 2026;(1(9)):145–157.
7. Умнова (Конюхова) И.А., Саранцева В.С. Программно-доктринальные и стратегические акты Президента Российской Федерации в системе конституционно-правового регулирования обеспечения гражданского мира и безопасности. *Образование и право*. 2016;(12):79–80.
8. Хижняк В.С. Принцип обеспечения верховенства Конституции Российской Федерации в деятельности органов публичной власти в контексте современных вызовов. *Правовая политика и правовая жизнь*. 2025;(4):17–29.
9. Шашкин П.А., Рудаков А.Б., Волобуев С.Г. Показатели эффективности государственной политики в области защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти. Электронное сетевое издание. М.; 2023.
DOI: 10.34685/HI.2023.60.26.001.

References:

1. Andrichenko L.V. [Contemporary problems of implementing the state national policy of the Russian Federation: the legal aspect]. *Zhurnal rossiyskogo prava = Journal of Russian Law*. 2024;(6(28)):5–15. (In Russ.)
2. Zherebtsov A.N. [Integration norms in the sphere of migration: the concept and its significance for the development of migration law in the Russian Federation]. *Yuridicheskiy vestnik Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta = Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2024;(3(16)):23–28. (In Russ.)
3. Zherebtsov A.N. [The migration process as a factor determining the essence of migration law]. *Yuridicheskiy vestnik Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta = Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2026;(1):21–27. (In Russ.)
4. Kamenskaya E.V. [Language policy in the Russian Federation: legal regulation, current state, problems]. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn' = Legal Policy and Legal Life*. 2025;(1):74–84. (In Russ.)
5. Nikitina E.E., Gaunova Zh.A. [Interaction of public authorities with civil society institutions in implementing the state national policy of the Russian Federation]. *Zhurnal rossiyskogo prava = Journal of Russian Law*. 2021;(10(25)):5–19. (In Russ.)
6. Pechenkin D.V. [Media literacy of the population and ways to improve it]. *Gosudarstvennoe upravlenie i pravo = Public Administration and Law*. 2026;(1(9)):145–157. (In Russ.)
7. Umnova (Konyukhova) I.A., Sarantseva V.S. [Program-doctrinal and strategic acts of the President of the Russian Federation in the system of constitutional law regulation of ensuring civil peace and security]. *Obrazovanie i pravo = Education and Law*. 2016;(12):79–80. (In Russ.)
8. Khizhnyak V.S. [The principle of ensuring the supremacy of the Constitution of the Russian Federation in the activities of public authorities in the context of contemporary challenges]. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn' = Legal Policy and Legal Life*. 2025;(4):17–29. (In Russ.)
9. Shashkin P.A., Rudakov A.B., Volobuev S.G. [Indicators of the effectiveness of state policy in the field of protecting traditional Russian spiritual and moral values, culture and historical memory]. Electronic network edition. Moscow; 2023.
DOI: 10.34685/HI.2023.60.26.001. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ковтун Ольга Андреевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7888-3905>

Терещенко Наталия Дмитриевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6700-93665>

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Olga A. Kovtun

Cand. of Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of the FGBOU VO "Kuban State University"
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7888-3905>

Natalia D. Tereshchenko

Cand. of Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of the FGBOU VO "Kuban State University"
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6700-93665>

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.31429/20785836-18-2-31-37>

ЭТИЧЕСКИЕ КОМИТЕТЫ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ БИОБАНКИРОВАНИЕМ: ПРАВОВОЙ СТАТУС И ПОЛНОМОЧИЯ

Махина С.Н.

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»
(Университетская пл., д. 1, г. Воронеж, Россия, 394018)

Ссылка для цитирования: Махина С.Н. Этические комитеты в системе государственного управления биобанкированием: правовой статус и полномочия. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2026;18(2):31–37. <https://doi.org/10.31429/20785836-18-2-31-37>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Махина Светлана Николаевна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права юридического факультета ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

Адрес: Университетская пл., д. 1, г. Воронеж, Россия, 394018

Тел.: +7 (473) 220-82-76

E-mail: svetlana_mahina@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 20.05.2026

Статья принята к печати: 12.06.2026

Дата публикации: 25.06.2026

Аннотация: Целью научной статьи является исследование значимой проблемы административно-правового регулирования деятельности в сфере биобанкирования, а именно: правового статуса и полномочий этических комитетов в системе государственного управления биобанковской деятельностью в России.

Задачей исследования представляется анализ роли этических комитетов в механизме административно-правового регулирования смежных с исследуемой областью общественных отношений, исследование степени интегрированности таких комитетов в публичное управление биобанкированием в зарубежных правовых системах, а также определение места и роли этических комитетов в деятельности биобанков в России с точки зрения построения системного и эффективного механизма государственного управления в обозначенной сфере.

По итогам исследования автор приходит к *выводу* о том, что действующее законодательство не предусматривает обязательности этической экспертизы деятельности биобанков, не определяет полномочия этических комитетов в данной сфере. Доказывается тезис о том, что в свете документов стратегического планирования в сфере биобанкирования в России идентифицирована необходимость поэтапного формирования административно-правового статуса этических комитетов в сфере биобанкирования. На первоначальном этапе важно закрепить обязательность этического сопровождения для допуска к биобанкингу как таковому. Финальный этап развития публично-правовых полномочий этических комитетов предусматривает наделение таковых полномочиями в сфере мониторинга текущей деятельности биобанков. Автор аргументирует двухуровневую организационную модель этических комитетов в рассматриваемой сфере, сочетающую локальные комитеты и специализированный федеральный этический совет при уполномоченном органе исполнительной власти.

Ключевые слова: этический комитет, биобанк, административно-правовое регулирование, биобанкирование, государственное управление, разрешительная деятельность, этическая экспертиза, правовой статус, органы исполнительной власти.

ETHICS COMMITTEES IN THE SYSTEM OF PUBLIC MANAGEMENT OF BIOBANKING: LEGAL STATUS AND POWERS

Svetlana N. Makhina

FGBOU VO "Voronezh State University"

(Universitetskaya sq., 1, Voronezh, Russia, 394018)

Link for citation: Makhina S.N. Ethics committees in the system of public management of biobanking: legal status and powers. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2026;18(2):31–37. <https://doi.org/10.31429/20785836-18-2-31-37>

CONTACT INFORMATION:

Svetlana N. Makhina, Dr. of Sci. (Law), Full Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law of Law Faculty of the FGBOU VO "Voronezh State University"

Address: Universitetskaya sq., 1, Voronezh, Russia, 394018

Tel.: +7 (473) 220-82-76

E-mail: svetlana_mahina@mail.ru

Conflict of interest. The author declares no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 20.05.2026

The article has been accepted for publication: 12.06.2026

Date of publication: 25.06.2026

Annotation: *The purpose* of the article is to examine one of the most significant problem in the administrative and legal regulation of biobanking activities, namely the legal status and powers of ethics committees within the system of state management of biobanking activities in Russia.

The objective of the study is to analyse the role of ethics committees in the mechanism of administrative and legal regulation of public relations adjacent to the field under study, to investigate the degree of integration of such committees into the public administration of biobanking in foreign legal orders, and to determine the place and role of ethics committees in the activities of biobanks in Russia from the perspective of building a systemic and effective mechanism of state management of the aforementioned activities.

The author *concludes* that the current legislation does not mandate ethical review of biobank activities and does not define the powers of ethics committees in this area. The study argues the thesis that, in light of strategic planning documents in the field of biobanking in Russia, the need for the phased formation of the administrative and legal status of ethics committees in biobanking has been identified. At the initial stage, it is crucial to establish the mandatory nature of ethical oversight for access to biobanking as such. The final stage in the development of the public-law powers of ethics committees envisages vesting them with powers in the field of monitoring the ongoing activities of biobanks. The author argues for a two-tier organizational model of ethics committees in the sphere under consideration, which combines local committees and a specialized federal ethics council under the authorized executive authority.

Keywords: ethics committee, biobank, administrative legal regulation, biobanking, public administration, permitting activities, ethical review, legal status, executive authorities.

Введение

Деятельность хранилищ биологических материалов или биобанков затрагивает комплекс различных общественных отношений, находящихся на пересечении научно-исследовательской, медицинской и управленческой деятельности. Специфика таких отношений состоит в непосредственной связи с фундаментальными правами личности, как то: правом на охрану здоровья, правом на неприкосновенность частной жизни, правом на автономию в принятии решений относительно собственного тела и биологического материала. Отмеченная особенность обуславливает необходимость не только нормативного, но и этического регулирования деятельности по биобанкированию, которое в мировой практике обеспечивается прежде всего через институт

этических комитетов. Заметим отдельно, что полагаем этические нормы дополнением к правовым, но не заменяющими их на стадии недостаточного правового регулирования [5, с. 15–20].

Этические комитеты можно представить как коллегиальные органы, действующие при научных, медицинских и иных организациях в целях независимой оценки допустимости исследований с участием человека и обращения с биологическими материалами. Деятельность таких органов на современном этапе в значительной степени интегрирована в систему государственного управления. Так, во многих правовых актах заключение этического комитета является обязательным условием допуска к определенным видам деятельности, а сами комитеты наделяются публично-правовыми функциями [3, с. 81–82].

В Российской Федерации этические комитеты функционируют преимущественно в сфере клинических исследований лекарственных средств и медицинских изделий, где их деятельность получила нормативное оформление. Применительно к биобанкированию правовой статус этических комитетов остается неопределенным, так как действующее законодательство не содержит положений, устанавливающих обязательность этической экспертизы деятельности биобанков, не определяет полномочия комитетов в данной сфере, не регулирует юридическую силу их решений. Такая ситуация порождает вопрос о месте этических комитетов в системе административного управления биобанкированием и о необходимости нормативного закрепления их правового статуса [4, с. 28–29; 6, с. 95–107]. Настоящая статья представляет собой попытку исследовать указанную проблему с позиции административного права.

Методы исследования

Методологическую основу исследования составил комплекс общенаучных и частнонаучных методов познания. С помощью формально-юридического метода были проанализированы положения действующего российского законодательства в сфере биобанкирования, что позволило выявить пробелы в правовом регулировании их статуса и полномочий. Сравнительно-правовой метод применен для изучения административно-правовых моделей интеграции этических комитетов в систему публичного управления биобанками в зарубежных правовых актах и определения релевантных подходов для российской правовой системы. Системно-структурный метод и метод моделирования позволили обосновать двухуровневую организационную модель этических комитетов (локальный и федеральный уровни) и определить поэтапный вектор формирования их публично-правовых полномочий. Дополнительно использовались методы толкования правовых норм и анализа документов стратегического планирования, что обеспечило всесторонность исследования административно-правового механизма регулирования данной сферы.

Результаты исследования

Результатом проведенного исследования является вывод о том, что этические комитеты в системе государственного управления биобанкированием занимают особое положение, обусловленное двойственностью их природы: сочетанием черт экспертного совещательного органа и субъекта, выполняющего публично-правовые функции в составе разрешительных и контрольных процедур. Опыт регулирования клинических исследований лекарственных средств в Российской Федерации демонстрирует возможность интеграции этических комитетов в административно-разрешительный механизм с приданием их заключениям юридически обязывающего характера. Применительно к биобанкированию правовой статус этических комитетов в Российской Федерации не определен. Законодательство не устанавливает обязательности этической экспертизы деятельности биобанков, не определяет полномочия таких комитетов, не регулирует юридическую силу их решений. Выявленное положение дел не соответствует значимости публичных интересов, затрагиваемых деятельностью по биобанкированию. Формирование административно-правового статуса этических комитетов в сфере биобанкирования целесообразно осуществлять поэтапно: от нормативного закрепления обязательности этического сопровождения, через включение этической экспертизы в процедуру допуска к деятельности, к наделению комитетов функциями текущего мониторинга. Оптимальной организационной формой может быть признана двухуровневая система, сочетающая локальные этические комитеты организаций и специализированный федеральный этический совет при уполномоченном органе исполнительной власти.

Научная дискуссия

В науке административного права устоялось представление о том, что субъектами государственного управления [2, с. 158–161] выступают органы исполнительной власти и иные государственные органы, наделенные соответствующими полномочиями. Этические комитеты, как правило, не являются ни органами государственной власти, ни их структурными подразделениями.

Они создаются при организациях различных организационно-правовых форм и формально действуют как совещательные (экспертные) органы. Однако подобная квалификация не вполне отражает фактическую роль таких комитетов в ряде сфер, где решения этических комитетов приобретают юридически обязывающий характер.

Наиболее показательными примерами являются сфера клинических исследований лекарственных средств и деятельность по производству биомедицинских клеточных продуктов. Так, Федеральный закон от 12 апреля 2010 г. № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств»¹ (далее – Закон № 61-ФЗ), Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 180-ФЗ «О биомедицинских клеточных продуктах»² предусматривают проведение этической экспертизы как обязательного условия получения разрешения на клиническое исследование (статья 39 Закона № 61-ФЗ) и государственной регистрации биомедицинского клеточного продукта соответственно. Совет по этике при Министерстве здравоохранения Российской Федерации наделен полномочиями по оценке этической обоснованности возможности проведения клинического исследования, его заключение является необходимым элементом разрешительной и регистрационной процедур. Следовательно, этический комитет фактически выполняет публично-правовую функцию, интегрированную в административный процесс, так как без его положительного заключения невозможно получение разрешения (регистрационного удостоверения) уполномоченного органа исполнительной власти. Такая конструкция позволяет квалифицировать Совет по этике как субъект, осуществляющий отдельные функции в сфере государственного управления, несмотря на отсутствие у него признаков органа исполнительной власти.

Особо отметим, что административно-правовому статусу этических комитетов присуща двойственность. С одной стороны, таковые сохраняют черты экспертных совещательных органов, формируемых на основе профессионального авторитета, независимости суждений и междисциплинарного состава. С другой – в тех сферах, где этические заключения приобретают юридически обязывающий характер, они становятся элементами разрешительной системы государства и выполняют административно-процедурную функцию. Выявленная двойственность имеет принципиальное значение для разрешения вопроса о статусе комитетов в сфере биобанкирования. Именно от отмеченной специфики зависит юридическая сила их решений и, соответственно, способность обеспечивать реальное регуляторное воздействие.

Применительно к биобанкированию действующее российское законодательство не предусматривает обязательной этической экспертизы. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»³ (к примеру, статья 36.1) содержит общие нормы об этических комитетах в системе здравоохранения, однако не устанавливает их полномочий в отношении деятельности по сбору, хранению и использованию биологических материалов. Положение о Совете по этике при Министерстве здравоохранения определяет его компетенцию преимущественно в отношении клинических исследований⁴. Локальные этические комитеты, создаваемые при научных и медицинских организациях, действуют на основании внутренних положений и не имеют единообразного нормативного статуса. В результате вопрос о том, требуется ли заключение этического комитета для начала деятельности биобанка, для включения нового донора в коллекцию, для передачи биоматериалов третьим лицам, решается каждой организацией самостоятельно в отсутствие нормативно установленных ориентиров.

¹ Об обращении лекарственных средств: Федеральный закон от 12.04.2010 г. № 61-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства РФ. 2010. № 16. Ст. 1815; 2025. № 31. Ст. 4658.

² О биомедицинских клеточных продуктах: Федеральный закон от 23.06.2016 г. № 180-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // Собрание законодательства РФ. 2016. № 26 (Часть I). Ст. 3849; 2023. № 32 (Часть I). Ст. 6198.

³ Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 48. Ст. 6724; 2025. № 52 (Часть I). Ст. 8337.

⁴ См.: Об утверждении положения о совете по этике, порядка его создания и деятельности, требований к квалификации и опыту работы по экспертной оценке научных, медицинских и этических аспектов клинических исследований лекарственных препаратов для медицинского применения, предъявляемых к экспертам совета по этике, порядка организации и проведения этической экспертизы, форм заключений совета по этике, порядка размещения информации о составе совета по этике, планах его работы и текущей деятельности: Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 31.10.2024 г. № 586н (зарегистрирован в Министерстве юстиции Российской Федерации 28.11.2024 г. за № 80360) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Выявленная ситуация не соответствует ни международным стандартам, ни практике государств, в которых регулирование деятельности биобанков получило более развитое нормативное оформление. В Европейском союзе Регламент 2016/679 (Общий регламент по защите данных)¹ во взаимосвязи с национальным законодательством государств-членов предусматривает проведение этической экспертизы исследовательских проектов, связанных с обработкой биологических образцов и генетических данных. В доктринальных исследованиях принятый в ЕС подход признается стандартом высокого уровня в сравнении, к примеру, с недостаточно эффективным стандартом, принятым в США [9, с. 2]. Некоторые европейские государства установили обязательность получения одобрения этического комитета не только для отдельных исследовательских проектов, но и для создания биобанка как такового, или в качестве условия государственной регистрации или аккредитации биобанка, что непосредственно включает его в административно-разрешительный механизм (к примеру, в Исландии², Норвегии³). Примечательно, что с 1989 по 2023⁴ на территории Скандинавских государств (Исландия, Норвегия, Швеция, Дания с автономными территориями Фарерских островов и Гренландии, Финляндия с автономным регионом Аландских островов) действовал Скандинавский комитет по биоэтике (The Nordic Committee on Bioethics), унифицировавший подходы стран к этическим стандартам без ущерба для национальных органов этического регулирования [11, с. 565–566].

В Латинской Америке распространена практика деятельности центрального органа в сфере биоэтики, вырабатывающего основные направления научных разработок (к примеру, в Аргентине, Бразилии) [7, с. 47–49]. Не менее значим опыт стран, в которых этические комитеты наделены полномочиями по текущему мониторингу деятельности биобанков: периодическому пересмотру условий информированного согласия, оценке новых направлений использования ранее собранных образцов, контролю за соблюдением прав доноров [8, с. 262–279; 10, с. 240–249].

Анализ зарубежного опыта позволяет выделить несколько моделей интеграции этических комитетов в систему управления биобанкированием, каждая из которых может быть рассмотрена с точки зрения ее применимости в российских условиях, принимая во внимание выделяемое в науке стремление медицинского законодательства в России к гармонизации с международными нормами и стандартами [1, с. 10–14].

Первая модель предполагает включение заключения этического комитета в состав обязательных условий административного допуска к деятельности по биобанкированию как таковой. При описанном подходе этическая экспертиза становится элементом лицензионной или аккредитационной процедуры: соискатель обязан представить положительное заключение этического комитета наряду с иными документами, подтверждающими соответствие лицензионным требованиям. Преимуществом модели является ее достаточная правовая определенность, так как заключение приобретает статус обязательного элемента административной процедуры, а этический комитет приобретает публично-правовую функцию. Однако реализация такого подхода требует предварительного решения вопросов о том, какие этические комитеты вправе выдавать такие заключения, каковы требования к их составу и порядку деятельности и каковы правовые последствия отрицательного заключения.

Вторая модель основана на наделении этических комитетов функциями текущего контроля за деятельностью биобанков. В рамках этой модели этический комитет не только оценивает

¹ Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation).

² См.: The Biobanks and Health Databanks Act 110/2000. Закон о биобанках и датабанках здоровья 110/2000 (Iceland), (Unofficial translation, legally valid in Icelandic) [сайт]. Официальный интернет-портал Правительства Исландии; 2000 [обновлено 12 мая 2000; процитировано 20 мая 2026]. Доступно: https://www.government.is/media/velferdarraduneyti-media/media/acrobat-enskar_sidur/Biobanks-Act-as-amended-2015.pdf.

³ См.: Lov om behandlingsbiobanker (behandlingsbiobankloven) 2003:12. Закон о лечебных биобанках от 21.02.2003 г. № 12 (Norway) (in Norwegian) [сайт]. Официальный интернет-портал правовой информации Норвегии (Lovdata); 2003 [обновлено 21 февраля 2003; процитировано 20 мая 2026]. Доступно: <https://lovdata.no/lov/2003-02-21-12>.

⁴ См.: Скандинавский комитет по биоэтике [сайт]. Официальный сайт; 2026 [обновлено 20 мая 2026; процитировано 20 мая 2026]. Доступно: <https://ncbio.org/about/>. Скандинавский комитет по биоэтике прекратил деятельность 31.12.2023 ввиду окончания мандата – завершения финансирования со стороны NordForsk.

допустимость начала деятельности, но и осуществляет периодический мониторинг: пересматривает условия информированного согласия доноров, оценивает новые направления использования биоматериалов, контролирует соблюдение прав участников. Второй подход в большей мере соответствует специфике биобанковской деятельности, которая носит длящийся характер и предполагает возможность изменения целей использования биоматериала после его сбора. Между тем, такая модель порождает вопрос о соотношении полномочий этического комитета с компетенцией государственных органов и о дублировании контрольных функций.

Третья модель предполагает сохранение за этическими комитетами преимущественно рекомендательных функций при нормативном закреплении минимальных требований к этическому сопровождению деятельности биобанков. В таком случае наличие этического комитета и соблюдение определенных процедур этической оценки устанавливается как одно из обязательных условий деятельности биобанка, однако конкретные решения комитета не приобретают юридически обязывающего характера. Следовательно, рекомендательная модель в наибольшей мере соответствует традиционному пониманию этического комитета как института профессионального саморегулирования, однако ее регуляторный потенциал значительно ограничен в отсутствие властных полномочий.

В условиях российской правовой системы, характеризующейся на нынешнем этапе несформированностью административно-правового механизма регулирования биобанковской деятельности, оптимальным является последовательное решение задачи по внедрению этических комитетов в механизм административно-правового регулирования хранилищ биологических материалов. На первом этапе необходимо нормативное закрепление обязательности наличия этического комитета (или обращения к такому комитету) для организаций, осуществляющих биобанкирование. Требования к составу этического комитета должны обеспечивать его междисциплинарность и независимость. На втором этапе целесообразно рассмотреть вопрос о включении положительного заключения этического комитета в состав обязательных условий допуска к деятельности по биобанкированию (в рамках лицензионной, аккредитационной или иной разрешительной процедуры). Такое заключение должно подтверждать, что организация располагает надлежащими процедурами получения информированного согласия доноров, обеспечивает защиту прав и интересов лиц, чьи биоматериалы являются объектом обращения, и соблюдает установленные этические стандарты. На третьем этапе представляется обоснованным наделение этических комитетов функциями периодического мониторинга текущей деятельности, прежде всего, в части оценки этической допустимости новых направлений использования ранее собранных биоматериалов и пересмотра условий информированного согласия. Последний этап имеет особое значение для биобанковской деятельности, в которой первоначальные цели сбора биоматериала нередко расширяются или изменяются по мере развития исследовательских проектов.

Отдельного рассмотрения заслуживает вопрос о том, на каком уровне должен функционировать этический комитет в сфере биобанкирования. Действующая практика основана на модели локальных этических комитетов, создаваемых при конкретных организациях. Такая конфигурация обеспечивает близость комитета к объекту оценки и учет специфики деятельности конкретного биобанка, однако порождает проблему отсутствия единообразия подходов и зависимости комитета от организации, при которой он создан. Альтернативой является создание одного или нескольких централизованных комитетов при федеральном органе исполнительной власти, уполномоченном в сфере регулирования биобанкирования (к примеру, при Минздраве России).

Полагаем, что оптимальным решением может стать двухуровневая система, в рамках которой на локальном уровне этические комитеты организаций осуществляют первичную оценку и текущий мониторинг, руководствуясь нормативными критериями и стандартами. На федеральном уровне подлежит созданию специализированный этический совет при уполномоченном органе исполнительной власти, к компетенции которого может быть отнесена разработка методических рекомендаций для локальных комитетов, рассмотрение спорных или наиболее сложных вопросов в порядке апелляции, обобщение практики этической оценки деятельности биобанков. Подобная конструкция, с одной стороны, обеспечивает единство подходов и позволяет интегрировать этическую экспертизу в систему административного управления, с другой – сохраняет гибкость, присущую модели локальных комитетов.

Список использованной литературы:

1. Бутяйкин И.А. Современные тенденции и векторы развития правового регулирования медицинской деятельности в Российской Федерации. *Медицинское право*. 2026;(1):10–14.
2. Кленкина О.В. Субъект государственного управления как объект административно-правового регулирования. *Вестник Самарского государственного университета*. 2012;(1):158–161.
3. Косилкин Н.А. Опыт правового регулирования деятельности биобанков в зарубежной практике и развитие российского законодательства. *Вестник университета им. О.Е. Кутафина*. 2020;(4):79–87. DOI: 10.17803/2311-5998.2020.68.4.079-087.
4. Макарова Ю.И. Регулирование редактирования генома: мнимый цугцванг. *Конституционное и муниципальное право*. 2025;(12):23–29. DOI: 10.18572/1812-3767-2025-12-23-29.
5. Право и биомедицина: монография / отв. ред. Ф.В. Цомартова. М.: ИЗиСП: Норма: ИНФРА-М.; 2025. DOI: 10.12737/1244960.
6. Рузанова В.Д. Биоэтические комитеты в развитии передовых направлений медицины: задачи права. *Журнал российского права*. 2024;(12):95–107. DOI: 10.61205/S160565900030597-0.
7. Смирнов Н.Н. Конституционно-правовое регулирование принципов биоэтики и биоправа в странах Латинской Америки. *Государственная власть и местное самоуправление*. 2025;(11):47–49. DOI: 10.18572/1813-1247-2025-11-47-49.
8. Budimir D., Polasek O., Marusić A. et al. Ethical aspects of human biobanks: a systematic review. *Croatian medical journal*. 2011;(3(52)):262–279. DOI: 10.3325/cmj.2011.52.262.
9. Klingstrom T., Bongcam-Rudloff E., Reichel J. Legal & ethical compliance when sharing biospecimen. *Brief Funct Genomics*. 2018;(1(17)):1–7. DOI: 10.1093/bfpg/elx008.
10. Lee Y.S., Garrido N.L.B., Lord G. et al. Ethical considerations for biobanks serving underrepresented populations. *Bioethics*. 2025;(3(39)):240–249. DOI: 10.1111/bioe.13381.
11. Przhilenskiy V. Discussions on the Status of the Ethics Committee and Biobanking Practices in the Nordic Countries. *Kutafin Law Review*. 2023;(3(10)):544–568. DOI: 10.17803/2713-0533.2023.2.25.544-568.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Махина Светлана Николаевна

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права юридического факультета ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

References:

1. Butyaikin I.A. [Current Trends and Development Vectors of Legal Regulation of Medical Activities in The Russian Federation]. *Meditsinskoe pravo = Medical law*. 2026;(1):10–14. (In Russ.)]
2. Klenkina O.V. [The Subject of Public Administration as an Object of Administrative-Legal Regulation]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta = Vestnik of Samara State University*. 2012;(1):158–161. (In Russ.)]
3. Kosilkin N.A. [Experience of Legal Regulation of Biobank Activities in Foreign Practice and the Development of Russian Legislation]. *Vestnik universiteta im. O.E. Kutafina = Courier of Kutafin Moscow State Law University*. 2020;(4):79–87. DOI: 10.17803/2311-5998.2020.68.4.079-087. (In Russ.)]
4. Makarova Yu.I. [Regulating Genome Editing: A Phantom Zugzwang]. *Konstitutsionnoe i municipal'noe pravo = Constitutional and municipal law*. 2025;(12):23–29. DOI: 10.18572/1812-3767-2025-12-23-29. (In Russ.)]
5. [Law and Biomedicine] / ed. by F.V. Tsomartova. Moscow, IZiSP: Norma: INFRA-M Publ.; 2025. DOI: 10.12737/1244960. (In Russ.)]
6. Ruzanova V.D. [Bioethics Committees in the Development of Advanced Fields of Medicine: Tasks of Law]. *Zhurnal rossiyskogo prava = Journal of Russian Law*. 2024;(12):95–107. DOI: 10.61205/S160565900030597-0. (In Russ.)]
7. Smirnov N.N. [Constitutional and Legal Regulation of The Principles of Bioethics and Biolaw in Latin American Countries]. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie = State power and local self-government*. 2025;(11):47–49. DOI: 10.18572/1813-1247-2025-11-47-49. (In Russ.)]
8. Budimir D., Polasek O., Marusić A. et al. Ethical aspects of human biobanks: a systematic review. *Croatian Medical Journal*. 2011;(3(52)):262–279. DOI: 10.3325/cmj.2011.52.262.
9. Klingstrom T., Bongcam-Rudloff E., Reichel J. Legal & ethical compliance when sharing biospecimen. *Brief Funct Genomics*. 2018;(1(17)):1–7. DOI: 10.1093/bfpg/elx008.
10. Lee Y.S., Garrido N.L.B., Lord G. et al. Ethical Considerations for Biobanks Serving Underrepresented Populations. *Bioethics*. 2025;(3(39)):240–249. DOI: 10.1111/bioe.13381.
11. Przhilenskiy V. Discussions on the Status of the Ethics Committee and Biobanking Practices in the Nordic Countries. *Kutafin Law Review*. 2023;(3(10)):544–568. DOI: 10.17803/2713-0533.2023.2.25.544-568.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Svetlana N. Makhina

Dr. of Sci. (Law), Full Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law of Law Faculty of the FGBOU VO "Voronezh State University"

Оригинальная статья / Original article
<https://doi.org/10.31429/20785836-18-2-38-43>

О ЖИЛИЩНО-ПРАВОВЫХ СООБЩЕСТВАХ

Чеговадзе Л.А.

ФГКОУ ВО «Московский ордена Почета университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя»
(Академика Волгина ул., д. 12, г. Москва, Россия, 117997)

Ссылка для цитирования: Чеговадзе Л.А. О жилищно-правовых сообществах. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2026;18(2):38–43. <https://doi.org/10.31429/20785836-18-2-38-43>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Чеговадзе Людмила Алексеевна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса ФГКОУ ВО «Московский ордена Почета университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя»

Адрес: Академика Волгина ул., д. 12, г. Москва, Россия, 117997

Тел.: +7 (904) 904-99-33

E-mail: chegov@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 28.04.2026

Статья принята к печати: 26.05.2026

Дата публикации: 25.06.2026

Аннотация: Главной целью статьи является обоснование выделения среди гражданско-правовых сообществ самостоятельной классификационной группы «жилищно-правовые сообщества» на основе анализа влияния правового режима общей собственности на жилые помещения и комплексной природы жилищных правоотношений.

Для достижения цели исследования были поставлены задачи: анализ видов гражданско-правовых сообществ собственников; определение критериев отнесения объединений лиц к жилищной сфере; разграничение сообществ, возникающих в связи с жилыми помещениями, от смежных образований, в частности товариществ собственников недвижимости в садоводстве.

В процессе исследования использовались различные методы: общенаучные методы анализа и синтеза, формально-юридический метод, а также сравнительно-правовой анализ норм Гражданского кодекса РФ, Жилищного кодекса РФ и доктринальных подходов.

Результаты исследования показывают, что жилищные правоотношения носят комплексный характер и не ограничиваются правом собственности на жилое помещение, распространяясь также на отношения по поводу общего имущества в многоквартирном доме. Установлено, что участники юридического лица (товарищества собственников недвижимости) связаны корпоративными правами, однако если такое товарищество создано для управления общим имуществом в многоквартирном доме, оно может рассматриваться как жилищно-правовое сообщество в силу своего предметно-функционального назначения. В то же время, товарищества, создаваемые в сфере садоводства и огородничества и не связанные с жилыми помещениями, к таковым не относятся.

Основной вывод заключается в том, что целесообразно выделить особую классификационную группу гражданско-правовых сообществ – «жилищно-правовые сообщества». Данное понятие является более точным и емким по сравнению с общеупотребимым термином «гражданско-правовое сообщество», поскольку отражает комплексность объединения лиц и охватывает весь спектр коллективных образований, действующих в жилищной сфере.

Ключевые слова: жилищно-правовые сообщества, гражданско-правовое сообщество, общая собственность, многоквартирный дом, жилищные правоотношения, товарищество собственников недвижимости, сосособственники.

ON HOUSING-LEGAL COMMUNITIES

Lyudmila A. Chegovadze

FGKOU VO "Moscow Order of the Badge of Honor University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.Ya. Kikot"
(Akademika Volgina str., 12, Moscow, Russia, 117997)

Link for citation: Chegovadze L.A. On housing-legal communities. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2026;18(2):38–43. <https://doi.org/10.31429/20785836-18-2-38-43>

CONTACT INFORMATION:

Lyudmila A. Chegovadze, Dr. of Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Civil and Labour Law and Civil Procedure of the FGKOU VO "Moscow Order of the Badge of Honor University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.Ya. Kikot"

Address: Akademika Volgina str., 12, Moscow, Russia, 117997

Tel.: +7 (904) 904-99-33

E-mail: chegov@mail.ru

Conflict of interest. The author declares no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 28.04.2026

The article has been accepted for publication: 26.05.2026

Date of publication: 25.06.2026

Annotation: The main *purpose* of the article is to substantiate the identification of an independent classification group – "housing-legal communities" – among civil-law communities, based on an analysis of the influence of the legal regime of common ownership of residential premises and the complex nature of housing legal relations.

To achieve this goal, the following *objectives* were set: to analyze the types of civil-law communities of co-owners; to determine the criteria for classifying associations of persons as belonging to the housing sphere; to distinguish between communities arising in connection with residential premises and related formations, in particular, real estate owners' associations in gardening.

The study employed various *methods*: general scientific methods of analysis and synthesis, the formal legal method, as well as a comparative legal analysis of the norms of the Civil Code of the Russian Federation, the Housing Code of the Russian Federation, and doctrinal approaches.

The *results* of the study show that housing legal relations are of a complex nature and are not limited to the right of ownership of a residential premises, extending also to relations regarding common property in an apartment building. It has been established that participants in a legal entity (a real estate owners' association) are bound by corporate rights; however, if such an association is created to manage common property in an apartment building, it may be regarded as a housing-legal community by virtue of its subject-functional purpose. At the same time, associations created in the sphere of gardening and horticulture that are not connected with residential premises do not qualify as such.

The main *conclusion* is that it is advisable to distinguish a special classification group of civil-law communities – "housing-legal communities". This concept is more precise and comprehensive compared to the commonly used term "civil-law community" as it reflects the complexity of the association of persons and covers the full range of collective formations operating in the housing sphere.

Keywords: housing-legal communities, civil-law community, common ownership, apartment building, housing legal relations, real estate owners' association, co-owners.

Введение

На гражданско-правовое сообщество Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ) указывает без какой-либо характеристики его природы. В зависимости от правового положения объединяющихся в сообщество лиц выделены несколько видов гражданско-правового сообщества, в частности сообщество собственников (ч. 2 ст. 181.1 ГК РФ). Вместе с тем в гражданско-правовой действительности существует большое количество объектов, на которые может распространяться право общей собственности, их правовой режим различен [4, с. 42–47]. Постараемся понять, как правовой режим общей собственности влияет на природу гражданско-правового сообщества. Сделаем это на примере общей собственности лиц, в собственности которых находятся жилые помещения, то есть изолированные помещения, признанные пригодными для постоянного проживания людей и отвечающие установленным санитарным, техническим и иным правилам и требованиям законодательства (ч. 2 ст. 15 Жилищного кодекса Российской Федерации (далее – ЖК РФ)).

Методы исследования

Для достижения поставленной цели исследования в работе использовались как общенаучные, так и специально-юридические методы исследования. Применение методов анализа и синтеза позволило установить характерные признаки жилищно-правовых сообществ и отграничить их от иных объединений собственников. Формально-юридический метод использован при толковании норм ГК РФ и ЖК РФ, а сравнительно-правовой анализ при сопоставлении правовых режимов многоквартирных домов и объектов садоводческой деятельности. Такой методологический подход обеспечил комплексное изучение природы жилищно-правовых сообществ как одного из подвидов гражданско-правового сообщества.

Результаты исследования

Гражданско-правовые сообщества, образующиеся в жилищной сфере, представляют собой обособленную классификационную группу в рамках всего существующего множества гражданско-правовых сообществ. Их существенное отличие от других гражданско-правовых сообществ заключается в том, что существование и функционирование таких объединений происходит в рамках жилищных правоотношений. Именно в жилищной сфере возможна идентификация подобных гражданско-правовых сообществ, при этом не имеет значения вид базового гражданско-правового сообщества, которое послужило основой для его создания, будь то участники юридического лица, или собственники. В данном случае важен лишь тот факт, что подобное сообщество является формой опосредования жилищных правоотношений и имеет предметно-функциональную направленность на защиту и реализацию жилищных прав его участников.

Ввиду изложенного представляется возможным и целесообразным среди всего множества гражданско-правовых сообществ выделить особую классификационную группу и именовать ее «жилищно-правовые сообщества». Необходимость в такой дифференциации обусловлена тем, что подобные сообщества могут образовываться при различных юридических и фактических обстоятельствах, объединяя собственников жилого помещения (например, долевых собственников квартиры или жилого дома), собственников общего имущества в многоквартирном доме (далее – МКД) (владельцев квартир и нежилых помещений, которые совместно владеют подвалами, крышами, лестничными клетками и инженерным оборудованием), а также участников товарищества собственников недвижимости (далее – ТСН), если оно создано для управления объектами, имеющими правовой режим жилых помещений и предназначено именно для регулирования жилищных, а не иных отношений. Понятие «жилищно-правовое сообщество» является более емким и точным по сравнению с общеиспользуемым понятием «гражданско-правовое сообщество», поскольку оно отражает комплексность объединения лиц и охватывает весь спектр коллективных образований, которые могут быть признаны жилищно-правовыми сообществами ввиду их участия именно в жилищных правоотношениях.

Научная дискуссия

Согласно ч. 1 ст. 16 ЖК РФ, жилыми помещениями считаются:

- 1) жилой дом (или его часть) – индивидуально-определенное здание, которое состоит из комнат, а также помещений вспомогательного использования, предназначенных для удовлетворения гражданами бытовых и иных нужд, связанных с их проживанием в таком здании (ч. 2 ст. 16 ЖК РФ);
- 2) квартира (или ее часть) – структурно обособленное помещение в многоквартирном доме, обеспечивающее возможность прямого доступа к помещениям общего пользования в таком доме и состоящее из одной или нескольких комнат, а также помещений вспомогательного использования,

предназначенных для удовлетворения гражданами бытовых и иных нужд, связанных с их проживанием в таком обособленном помещении (ч. 3 ст. 16 ЖК РФ);

3) комната – часть жилого дома или квартиры, предназначенная для использования в качестве места непосредственного проживания граждан в жилом доме или квартире (ч. 4 ст. 16 ЖК РФ).

Жилые помещения именуются объектами жилищных прав (ст. 15 ЖК РФ), которые не ограничиваются исключительно правомочиями собственности на имущество, а содержат также право на жилище, право на неприкосновенность жилища, право на получение жилья по договору социального найма, права нанимателя и членов его семьи, право на управление многоквартирным домом и другие. Жилищные права связаны с владением, пользованием и распоряжением жилыми помещениями, а также с обеспечением условий для проживания в них (ст. 1 ЖК РФ), и можно сделать вывод, что жилищные права становятся таковыми в силу специфики отношений по завладению и пользованию жилыми помещениями. И действительно, в этой же норме законодатель указывает, что жилищные права вытекают из жилищных правоотношений.

Стоит отметить, что жилищные правоотношения имеют комплексную природу¹, возникают не только по поводу использования жилого помещения в качестве жилья, хотя некоторые ученые и придерживаются такого узкого подхода к определению жилищных отношений [1, с. 12]. Другие ученые, например, П.И. Седугин утверждают, что жилищные отношения представляют собой общее, родовое понятие, которое охватывает различные виды отношений, возникающих по поводу жилища². По мнению Б.М. Гонгало и П.В. Крашенинникова, жилищные отношения имеют характер имущественных и неимущественных, организационных, финансовых и некоторых других связей, возникающих по поводу жилья [2].

В контексте заявленной темы исследования выше были указаны права общей собственности на общий объект жилищных прав как на одну из их разновидностей для выявления существа гражданско-правовых сообществ в указанной сфере. С другой стороны, в силу комплексности жилищных правоотношений, отношениями общей собственности на единый объект жилищных прав не ограничиваются случаи возникновения гражданско-правовых сообществ в данной области.

Так, например, собственники квартир в МКД обладают правом общей долевой собственности на общее имущество МКД. Доля в праве общей собственности на общее имущество МКД пропорциональна размеру жилого помещения, которым лицо владеет на праве собственности. Общей собственностью МКД, согласно ст. 36 ЖК РФ, являются помещения, не являющиеся частями квартир, которые предназначены для удовлетворения социально-бытовых нужд собственников квартир в данном доме. К такому имуществу относятся, например, лестничные площадки, лестницы, лифты, коридоры, чердаки, подвалы, крыши, сам земельный участок, на котором расположен МКД и некоторые другие объекты.

То обстоятельство, что собственники квартир в МКД владеют общим имуществом МКД на праве общей долевой собственности, объединяет их в гражданско-правовое сообщество [5, с. 431–437]. Отношения между сосособственниками по поводу общего имущества следует также считать жилищными – общее имущество МКД служит для удовлетворения социально-бытовых нужд собственников жилых помещений, обслуживания жилых помещений, то есть напрямую относится к жилищной сфере.

Нередко собственники жилых помещений для управления общим имуществом создают ТСН. Согласно ст. 123.12 ГК РФ именно вопросы совместного пользования и распоряжения имуществом, которое находится в общей собственности или общем пользовании членов ТСН, решаются путем создания ТСН. Кроме того, согласно этой же норме, создание товарищества также позволяет достичь ряда иных целей. С созданием товарищества сосособственники укладывают свое объединение в организационно-правовую форму юридического лица и придают ему статус субъекта гражданских правоотношений.

В этой связи актуальным становится вопрос о том, будет ли объединение сосособственников в данном случае относиться к сфере жилищных отношений? При ответе на поставленный вопрос необходимо учитывать несколько важных моментов.

Из ч. 1 ст. 181.1 ГК РФ известно, что участники юридического лица, коим является ТСН, также являются гражданско-правовым сообществом. Однако участники юридических лиц

¹ Сенотрусова Е.М. Жилищное право: учеб. пособие. Иркутск: Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации. 2025. С. 8.

² Седугин П.И. Жилищное право: учебник для вузов. М.: Норма, 2000. С. 2.

объединены между собой посредством общих корпоративных прав [3, с. 61–71], в силу чего и предстают в качестве сообществ. Общие корпоративные права не связаны с жилищем и не относятся к жилищной сфере в целом и поэтому представляется, что члены ТСН в данном случае не будут являться гражданско-правовым сообществом. Однако ТСН, которое образовано собственниками помещений в МКД, принимает участие в жилищных правоотношениях, что вполне очевидно, ведь целью его создания является управление общим имуществом собственников в МКД. Несмотря на то, что основа создания объединения участников в ТСН – общие корпоративные права – данное объединение может быть отнесено к разряду гражданско-правовых сообществ в сфере жилищных отношений в силу своего предметно-функционального назначения. Если ТСН как юридическое лицо действует в жилищной сфере, одной из его задач является обеспечение жилищных прав участников ТСН, а их отношения между собой в ряде случаев имеют характеристику жилищно-правовых.

Тем не менее, ТСН далеко не всегда создается в жилищной сфере. ГК РФ в вышеупомянутой ст. 123.12 указывает несколько разновидностей ТСН, оставляя при этом данный перечень открытым. Так, ТСН могут создаваться при наличии общего имущества у участников нескольких садовых домов, садовых или огородных земельных участков и т.п. [7, с. 69–72]. При этом важно понимать, что садовый дом согласно п. 2 ст. 3 ФЗ от 29 июля 2017 г. № 217 «О ведении гражданами садоводства и огородничества для собственных нужд...»¹ является не жилым помещением, а зданием сезонного использования, которое предназначено для удовлетворения гражданами бытовых и иных нужд, связанных с их временным пребыванием в таком здании. Занятие садоводством и огородничеством представляет собой особый комплексный вид правового взаимодействия садоводов и огородников [6, с. 40–44], который, однако, также связан с общим имуществом, но не связан с жилыми помещениями, а значит и отношения садоводов и огородников между собой не могут иметь свойства жилищных, так как последние, как было указано выше, могут возникать лишь при наличии связи с жилым помещением. То есть, в подобных случаях ТСН не принимает участие в жилищных правоотношениях и, соответственно, не может считаться гражданско-правовым сообществом, образованным в жилищной сфере.

Список использованной литературы:

1. Басин Ю.Г. Вопросы советского жилищного права. Алма-Ата; 1963. DOI: 000199_000009_005959801.
2. Гонгало Б.М., Крашенинников П.В. Развитие кодификации жилищного права. Кодификация российского частного права / В.В. Витрянский, С.Ю. Головина, Б.М. Гонгало и др.; под ред. Д.А. Медведева. М.: Статут; 2017 // Доступ из СПС «Гарант».
3. Груздев В.В. Гражданско-правовые сообщества: понятие, виды. *Журнал российского права*. 2021;(10(25)):61–71. DOI: 10.12737/jrl.2021.123.
4. Иншакова А.О., Матыцин Д.Е. Особенности государственной регистрации недвижимого имущества крестьянских (фермерских) хозяйств. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2025;(2):42–47.
5. Политкин И.А. О некоторых видах гражданско-правового сообщества собственников. *Социально-экономические и правовые меры борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции, Рязанский филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя*

References:

1. Basin Yu.G. [Issues of Soviet housing law]. Alma-Ata; 1963. DOI: 000199_000009_005959801. (In Russ.)
2. Gongalo B.M., Krashenninnikov P.V. [Development of the codification of housing law]. *Kodifikatsiya rossiyskogo chastnogo prava = Codification of Russian private law* / V.V. Vitryanskiy, S.Yu. Golovina, B.M. Gongalo et al.; ed. by D.A. Medvedev. Moscow: Statut; 2017. Access from the legal reference system "Garant". (In Russ.)
3. Gruzdev V.V. [Civil law communities: concept and types]. *Zhurnal rossiyskogo prava = Journal of Russian Law*. 2021;(10(25)):61–71. DOI: 10.12737/jrl.2021.123. (In Russ.)
4. Inshakova A.O., Matytsin D.E. [Features of state registration of real estate of peasant (farmer) enterprises]. *Yuridicheskiy vestnik Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta = Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2025;(2):42–47. (In Russ.)
5. Politkin I.A. [On some types of civil law community of co-owners]. *Sotsial'no-ekonomicheskie i pravovye меры bor'by s prestupleniyami i inymi pravonarusheniyami: sbornik nauchnykh trudov Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Ryazanskiy filial Moskovskogo universiteta MVD Rossii imeni V.Ya. Kikotya = Socio-economic and legal measures to combat crimes and other*

¹ О ведении гражданами садоводства и огородничества для собственных нужд и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 29.07.2017 г. № 217-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

(г. Рязань, 3 апреля 2025 г.). Рязань: Московский университет МВД РФ им. В.Я. Кикотя; 2025.

6. Чеговадзе Л.А. О бремени содержания общего имущества садоводов и огородников. *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2022;(12):40–44.

7. Чеговадзе Л.А. О кворуме общих собраний в садоводческом некоммерческом товариществе. *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2022;(3):69–72.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Чеговадзе Людмила Алексеевна

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса ФГКОУ ВО «Московский ордена Почета университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя»
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0079-1917>
Author ID Scopus: 57208152638

offences: collection of scientific works of the All-Russian scientific and practical conference, Ryazan Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot' (Ryazan, 3 April 2025). Ryazan: Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.Ya. Kikot'; 2025. (In Russ.)]

6. Chegovadze L.A. [On the burden of maintaining the common property of gardeners and vegetable gardeners]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika = The Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice*. 2022;(12):40–44. (In Russ.)]

7. Chegovadze L.A. [On the quorum of general meetings in a horticultural non-profit partnership]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika = The Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice*. 2022;(3):69–72. (In Russ.)]

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Lyudmila A. Chegovadze

Dr. of Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Civil and Labour Law and Civil Procedure of the FGKOU VO "Moscow Order of the Badge of Honor University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.Ya. Kikot"
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0079-1917>
Author ID Scopus: 57208152638

Оригинальная статья / Original article
<https://doi.org/10.31429/20785836-18-2-44-50>

К ВОПРОСУ О ПЕРСПЕКТИВАХ ЗАИМСТВОВАНИЯ ОПЫТА ПРИМЕНЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ В УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Багдасарян А.А.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

Ссылка для цитирования: Багдасарян А.А. К вопросу о перспективах заимствования опыта применения технологий искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве Китайской Народной Республики в уголовное судопроизводство Российской Федерации. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2026;18(2):44–50. <https://doi.org/10.31429/20785836-18-2-44-50>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Багдасарян Арсен Артемович, преподаватель кафедры криминалистики и правовой информатики
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Адрес: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Тел.: +7 (918) 386-43-56

E-mail: krimkubsu@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 27.04.2026

Статья принята к печати: 26.05.2026

Дата публикации: 25.06.2026

Аннотация: Целью статьи является рассмотрение теоретических и практических аспектов применения инструментов искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве Китайской Народной Республики, а также определение возможностей адаптации наиболее удачных решений к российской правовой действительности.

Задачи исследования: изучение правового регулирования применения технологий искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве в КНР, выделение направлений такого применения, сопоставление китайской и российской моделей цифровизации.

Методологическую основу исследования составили диалектический метод научного познания, а также общенаучные и специальные *методы*, такие, как системный, формально-юридический, сравнительно-правовой, логико-аналитический.

В статье анализируются функциональные возможности таких разработок, как «Система 206», концепция «цифрового прокурора» и платформа «Умный суд». Исследуются правовые основы внедрения указанных технологий и сопутствующие риски. Обращается внимание на вопросы оценки доказательственной базы с использованием алгоритмов. В рамках сравнительно-правового подхода проводится сопоставление китайского опыта с современным состоянием и тенденциями цифровизации отечественного уголовного судопроизводства. По итогам исследования формулируются *выводы* о пределах заимствования китайского опыта.

Ключевые слова: искусственный интеллект, уголовное судопроизводство, уголовно-процессуальная деятельность, уголовно-процессуальное доказывание, Китайская Народная Республика, «Система 206», цифровая трансформация правосудия.

ON THE PROSPECTS OF BORROWING THE EXPERIENCE OF USING ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGIES IN CRIMINAL PROCEEDINGS OF THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA IN THE CRIMINAL PROCEEDINGS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Arsen A. Bagdasaryan

FGBOU VO "Kuban State University"
(Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040)

Link for citation: Bagdasaryan A.A. On the prospects of borrowing the experience of using artificial intelligence technologies in criminal proceedings of the People's Republic of China in the criminal proceedings of the Russian Federation. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2026;18(2):44–50. <https://doi.org/10.31429/20785836-18-2-44-50>

CONTACT INFORMATION:

Arsen A. Bagdasaryan, Lecturer at the Department of Criminalistics and Legal Informatics of the FGBOU VO "Kuban State University"

Address: Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040

Tel.: +7 (918) 386-43-56

E-mail: krimkubsu@mail.ru

Conflict of interest. The author declares no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 27.04.2026

The article has been accepted for publication: 26.05.2026

Date of publication: 25.06.2026

Annotation: The *purpose* of the article is to consider the theoretical and practical aspects of the use of artificial intelligence tools in criminal proceedings of the People's Republic of China, as well as to identify the possibilities of adapting the most successful solutions to the Russian legal reality.

The *objectives* of the research are to study the legal regulation of the use of artificial intelligence technologies in criminal proceedings in the People's Republic of China, identify areas of such application, and compare Chinese and Russian models of digitalization.

The *methodological* basis of the research was the dialectical method of scientific cognition, as well as general scientific and special methods such as systematic, formal-legal, comparative-legal, logical-analytical.

The article analyzes the functionality of such developments as the "206 System", the concept of a "digital prosecutor" and the "Smart Court" platform. The legal basis for the implementation of these technologies and the associated risks are being investigated. Attention is drawn to the issues of evaluating the evidence base using algorithms. Within the framework of the comparative legal approach, the Chinese experience is compared with the current state and trends of digitalization of domestic criminal proceedings. Based on the results of the study, conclusions are drawn about the limits of borrowing Chinese experience.

Keywords: artificial intelligence, criminal justice, criminal procedural activity, criminal procedural evidence, People's Republic of China, "System 206"», digital transformation of justice.

Введение

Процессы цифровой трансформации затронули практически все сферы общественной жизни, и юриспруденция не стала исключением. Весьма динамично данные процессы развиваются в Китайской Народной Республике, где внедрение алгоритмических методов в деятельность правоохранительных органов осуществляется достаточно высокими темпами. Как справедливо указывается в современной юридической литературе, «экономические и научные достижения Китая общеизвестны, в связи с чем актуальным представляется изучение китайского опыта и в сфере информатизации правосудия» [7, с. 54].

Таким образом, необходимость обращения к китайскому опыту продиктована потребностями развития отечественной модели уголовного судопроизводства. Цель настоящей работы заключается

в выявлении конкретных механизмов использования технологий искусственного интеллекта (ИИ) в уголовно-процессуальной деятельности КНР, оценке их результативности и сопутствующих рисков, а также в определении возможностей адаптации наиболее удачных решений к российской правовой действительности.

Методы исследования

В ходе исследования применялись диалектический метод, позволивший изучить закономерности развития технологий искусственного интеллекта в сфере уголовного судопроизводства, а также общенаучные и специальные методы познания: системный, формально-юридический, сравнительно-правовой, логико-аналитический.

Результаты исследования

Проведенное исследование позволяет прийти к выводу, что полноценная имплементация китайского опыта использования технологий искусственного интеллекта в российскую правовую систему невозможна в силу различий в устройствах правовых систем, однако видятся перспективными определенные направления использования, в частности, формирование структурированных баз данных по уголовным делам (с соблюдением необходимых законодательных ограничений, связанных с защитой персональных данных и государственной тайны). Кроме того, функционирование ведомственных аналитических систем, ориентированных на выявление нарушений, допускаемых в ходе предварительного расследования, как свидетельствует китайская практика, позволяет достаточно эффективно обнаруживать типичные процессуальные ошибки и своевременно реагировать на них. Внедрение подобных инструментов в деятельность российских следователей и дознавателей могло бы способствовать повышению качества расследования.

Несмотря на потенциал применения технологий искусственного интеллекта в российском судопроизводстве, ведущая роль должна оставаться за субъектами доказывания, при этом видится допустимым использование данных технологий для решения вспомогательных задач.

Научная дискуссия

Формирование китайской модели цифрового правосудия осуществляется на основе директивных документов Коммунистической партии Китая и нормативных актов Верховного народного суда КНР. В качестве приоритетных целей обозначены обеспечение доступности правосудия, повышение эффективности рассмотрения дел и укрепление гарантий равенства участников процесса.

Начало системной работы в данном направлении принято связывать с 2016 годом, когда руководством Верховного суда КНР была инициирована программа создания так называемых «Умных судов», предполагающая интеграцию в судебную деятельность передовых цифровых решений, включая технологии искусственного интеллекта [2, с. 70; 13, с. 71–72].

Важным этапом стало принятие в 2021 – 2022 гг. «Правил онлайн-судопроизводства» и «Правил работы народных судов в режиме онлайн», а также «Правил онлайн-медиации», которые сформировали необходимую правовую основу для использования алгоритмических систем при отправлении правосудия по уголовным делам [6, с. 128]. В китайской научной среде отмечается, что принятие новых правил позволило достичь существенного прогресса в цифровом развитии судебной деятельности [15, с. 114].

Следует отметить, что для китайской модели характерна высокая степень централизации управления процессами цифровизации: разработка и внедрение технологических решений курируются непосредственно государственными структурами, что обеспечивает унификацию подходов и возможность оперативного масштабирования успешных пилотных проектов на всю территорию страны.

Рассмотрим основные направления практического применения ИИ в уголовном процессе КНР. Наиболее показательным примером интеграции искусственного интеллекта в уголовно-процессуальную деятельность служит разработка Шанхайского высшего народного суда, получившая неофициальное наименование «Система 206». Данный программный комплекс создавался при участии правоохранительных органов и технологической компании iFlytek и представляет собой единую межведомственную платформу, охватывающую деятельность органов дознания, следствия, прокуратуры и суда. К работе над проектом привлекалось более семисот специалистов, включая практикующих юристов и разработчиков программного обеспечения [10, с. 163]. Анализ функциональных возможностей «Системы 206» и иных аналогичных платформ позволяет выделить несколько ключевых направлений их использования:

1. Обработка и анализ доказательственной информации. Алгоритмические методы позволяют осуществлять обработку значительных объемов данных, представленных как в текстовой форме, так и в виде мультимедийных файлов. Система способна выявлять противоречия в показаниях участников процесса, логические несоответствия в материалах дела, а также потенциальные нарушения, допущенные в ходе предварительного расследования. Особого внимания заслуживает использование технологий распознавания лиц и объектов при анализе видеозаписей с мест происшествий, что существенно повышает оперативность работы по идентификации лиц.

2. Оптимизация следственной деятельности. Реализованный в системе модуль «Умный допрос» выполняет функцию структурирования процесса получения показаний. Программа формирует перечень обстоятельств, подлежащих выяснению по конкретной категории дел, и фиксирует полноту их отражения в протоколе. Тем самым обеспечивается снижение вероятности процессуальных ошибок и упущений со стороны следователя, а сам ИИ выступает в роли инструмента контроля за соблюдением установленной процедуры «Умного допроса». А.Ф. Реховский отмечает значение данного модуля: «Это революция в допросе Китая. Это большой скачок от традиционных методов допроса (включая понятие, методы и технологии) к модернизации процедуры допроса в целом» [11, с. 75].

3. Информационная поддержка судейской деятельности. В распоряжение судей предоставляются рекомендации, сформированные на основе анализа огромного массива ранее вынесенных приговоров. Источником информации служит крупнейшая в мире база China Judgments Online, аккумулирующая на начало 2020 года более 81,5 миллиона судебных актов [5, с. 40]. Использование данного инструмента призвано обеспечить единообразие судебной практики и повысить предсказуемость итоговых решений по аналогичным делам. При этом как неоднократно подчеркивалось в научной литературе, искусственный интеллект выполняет исключительно вспомогательную функцию, не подменяя собой судью в вопросах оценки доказательств и назначения наказания.

4. Цифровизация прокурорской деятельности. В декабре 2021 г. появились сведения о разработке программы «Цифровой прокурор». Отмечается, что «искусственный интеллект, внедренный в районной прокуратуре Шанхая, способен составлять обвинительные заключения, которые будут представлены в суде» [4, с. 394].

Наряду с очевидными достижениями, китайский опыт высвечивает и ряд серьезных проблем, требующих осмысления. Прежде всего, речь идет о риске возникновения «цифрового разрыва» между участниками судопроизводства. Обвиняемый, не обладающий специальными познаниями в области программирования и статистики, лишен реальной возможности оспорить результаты алгоритмической обработки данных, которые могут быть положены в основу обвинения.

Не менее остро стоит вопрос о прозрачности работы алгоритмов. Отсутствие открытой информации о том, на каких именно массивах данных производилось обучение моделей и каким образом формируются итоговые рекомендации, порождает обоснованные сомнения в их объективности и создает предпосылки для воспроизводства существующих предубеждений.

Наконец, принципиальное значение имеют этические аспекты использования искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве. Дискуссионным остается вопрос о допустимости делегирования машине оценочных категорий, таких как степень общественной опасности деяния или характеристика личности подсудимого. В научной литературе отмечается, что использование ИИ в правосудии может сделать эту деятельность формальной, поскольку роль человека будет заметно снижена [3, с. 127].

Отечественная модель цифровизации правосудия также находится в стадии активного формирования. Правовой основой для данных новелл выступают прежде всего Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации»¹ и Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых и технологических инноваций в Российской Федерации»². В судах общей юрисдикции функционирует Государственная автоматизированная система «Правосудие», обеспечивающая

¹ О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации (вместе с Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года): Указ Президента РФ от 10.10.2019 г. № 490 (ред. от 15.02.2024) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.2020 г. № 258-ФЗ // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

электронный документооборот и информационное взаимодействие, в системе арбитражных судов работает система «Мой арбитр».

Применительно к российской уголовно-процессуальной сфере приходится констатировать отставание от китайских темпов цифровизации. Вместе с тем в научной литературе отмечается, что в последние годы предпринимаются попытки внедрения процессов автоматизации в уголовный процесс. Одним из примеров является автоматизированное рабочее место следователя [8, с. 195]. Данный программный комплекс позволяет минимизировать интеллектуальные и физические усилия, касающиеся создания процессуальных документов и поиска методической и справочной информации.

Говоря об использовании технологий искусственного интеллекта непосредственно в процессе доказывания по уголовным делам, следует учитывать, что доказывание представляет собой «содержательный логический процесс, включающий в себя элементы построения версий, вывода из них логических следствий, определения возможных доказательств, собирания (обнаружения и фиксации), проверки доказательств с мыслительной и практической сторон, оценки доказательств и их использования в обосновании выводов для подтверждения и опровержения версий, оценки достоверности установления наличия или отсутствия обстоятельств преступления» [12, с. 6]. То есть указанные виды деятельности представляют собой логическую сторону уголовно-процессуального доказывания, что априори требует крайне осторожного и ответственного подхода к внедрению технологий искусственного интеллекта в процессы разрешения задач уголовного судопроизводства. Тем не менее следует признать, что вопрос применения технологий генеративного искусственного интеллекта (ГИИ) «ставится не в форме классической дилеммы «быть или не быть» ГИИ в следственной деятельности, а в форме практической задачи о том, как быстро и грамотно произвести его интеграцию, соблюдая правовые и этические требования. Отказ от ГИИ в современных условиях представляет собой не консервативную позицию, а сознательный выбор в пользу неэффективности и отставания» [9, с. 59]. Также следует согласиться с мнением, что «наиболее реалистичным сценарием применения технологий искусственного интеллекта в процессе доказывания является их использование при получении и сборе информации, имеющей доказательственное значение» [14, с. 489].

Сопоставление российского и китайского опыта применения цифровых технологий позволяет выявить следующее:

В Китае приняты детальные правила онлайн-судопроизводства, которые создали правовую основу для использования ИИ в уголовном процессе. В России же отсутствуют специализированные нормы в Уголовно-процессуальном кодексе, а регулирование ограничивается общими нормативно-правовыми актами о развитии искусственного интеллекта (Указ Президента РФ № 490 и Федеральный закон № 258-ФЗ).

В части функций, выполняемых технологиями искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве, можно констатировать, что китайские алгоритмы способны анализировать доказательства, выявлять процессуальные нарушения, помогать в проведении допросов и даже прогнозировать вероятный приговор. Тем не менее главными проблемами в китайской модели называют непрозрачность работы алгоритмов («черный ящик»), отсутствие у стороны защиты доступа к технологиям и потенциальное психологическое давление на судью со стороны машинной рекомендации. В России использование подобных технологий ограничивается преимущественно решением вспомогательных, технических задач.

Китай реализовал масштабные разработки, такие как «Система 206», «Цифровой прокурор», модуль «Умный допрос». В России основой цифровизации судов выступают ГАС «Правосудие», «Мой арбитр», а также отдельные специализированные программные комплексы, которые по своему функционалу уступают китайским аналогам.

Таким образом, китайская модель уголовного судопроизводства демонстрирует глубокое проникновение технологий искусственного интеллекта, но сопряжена с серьезными этическими и процессуальными проблемами. Российская модель сталкивается скорее с рисками отставания, нежели с рисками чрезмерного влияния алгоритмов на правосудие.

Представляется очевидным, что полноценная имплементация китайской модели в российскую правовую систему невозможна в силу различий в исторически сложившихся подходах к организации судебной системы, а также принципов уголовного процесса. Вместе с тем отдельные элементы представляют интерес для адаптации.

Перспективным направлением видится формирование специализированных структурированных баз данных по уголовным делам (с соблюдением необходимых законодательных ограничений,

связанных с защитой персональных данных и государственной тайны). Наличие такого информационного ресурса позволило бы оперативно разрабатывать новые методические рекомендации для субъектов доказывания, способствующие снижению количества следственных и судебных ошибок и обеспечению единообразия правоприменительной практики.

Заслуживает внимания и опыт функционирования ведомственных аналитических систем, ориентированных на выявление нарушений, допускаемых в ходе предварительного расследования. Как свидетельствует китайская практика, алгоритмический анализ материалов уголовных дел позволяет достаточно эффективно обнаруживать типичные процессуальные ошибки и своевременно реагировать на них. Внедрение подобных инструментов в деятельность следователей и дознавателей могло бы способствовать повышению качества расследования.

Таким образом, в качестве заключения о потенциальной роли применения технологий искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве, следует подчеркнуть, что «субъект доказывания должен познавать доказательственную информацию, формировать систему доказательств и принимать процессуальные решения. Технологии искусственного интеллекта могут играть лишь вспомогательную роль в этих процессах при доминирующей роли субъекта доказывания в процессе выявления связей и закономерностей познаваемого события» [1, с. 10].

Список использованной литературы:

1. Багдасарян А.А. К вопросу о перспективах использования технологий искусственного интеллекта в процессе доказывания по уголовным делам. *Исследования молодых ученых: материалы XCIX Международной научной конференции (г. Казань, март 2025 г.)*. Казань: Молодой ученый; 2025.
2. Бальчиндоржиева О.Б., Мяханова А.Н., Сапкеев Д.В. Философско-правовые и этические аспекты организации «умного суда»: китайский опыт. *Вестник Бурятского государственного университета*. 2023;(3):70–76. DOI: 10.18101/1994-0866-2023-3-70-76.
3. Басангов Д.А. Искусственный интеллект в судебной практике зарубежных государств. *Образование и право*. 2026;(1):124–131.
4. Бякина С.И., Жданов Е.И., Сизова А.Л. К вопросу о возможности внедрения опыта применения искусственного интеллекта в уголовном процессе КНР в систему правосудия России. *Пенитенциарная наука*. 2025;(4(72)):391–399. DOI: 10.46741/2686-9764.2025.72.4.006.
5. Галлямов Д.Р. Применение искусственного интеллекта в изучении и оценке доказательств по уголовному делу в КНР. *Экономика и право. XXI век*. 2025;(2):39–42. DOI: 10.24412/2076-2828-2025-2-39-42.
6. Даньшин А.В. Правовое регулирование применения цифровых технологий и искусственного интеллекта в судопроизводстве Китайской Народной Республики. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки*. 2025;(1(9)):125–137. DOI: 10.21603/2542-1840-2025-9-1-125-137.
7. Драгилев Е.В., Драгилева Л.Л., Дровалева Л.С., Паламарчук С.А. Информатизация судебной системы Китая. *Юридическая наука*. 2022;(8):54–59.
8. Колычева А.Н. Автоматизированное рабочее место следователя: современные возможности и организация труда. *Научный вестник Орловского юридического*

References:

1. Bagdasaryan A.A. [On the issue of prospects for the use of artificial intelligence technologies in the process of proof in criminal cases]. *Issledovaniya molodykh uchenykh: materialy XCIX Mezhdunar. nauch. konf. (g. Kazan', mart 2025 g.) = Research of Young Scientists: Proceedings of the XCIX International Scientific Conference (Kazan, March 2025)*. Kazan: Molodoj uchenyj; 2025. (In Russ.)]
2. Bal'chindorzhieva O.B., Myakhanova A.N., Sapkeev D.V. [Philosophical, legal and ethical aspects of the organization of a "smart court": the Chinese experience]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta = Buryat State University Bulletin*. 2023;(3):70–76. DOI: 10.18101/1994-0866-2023-3-70-76. (In Russ.)]
3. Basangov D.A. [Artificial intelligence in the judicial practice of foreign states]. *Obrazovanie i pravo = Education and Law*. 2026;(1):124–131. (In Russ.)]
4. Byakina S.I., Zhdanov E.I., Sizova A.L. [On the issue of the possibility of introducing the experience of using artificial intelligence in the criminal process of the PRC into the justice system of Russia]. *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science*. 2025;(4(72)):391–399. DOI: 10.46741/2686-9764.2025.72.4.006. (In Russ.)]
5. Gallyamov D.R. [Application of artificial intelligence in the study and evaluation of evidence in a criminal case in the PRC]. *Ekonomika i pravo. XXI vek = Economics and Law. XXI century*. 2025;(2):39–42. DOI: 10.24412/2076-2828-2025-2-39-42. (In Russ.)]
6. Dan'shin A.V. [Legal regulation of the use of digital technologies and artificial intelligence in the judicial proceedings of the People's Republic of China]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki = Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences*. 2025;(1(9)):125–137. DOI: 10.21603/2542-1840-2025-9-1-125-137. (In Russ.)]
7. Dragilev E.V., Dragileva L.L., Drovaleva L.S., Palamarchuk S.A. [Informatization of the judicial system of China]. *Yuridicheskaya nauka = Legal Science*. 2022;(8):54–59. (In Russ.)]
8. Kolycheva A.N. [Automated workstation of an investigator: modern capabilities and labor organization]. *Nauchnyy vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD*

института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2023;(3(96)):194–201.

9. Костенко Р.В. Использование генеративного искусственного интеллекта в расследовании преступлений как фактор профессиональной компетентности следователя. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2025;(4):55–60. DOI: 10.31429/20785836-17-4-55-60.

10. Реховский А.Ф. Китайский опыт использования искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве. *Байкальские компаративистские чтения: материалы международной научно-практической конференции (г. Иркутск, 22–23 апреля 2022 г.)*. Иркутск: Байкальский государственный университет; 2022.

11. Реховский А.Ф. Использование искусственного интеллекта в уголовном процессе Китая / А.Ф. Реховский. *Технологии XXI века в юриспруденции: Материалы Третьей международной научно-практической конференции (г. Екатеринбург, 21 мая 2021 г.) / отв. редактор Д.В. Бахтеев*. Екатеринбург: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Уральский государственный юридический университет»; 2021.

12. Руденко А.В. Содержательная логика доказывания: монография. 3-е изд. М.: Проспект; 2023.

13. Рысакова П.И. Цифровизация судебной системы в КНР: между регионализацией и централизацией. *Россия в глобальном мире*. 2025;(3):67–78. DOI: 10.48612/RG/RGW.28.3.4.

14. Спиридонов М.С. Технологии искусственного интеллекта в уголовно-процессуальном доказывании. *Journal of Digital Technologies and Law*. 2023;(2):481–491. DOI:10.21202/jdtl.2023.20.

15. Li Yao Implementing Rule of Law Concept in the Digital Sphere: China's Experience. *Legal Issues in the digital Age*. 2023;(4):114–133. DOI: 10.17323/2713-2749.2023.4.114.133.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Багдасарян Арсен Артемович

преподаватель кафедры криминалистики и правовой информатики ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Rossii imeni V.V. Luk'yanova = Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2023;(3(96)):194–201. (In Russ.)]

9. Kostenko R.V. [The use of generative artificial intelligence in crime investigation as a factor of professional competence of an investigator]. *Yuridicheskiy vestnik Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta = Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2025;(4):55–60. DOI: 10.31429/20785836-17-4-55-60. (In Russ.)]

10. Rekhovskij A.F. [Chinese experience in the use of artificial intelligence in criminal proceedings]. *Bajkal'skie komparativistskie chteniya: Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (Irkutsk, 22–23 aprelya 2022 g.) = Baikal Comparative Readings: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference (Irkutsk, April 22–23, 2022)*. Irkutsk: Bajkal'skij gosudarstvennyj universitet; 2022. (In Russ.)]

11. Rekhovskij A.F. [The use of artificial intelligence in the criminal process of China]. *Tekhnologii XXI veka v yurisprudencii: Materialy Tre'tej mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (g. Ekaterinburg, 21 maya 2021 g.) = XXI Century Technologies in Jurisprudence: Proceedings of the Third International Scientific and Practical Conference, Yekaterinburg, May 21, 2021 / otv. redaktor D.V. Bakhteev*. Ekaterinburg: Ural'skij gosudarstvennyj yuridicheskij universitet; 2021. (In Russ.)]

12. Rudenko A.V. [The substantive logic of proof]. 3rd ed. Moscow, Prospect; 2023. (In Russ.)]

13. Rysakova P.I. [Digitalization of the judicial system in the PRC: between regionalization and centralization]. *Rossiya v global'nom mire = Russia in the Global World*. 2025;(3):67–78. DOI: 10.48612/RG/RGW.28.3.4. (In Russ.)]

14. Spiridonov M.S. [Artificial intelligence technologies in criminal procedure evidence]. *Journal of Digital Technologies and Law*. 2023;(2):481–491. DOI:10.21202/jdtl.2023.20. (In Russ.)]

15. Li Yao. [Implementing Rule of Law Concept in the Digital Sphere: China's Experience]. *Legal Issues in the digital Age*. 2023;(4):114–133. DOI: 10.17323/2713-2749.2023.4.114.133.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Arsen A. Bagdasaryan

Lecturer at the Department of Criminalistics and Legal Informatics of the FGBOU VO "Kuban State University"

Оригинальная статья / Original article
<https://doi.org/10.31429/20785836-18-2-51-58>

ИНСТИТУТ СОУЧАСТИЯ В ПРЕСТУПЛЕНИИ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО ПЕРИОДА

Горенко М.Г.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

Ссылка для цитирования: Горенко М.Г. Институт соучастия в преступлении в российском уголовном праве дореволюционного периода. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2026;18(2):51–58. <https://doi.org/10.31429/20785836-18-2-51-58>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Горенко Максим Геннадьевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Адрес: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Тел.: +7 (861) 268-59-59

E-mail: maxim_gko@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 11.05.2026

Статья принята к печати: 09.06.2026

Дата публикации: 25.06.2026

Аннотация: Предметом исследования выступают нормы российского уголовного права дореволюционного периода, регламентировавшие совместную преступную деятельность, и доктринальные представления о соучастии в преступлении.

Целью исследования является реконструирование процесса становления института соучастия в отечественном уголовном праве с X в. до начала XX в. и выделение его основных этапов.

Задачи исследования: проследить генезис норм о совместном совершении преступления в ранних памятниках русского права; установить вклад Соборного уложения 1649 г., законодательства петровской эпохи и кодификаций XIX в. в формирование института соучастия; раскрыть доктринальное осмысление соучастия в трудах дореволюционных криминалистов.

Методологическую основу исследования составили исторический, формально-юридический, системно-структурный, сравнительно-правовой методы, а также методы анализа и синтеза.

В результате автором выделены три этапа развития института соучастия в преступлении: зарождение представлений о совместной преступной деятельности (X–XVII вв.), становление института (XVII–XIX вв.) и его системного развития (вторая половина XIX – начало XX в.). Установлено, что ключевые конструкции – виды соучастников, формы соучастия, разграничение соучастия и прикосновенности, дифференциация ответственности – сформировались к моменту принятия Уголовного уложения 1903 г. и были восприняты советским и современным российским уголовным правом.

Ключевые слова: соучастие в преступлении, институт соучастия, история соучастия в преступлении, виды соучастников преступления, формы соучастия, дореволюционное уголовное право.

THE INSTITUTION OF COMPLICITY IN A CRIME IN THE RUSSIAN CRIMINAL LAW OF THE PRE-REVOLUTIONARY PERIOD

Maxim G. Gorenko

FGBOU VO "Kuban State University"
(Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040)

Link for citation: Gorenko M.G. The institution of complicity in a crime in the Russian criminal law of the pre-revolutionary period. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2026;18(2):51–58. <https://doi.org/10.31429/20785836-18-2-51-58>

CONTACT INFORMATION:

Maxim G. Gorenko, Cand. of Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the FGBOU VO "Kuban State University"

Address: Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040

Tel.: +7 (861) 268-59-59

E-mail: maxim_gko@mail.ru

Conflict of interest. The author declares no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 11.05.2026

The article has been accepted for publication: 09.06.2026

Date of publication: 25.06.2026

Annotation: The *subject* of the study is the norms of Russian criminal law of the pre-revolutionary period, which regulated joint criminal activity, and doctrinal ideas about complicity in crime. The *purpose* of the study is to reconstruct the process of formation of the institution of complicity in domestic criminal law from the tenth century to the beginning of the twentieth century and highlight its main stages. The *objectives* of the study are to trace the genesis of the norms on the joint commission of a crime in the early monuments of Russian law; to establish the contribution of the Cathedral Code of 1649, legislation of the Petrine era and codifications of the XIX century in the formation of the institution of complicity; to reveal the doctrinal understanding of complicity in the works of pre-revolutionary criminologists. The *methodological basis* of the research consists of historical, formal-legal, system-structural, comparative-legal methods, as well as methods of analysis and synthesis. As a *result*, the author identifies three stages in the development of the institution of complicity in crime: the emergence of ideas about joint criminal activity (X–XVII centuries), the formation of the institute (XVII–XIX centuries) and its systemic development (the second half of the XIX – early XX century). It is established that the key constructions – types of accomplices, forms of complicity, differentiation of complicity and touching, differentiation of responsibility – were formed by the time the Criminal Code was adopted in 1903 and were accepted by Soviet and modern Russian criminal law.

Keywords: complicity in crime, institution of complicity, history of complicity in crime, types of accomplices in crime, forms of complicity, pre-revolutionary criminal law.

Введение

Институт соучастия в преступлении относится к числу наиболее сложных и практически значимых институтов уголовного права. Совместная преступная деятельность повышает общественную опасность посягательств и усложняет механизмы противодействия им, что обуславливает неизменный интерес законодателя и науки к вопросам ее правовой регламентации. Институт соучастия в преступлении формировался на протяжении длительного исторического периода, а потому генезис его составляющих элементов (виды соучастников, формы соучастия, ответственность при соучастии и т.д.) не может быть в полной мере понятен.

Многие современные ученые обращаются к дореволюционному опыту [2, с. 26–29; 5; 8, с. 30–35]. Это имеет не только историко-познавательное, но и прикладное значение, ведь именно в этот период были выработаны базовые подходы, впоследствии воспринятые советским, а затем и современным российским уголовным правом. Вместе с тем вопрос о моменте зарождения

института соучастия и об этапах его развития остается дискуссионным, что определяет актуальность настоящего исследования.

Методы исследования

Методологическую основу исследования составил комплекс общенаучных и частнонаучных методов познания, среди которых можно выделить анализ, синтез, исторический, формально-юридический, системно-структурный, а также сравнительно-правовой.

Результаты исследования

Проведенный анализ показывает, что развитие института соучастия в дореволюционном уголовном праве носило поступательный и в целом последовательный характер. От практически полного отсутствия общих положений о совместной преступной деятельности законодатель пришел к относительно стройной системе норм, разрешавшей ключевые вопросы о видах соучастников, пределах их ответственности, формах преступных объединений и разграничении соучастия с прикосновенностью к преступлению. Это развитие протекало неравномерно, что позволяет выделить три относительно самостоятельных этапа.

Первый – этап зарождения представлений о совместной преступной деятельности (X–XVII вв.) – охватывает период от древнерусских правовых памятников до Соборного уложения 1649 г. Для него характерно лишь фрагментарное упоминание о совершении преступления несколькими лицами при отсутствии развитой системы общих положений. Законодатель учитывал сам факт совместного участия, но еще не стремился к разграничению ролей соучастников, форм их взаимодействия и особенностей ответственности.

Второй – этап становления института (XVII–XIX вв.) – охватывает период от Соборного уложения 1649 г. до Уложения о наказаниях 1845 г. Именно в это время совместная преступная деятельность начинает восприниматься как самостоятельное уголовно-правовое явление, требующее развернутой регламентации. Законодательство постепенно приходит к разграничению ролей соучастников, выделению отдельных форм преступных объединений и учету степени участия лица в преступлении.

Третий этап – системное развитие института (вторая половина XIX – начало XX в.). Под значительным влиянием отечественной доктрины и зарубежного законодательства были выработаны многие положения, впоследствии воспринятые советским и современным российским уголовным правом. Этот период отличается более высоким уровнем юридической техники, систематизацией материала, последовательной дифференциацией ответственности соучастников и окончательным разграничением соучастия и прикосновенности. Наиболее полно указанные тенденции отразились в Уголовном уложении 1903 г., ставшем итогом дореволюционного этапа развития института.

Научная дискуссия

Уже на ранних этапах развития общества преступная деятельность нередко носила коллективный характер, что повышало общественную опасность посягательств. Н.С. Таганцев, характеризуя ее формы, отмечал, что наряду с совершением преступления одним лицом возможно присоединение к деятельности субъекта действий других лиц, вследствие чего результат становится итогом совместных усилий; особую разновидность таких «совпадений деятельности» он именовал соучастием¹. Потребность в правовом реагировании на совместную преступную деятельность возникла задолго до системной кодификации, однако вопрос о моменте формирования института остается дискуссионным. Отдельные упоминания о ней встречаются уже в древнейших памятниках: в ст. 7 договора Руси с Византией 911 г. указание на деяние, совершенное «дружинне», иногда толкуется как совершение преступления шайкой, хотя такое толкование небесспорно².

Начальный этап обоснованнее связывать с Русской Правдой. Древнерусскому законодателю уже были известны коллективные посягательства: ст. 31 Краткой редакции (конокрадство) оговаривает случай, «если воров будет даже 10», аналогичное указание содержит ст. 40³. Этому факту, однако, еще не придавалось определенного уголовно-правового значения. Историки указывают на ошибку в тексте Краткой редакции, в связи с чем обоснованнее толкование, по

¹ Таганцев Н.С. Лекции по русскому уголовному праву. Часть общая. Вып. 2. СПб.: Государственная типография, 1888. С. 864–865.

² См. подробнее: Некоз А.С. Уголовная ответственность за подстрекательство к преступлению: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. С. 19.

³ Памятники Русского Права. Вып. 1. Памятники права Киевского государства X–XII вв. / сост. А.А. Зимин; под. ред. С.В. Юшкова. М.: Госюриздат, 1952. С. 84.

которому каждый соучастник нес самостоятельную, но не повышенную ответственность¹; равная ответственность устанавливалась и ст. 41–43 Пространной редакции – штраф в едином размере независимо от числа воров². На объем ответственности тогда еще не влияли ни степень участия, ни распределение ролей. По мнению А.А. Сухова, единая мера наказания объяснялась тем, что основанием ответственности признавалась субъективная связь лица с деянием: соучастники осознавали совместный характер посягательства и «находились в преступной связи»; источником этих правил он считал византийско-каноническое право [11, с. 27–30].

Предпосылки дифференциации прослеживаются уже здесь. Статья 121 Пространной редакции при краже холопа различала последствия в зависимости от того, кто участвовал в ней совместно, а при участии свободных лиц предусматривала более суровую ответственность, что позволило ряду исследователей видеть здесь различие между «товарищами» (исполнителями и соисполнителями) и «помощниками»-укрывателями³. В Уставе Владимира Всеволодовича XII в. появляются нормы об укрывательстве (ст. 65, 112), причем наказуемость укрывателя беглого холопа ставилась в зависимость от осознания им факта укрывательства – зачаток учета психического отношения к деянию⁴. Однако ответственность за укрывательство связывалась еще не с оценкой прикосновенности, а с восстановлением интереса потерпевшего через гражданско-правовые институты, что говорит о неотделенности уголовного права от гражданского.

Русская Правда оставалась основным источником до конца XV в., что предопределило отсутствие заметного развития института. Псковская и Новгородская судные грамоты и Судебник 1497 г. затрагивали совместные посягательства лишь фрагментарно. Статья 46 Псковской судной грамоты, регулируя виндикацию краденой вещи, по существу требовала от владельца доказать, что он не соучастник кражи⁵; ст. 120 прямо допускала обвинение нескольких лиц и, по замечанию Ю.Г. Алексеева, охватывала неизвестные Русской Правде случаи коллективных побоищ – здесь усматривают первое появление признаков состава с «необходимым» соучастием [1, с. 60]. В Соглашении Смоленска с Ригой и Готским берегом (приблизительно 1230–1270 гг.) ст. 2 предусматривала выдачу разбойников, убивших вольного мужа, «колико то их будет было», то есть независимо от их числа [4, с. 18].

В Судебнике 1497 г. прямые указания на совершение преступления несколькими лицами отсутствуют. По мнению А.А. Арямова, это объясняется тем, что составители не различали исполнителя и иных участников, считая их равно опасными⁶. Однако губные грамоты свидетельствуют об остроте проблемы групповой преступности. Так, в них уже встречается обозначение видов соучастников по функциям – «становщики», «приездщики», «подводщики», «поноровщики»⁷. Нормы о соучастии есть и в церковном праве: ст. 7 Правосудия митрополичьего наряду с исполнителем упоминает «умытцев» (соисполнителей похищения), а Стоглав запрещал тиунам и недельщикам сговор «с ябедниками и блудницами»⁸.

Активно институт развивается в источниках XVI в. Статья 4 Белозерской губной грамоты 1539 г. закрепляла розыск «товарищей» разбойника и единую смертную казнь; сходный подход – в ст. 2–3 Медынского губного наказа 1555 г., где при равной уголовной ответственности уже различались гражданско-правовые последствия в зависимости от социального статуса соучастников⁹.

¹ Памятники Русского Права. Вып. 1. Памятники права Киевского государства X–XII вв. ... С. 100–101.

² Там же. С. 126.

³ Попов А.Н. Русская правда в отношении к уголовному праву. М.: Университетская типография, 1841. С. 71.

⁴ Памятники Русского Права. Вып. 1. Памятники права Киевского государства X–XII вв. / сост. А.А. Зимин; под. ред. С.В. Юшкова. М.: Госюриздат, 1952. С. 115–119.

⁵ Памятники русского права. Вып. 2. Памятники права феодально-раздробленной Руси XII–XV вв. / сост. А.А. Зимин; под. ред. С.В. Юшкова. М.: Госюриздат, 1953. С. 311.

⁶ Арямов А.А. История уголовного права России: учеб. пособие. М.: Юстиция, 2020. С. 38.

⁷ См.: Попрядухина И.В. Правонарушения и юридическая ответственность по Судебнику 1497 года: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2012. С. 24.

⁸ Российское законодательство X–XX вв. в 9 томах. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства / под общ. ред. О.И. Чистякова. М.: Юридическая литература, 1985. С. 347–348.

⁹ Памятники русского права. Вып. 4. Памятники права периода укрепления русского централизованного государства XV–XVII вв. / под. ред. Л.В. Черепнина. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1956. С. 177, 180, 181.

Статья 47 Судебника 1550 г. закрепляла ответственность недельщиков и «заговорщиков»: термин «заговор» означал здесь не преступное соглашение, а служебное товарищество, но норма отражала восприятие коллективного начала и попытку увязать ответственность с принадлежностью к объединению [6, с. 290].

Из Судебника 1550 г. нередко выводят зачатки прикосновенности и пособничества, однако, комментируя ст. 53, П.Д. Колосовский отмечал, что освобождение вора и недоносительство недельщика суть нарушение служебного порядка, лишь соприкасающееся с преступной деятельностью, но не образующее соучастия [6, с. 267]. Самостоятельное значение укрывательству придавала Уставная книга Разбойного приказа 1555 г., пресекавшая и сокрытие значимой для розыска информации, и предоставление преступникам убежища¹. Укрыватели несли менее суровую, преимущественно гражданско-правовую ответственность («имати выти») с торговой казнью; вместе с тем в Приговоре о разбойных делах 1555 г. сохранялся принцип равной ответственности, а ее объем уже ставился в зависимость от наличия предварительного соглашения².

Существенный импульс дало Соборное уложение 1649 г. Его главным достижением стало закрепление специального обозначения совместной деятельности категориями «скоп» и «заговор» (ст. 18–22 гл. II, ст. 198 гл. X): «скоп» означал объединение без предварительной согласованности, «заговор» – более устойчивую форму с общим замыслом³. Уложение различает исполнителя и иных участников; фиксируются формы воздействия на исполнителя – «повеление», «научение», «склонение», свидетельствующие о формировании представлений о подстрекательстве. По А.Е. Стрекалову, «повеление» и «научение» объединяли подстрекательство и элементы организаторской деятельности [10, с. 324]; обозначение инициатора смуты термином «вор», как указывает В.А. Томсинов, позволяет видеть в нем специальное обозначение лица, побуждающего к преступлению⁴.

Пособничество по-прежнему связывалось преимущественно с укрывательством и сокрытием похищенного (ст. 20, 62, 64, 77 гл. XXI). Разграничение исполнительства, подстрекательства и пособничества, как отмечал П.Д. Колосовский, имело лишь номинальное значение, поскольку наказание соучастников приравнивалось к наказанию исполнителя [6, с. 267]. Это уравнивание более всего характерно для подстрекателей и соисполнителей; к пособничеству законодатель подходил дифференцированное, причем разграничение определялось не столько характером участия, сколько иерархией охраняемых ценностей: пособничество разбойникам или крамольникам каралось наравне с исполнительством, в иных случаях – мягче (ст. 198–199 гл. X).

В петровскую эпоху внимание к совместной деятельности возрастает, но от наметившейся дифференциации законодатель отказывается в пользу равной ответственности. Артикул воинский 1715 г. считал одинаково опасными исполнителей и иных причастных лиц: наказанию «яко» исполнители подлежали и действовавшие «с помощателями» (арт. 138), содействовавшие «советом, помощью и делом» (арт. 149), и не известившие о замысле (арт. 19). Вывод об утрате соучастием самостоятельного значения [3, с. 6; 7, с. 131] неточен: Петр I придавал групповым преступлениям значение повышено опасных для государства, запрещая «сходбища и собрания» под страхом смертной казни (арт. 133) [9, с. 57].

Формально уравнивая ответственность, законодатель различал главных виновников и пособников (арт. 19, 149, 155) и подстрекателей («подкупят или к тому склонят» – арт. 2; «другим соблазн учинят» – арт. 11, 14). Фигура организатора еще не обособлена, сочетая признаки инициатора и подстрекателя («заводчик возмущения», «зачинщик драки»). Укрывательство и попустительство карались, как правило, наравне с исполнительством (арт. 19, 95, 136). Суровость объясняют тем, что под соучастие подводились и формы деятельности, лишь соприкасающиеся с преступлением, при которых лицо не сознавало своего участия [9, с. 57–58]. Прикосновенность еще не отделялась от

¹ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Императорской Академии. Т. 2: 1598-1613. СПб.: Типография 2 отделения Собственной Е. И. В. канцелярии, 1836. С. 389–390.

² Памятники русского права. Вып. 4. Памятники права периода укрепления русского централизованного государства XV-XVII вв. ... С. 357.

³ Законодательные памятники Русского централизованного государства XV-XVII вв. Соборное уложение 1649 г. Текст. Комментарии // рук. авт. коллектива А.Г. Маньков. Л.: Наука, 1987. С. 154.

⁴ См.: Соборное уложение 1649 года. Законодательство царя Алексея Михайловича / сост. В.А. Томсинов. М.: Зерцало, 2011. С. 50.

соучастия, но в условиях приоритета государственных интересов и представления о доносе как обязанности недоносительство и укрывательство стали восприниматься как самостоятельное посягательство на интересы государства, что подтверждают именные указы (от 5 февраля 1705 г., 27 сентября 1711 г.)¹.

Линия сохранялась весь XVIII в. Так, рядом Указов предписывалось казнить заводчиков и подговорщиков, а также дающих разбойникам пристанище². Вместе с тем в указах впервые закрепляется термин «сообщник», отделяемый от лиц, не донесших о намерении преступников, – фактически различаются соучастие и прикосновенность; упоминание «сообщества с разбойниками» в указе 1759 г. позволяет видеть зарождение представлений о преступной группе³. Дальнейшее развитие связано с «Наказом» Екатерины II, которая, опираясь на идеи Ч. Беккариа, впервые последовательно различила исполнителя и «сообщников» и поставила вопрос о дифференциации наказания, указав на необходимость более строгого наказания исполнителей (ст. 202) и пользу прощения сообщнику, открывающему преступление (ст. 203) [13, с. 49].

Качественно новый этап приходится на XIX в., когда начинается систематическое научное осмысление уголовно-правовых явлений и переход к абстрактному изложению норм. Свод законов 1832 г. впервые относительно обособил нормы о соучастии (т. XV, гл. 1, ст. 11–15)⁴, сформулировав общее понятие «сообщников», под которыми понимались все, «в совокупности произведшие оное в действие» (ст. 11), и описав их виды – зачинщиков, помощников и участников, укрывателей, становщиков (ст. 12–15). Классификация еще не отличалась ясностью; сохранялся принцип равной ответственности, кроме зачинщиков и «пущих виновников» (ст. 118–119), а к сообщникам по-прежнему относили лиц, лишь прикосновенных к преступлению.

Положения Свода были развиты в Уложении о наказаниях 1845 г. (в ред. 1885 г. без принципиальных изменений), и именно тогда активно развивается доктрина. Дефиниции соучастия законодатель не раскрывал, оставляя вопрос науке. С объективной стороны соучастие связывалось с особой причинной связью, при которой действия одних выступают причиной действий других⁵. С субъективной стороны соучастие связывалось с наличием вины и умышленным характером участия⁶.

Придав нормативное значение наличию или отсутствию предварительного соглашения (ст. 13–14), законодатель закрепил разграничение форм, обозначавшихся как скоп и сговор. Под влиянием немецкой доктрины (Л. Фейербах, К. Грольман) выделялись и более сложные формы – комплот (заговор) и шайка.

Роли участников описывались через ту же субъективную составляющую. При отсутствии предварительного соглашения различались главные виновники и участники, «которые непосредственно помогали главным виновникам» (ст. 14), – разграничение, заимствованное, как считается, из французского законодательства⁷.

¹ О нечинении смертной казни преступникам, кроме бунтовщиков и смертоубийц, о наказании их кнутом, о вырезывании ноздрей у важнейших преступников и заклеивании прочих: Именной Указ от 5 февраля 1705 г. // Полное собрание законов Российской Империи. Собр. 1. Т. 4. № 2026; О награждении доносителей о делателях фальшивой медной монеты, и о наказании за утайку оных: Сенатский Указ от 27 сентября 1711 г. // Полное собрание законов Российской Империи. Собр. 1. Т. 4. № 2430.

² О высылке поселившихся по Царицынской линии беглецов на прежние жилища и о мерах к прекращению такового самовольного переселения: Именной Указ от 20 февраля 1714 г. // Полное собрание законов Российской Империи. Собр. 1. Т. 8. № 5241; Об искоренении воров и разбойников и об удержании беглецов: Именной Указ от 7 июня 1731 г. // Полное собрание законов Российской Империи. Собр. 1. Т. 8. № 5774.

³ О искоренении разбойников и наказании сообщников их и пристанодержателей: Именной Указ от 22 октября 1759 г. // Полное собрание законов Российской Империи. Собр. 1. Т. 14. № 11.001.

⁴ Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный. Т. 15: Свод законов уголовных. 2-е изд. СПб., 1833 [сайт]. ФГБУ «Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина»; 2026 [обновлено 10 мая 2026; процитировано 10 мая 2026]. Доступно: <https://www.prilib.ru/item/364033>.

⁵ Познышев С.В. Учебник уголовного права: Очерк основных начал Общей и Особенной части науки уголовного права. I. Общая часть. М.: Юридическое издательство Наркомюста, 1923. С. 146.

⁶ Там же. С. 147; Жиряев А.С. О стечении нескольких преступников при одном и том же преступлении. Дерпт: тип. Г. Лаакманна, 1850. С. 36.

⁷ Таганцев Н.С. Указ. соч. С. 882.

Принципиальным было дальнейшее разграничение соучастия и прикосновенности: попустители, укрыватели и недоносители уже не включались в число «сообщников» (ст. 16–17). Существенным шагом стало правило о соответствии меры наказания степени участия (ч. 3 ст. 110). Ответственность соучастников осмысливалась как солидарная – по Н.С. Таганцеву, неделимая¹, – при признании необходимости индивидуализации наказания.

Наивысшая ответственность связывалась с главным виновником и зачинщиком (ст. 123–124); близко к ним стояли подстрекатели, в отношении равной ответственности которых единства не было. И.Я. Фойницкий предлагал ограничивать ее фактом наступления результата [12, с. 23]. Ответственность пособников, как правило, уменьшалась, ответственность укрывателей приравнивалась к ответственности необходимых пособников с понижением на степень (ст. 131), наименьшая строгость – для недоносителей (ст. 132). Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, 1864 г. ограничился единственным положением о повышенной ответственности исполнителя и подговорщика и пониженной – иных соучастников (ст. 15), упростив подход к соучастию².

Накопленный опыт обобщен в Уголовном уложении 1903 г., фактически не вступившем в действие, но отразившем высокую степень разработки института³. Законодатель отказался от казуистичной системы в пользу трехзвенной – исполнители, подстрекатели, пособники (ст. 51), сохранив менее строгую наказуемость пособников. Некоторые формы преступных объединений впервые выведены на уровень Общей части: упоминаются преступное сообщество (ст. 52, образующее самостоятельный состав по ст. 102) и шайка. Наконец, окончательно разграничены соучастие и прикосновенность: нормы об укрывательстве и недонесении перенесены в главу «О противодействии правосудию», что С.В. Познышев считал несомненным достоинством Уложения⁴.

Таким образом, институт соучастия в преступлении в российском уголовном праве дореволюционного периода прошел длительный путь – от казуистических упоминаний о совершении преступления несколькими лицами в древнерусских памятниках до развернутой системы норм Уголовного уложения 1903 г. Решающее значение для его оформления имели Соборное уложение 1649 г., закрепившее специальные обозначения совместной преступной деятельности, и кодификации XIX в., в которых под влиянием отечественной доктрины и зарубежного законодательства были выработаны учение о видах соучастников и формах соучастия, принцип дифференциации ответственности соучастников и разграничение соучастия с прикосновенностью к преступлению. Сформированные в этот период подходы во многом сохранили значение и составляют историко-теоретическую основу современного отечественного учения о соучастии.

Список использованной литературы:

1. Алексеев Ю.Г. Псковская судная грамота и ее время. Развитие феодальных отношений на Руси XIV–XV вв. Л.: Наука; 1980.
2. Багаев В.В. Генезис квалифицирующих признаков состава преступления в российской дореволюционной уголовно-правовой доктрине. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2025;(1(17)):26–29. DOI: 10.31429/20785836-17-1-26-29.
3. Биисов Ж.К. Генезис института соучастия в отечественном уголовном праве. *Диалог*. 2025;(8(38)):6–7.
4. Георгиевский Э.В. Уголовно-правовая характеристика международных договоров

References:

1. Alekseev Yu.G. [The Pskov Letter of Judgment and its time. The development of feudal relations in Russia of the XIV–XV centuries]. L.: Nauka; 1980. (In Russ.).
2. Bagaev V.V. [Genesis of qualifying elements of a crime in pre-revolutionary Russian criminal law doctrine]. *Yuridicheskii vestnik Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta = Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2025;(1(17)):26–29. DOI: 10.31429/20785836-17-1-26-29. (In Russ.)
3. Biisov Zh.K. [Genesis of the institution of complicity in Russian criminal law]. *Dialog = Dialogue*. 2025;(8(38)):6–7. (In Russ.)
4. Georgievskiy E.V. [Criminal law characteristics of international treaties and agreements of ancient and

¹ Таганцев Н.С. Указ. соч. С. 869.

² Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями 1864 г. [сайт]. ФГБУ «Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина»; 2026 [обновлено 10 мая 2026; процитировано 10 мая 2026]. Доступно: <https://www.prilib.ru/item/459970?ysclid=moz36zvhs922251650>.

³ Новое уголовное уложение, высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. [сайт]. Национальная электронная библиотека (НЭБ); 2026 [обновлено 10 мая 2026; процитировано 10 мая 2026]. Доступно: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003714958/.

⁴ Познышев С.В. Указ. соч. С. 147.

и соглашений древней и средневековой Руси X-XV вв. *Сибирский юридический вестник*. 2004;(2):14–19.

5. Епифанова Е.В. Становление и развитие института соучастия в преступлении в России: монография. Краснодар: Кубанский государственный университет; 2003.

6. Колосовский П.Д. Очерк исторического развития преступлений против жизни и здоровья: опыт исследования по русскому уголовному праву. М.: тип. Т.Т. Волкова и К^о; 1857.

7. Куковьякин А.Е., Бессонова И.В. Формирование института соучастия в преступлении в отечественном уголовном праве. *Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии*. 2023;(2(56)):130–135.

8. Овчаров А.В. Развитие института соучастия: от Уголовного уложения 1903 года до первого Уголовного кодекса РСФСР. Часть вторая. *Юридическое образование и наука*. 2024;(6):30–35.

9. Ромашкин П.С. Основные начала уголовного и военно-уголовного законодательства Петра I / под ред. А.А. Герцензона. М.: РИО ВКА; 1947.

10. Стрекалов А.Е. Становление и развитие уголовного законодательства об ответственности за подстрекательство к преступлению. *Проблемы права: теория и практика*. 2022;(59):322–333.

11. Сухов А.А. Основания наказуемости преступлений по Русской Правде. *Юридический вестник*. М., 1873. Кн. 12. С. 5–60.

12. Фойницкий И.Я. Уголовно-правовая доктрина о соучастии. *Юридический вестник*. М., 1891. Т. 7. Кн. 1. С. 3–28.

13. Шубина В.Ю. Посоничество в совершении преступления в истории отечественного уголовного законодательства (X в. – начало XX в.). *Вестник Краснодарского университета МВД России*. 2010;(2):46–51.

medieval Rus' of the 10th–15th centuries]. *Sibirskiy yuridicheskiy vestnik = Siberian Law Herald*. 2004;(2):14–19. (In Russ.)]

5. Epifanova E.V. [Formation and development of the institution of complicity in crime in Russia]. Krasnodar: Kuban State University; 2003. (In Russ.)]

6. Kolosovsky P.D. [An essay on the historical development of crimes against life and health: research experience in Russian criminal law]. Moscow: tip. T.T. Volkova and Co; 1857. (In Russ.)]

7. Kukovyakin A.E., Bessonova I.V. [Formation of the institution of complicity in crime in Russian criminal law]. *Trudy Orenburgskogo instituta (filiala) Moskovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii = Proceedings of the Orenburg Institute (Branch) of the Moscow State Law Academy*. 2023;(2(56)):130–135. (In Russ.)]

8. Ovcharov A.V. [Development of the institution of complicity: from the Penal Code (Ugolovnoe ulozhenie) of 1903 to the first Criminal Code of the RSFSR. Part two]. *Yuridicheskoe obrazovanie i nauka = Legal Education and Science*. 2024;(6):30–35. (In Russ.)]

9. Romashkin P.S. [The main principles of Peter the Great's criminal and military criminal legislation / ed. by A.A. Herzenzon]. Moscow: RIO VKA; 1947. (In Russ.)]

10. Strekalov A.E. [Formation and development of criminal legislation on liability for incitement to crime]. *Problemy prava: teoriya i praktika = Problems of Law: Theory and Practice*. 2022;(59):322–333. (In Russ.)]

11. Sukhov A.A. [Grounds for punishability of crimes according to Russian Truth.]. *Yuridicheskiy vestnik = Legal Bulletin*. Moscow, 1873. Book 12. pp. 5–60. (In Russ.)]

12. Foynitsky I.Ya. [Criminal law doctrine of complicity]. *Yuridicheskiy vestnik = Legal Bulletin*. Moscow, 1891. Vol. 7. Book 1. pp. 3–28. (In Russ.)]

13. Shubina V.Yu. [Aiding and abetting in the commission of a crime in the history of Russian criminal legislation (10th – early 20th century)]. *Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2010;(2):46–51. (In Russ.)]

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Горенко Максим Геннадьевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

ORCID: 0000-0002-0085-1169

AuthorID: 1103671

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Maxim G. Gorenko

Cand. of Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the FGBOU VO "Kuban State University"

ORCID: 0000-0002-0085-1169

AuthorID: 1103671

Оригинальная статья / Original article
<https://doi.org/10.31429/20785836-18-2-59-66>

НЕОТЛОЖНЫЕ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ И ПРЕДЕЛЫ ДОПУСТИМОСТИ ИХ ПОСЛЕДУЮЩЕЙ СУДЕБНОЙ ОЦЕНКИ

Одиназода И.А.

Академия МВД Республики Таджикистан
(Мастонгулова ул., д. 3, г. Душанбе, Республика Таджикистан, 734024)
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

Ссылка для цитирования: Одиназода И.А. Неотложные оперативно-розыскные мероприятия и пределы допустимости их последующей судебной оценки. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2026;18(2):59–66. <https://doi.org/10.31429/20785836-18-2-59-66>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Одиназода Исфандиер Ахмад, кандидат юридических наук, докторант кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Адрес: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Тел.: +7 (861) 268-59-64

E-mail: diyor-13@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 30.04.2026

Статья принята к печати: 29.05.2026

Дата публикации: 25.06.2026

Аннотация: В статье рассматривается проблема судебной оценки неотложных оперативно-розыскных мероприятий в условиях их проведения до получения судебного разрешения. *Актуальность* исследования обусловлена устойчивой нормативной моделью, допускающей временное ограничение конституционных прав личности при наличии исключительных обстоятельств, при одновременном отсутствии завершённого механизма правовой оценки уже состоявшегося вмешательства. *Целью* работы является выявление пределов допустимой последующей судебной оценки неотложных оперативно-розыскных мероприятий и обоснование необходимости ее институционального закрепления.

Материалами исследования послужили нормы оперативно-розыскного законодательства Российской Федерации и Республики Таджикистан, регулирующие общий и неотложный порядок проведения оперативно-розыскных мероприятий. В работе применены формально-юридический и сравнительно-правовой методы.

Автором установлено, что формула «получить судебное решение либо прекратить мероприятие» не обеспечивает обязательной правовой оценки факта уже осуществлённого ограничения конституционных прав. Выявлено смещение судебной оценки от анализа исходных предпосылок неотложности к оценке достигнутого результата, что искажает исключительный характер неотложных мероприятий. Обосновано авторское решение, предусматривающее обязательную постфактум судебную оценку прекращённых неотложных оперативно-розыскных мероприятий, ограниченную сведениями, существовавшими до начала вмешательства.

Сделан вывод о том, что предложенный подход позволяет восстановить значение судебного разрешения как правовой гарантии допустимости ограничения конституционных прав и обеспечить корректную трансформацию результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, неотложные оперативно-розыскные мероприятия, судебное разрешение, ограничение конституционных прав, допустимость доказательств.

URGENT OPERATIONAL SEARCH MEASURES AND THE LIMITS OF THEIR SUBSEQUENT JUDICIAL ASSESSMENT

Isfandiyor A. Odinzoda

Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Tajikistan
(Mastongulov str., 3, Dushanbe, Republic of Tajikistan, 734024)
FGBOU VO "Kuban State University"
(Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040)

Link for citation: Odinzoda I.A. Urgent operational search measures and the limits of their subsequent judicial assessment. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2026;18(2):59–66. <https://doi.org/10.31429/20785836-18-2-59-66>

CONTACT INFORMATION:

Isfandiyor A. Odinzoda, Cand. of Sci. (Law), Doctoral Candidate at the Department of Criminal Procedure and Prosecutorial Supervision of the FGBOU VO "Kuban State University"

Address: Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040

Tel.: +7 (861) 268-59-64

E-mail: diyor-13@mail.ru

Conflict of interest. The author declares no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 30.04.2026

The article has been accepted for publication: 29.05.2026

Date of publication: 25.06.2026

Annotation: The article deals with the problem of judicial assessment of urgent operational investigative measures in the context of their conduct before obtaining judicial permission. The *relevance* of the study is due to a stable regulatory model that allows temporary restriction of the constitutional rights of an individual in the presence of exceptional circumstances, while at the same time there is no completed mechanism for the legal assessment of an intervention that has already taken place. The *purpose* of the work is to identify the limits of the permissible subsequent judicial assessment of urgent operational investigative measures and substantiate the need for its institutional consolidation.

The research materials were the norms of the operational search legislation of the Russian Federation and the Republic of Tajikistan, which regulate the general and urgent procedure for conducting operational search activities. The paper uses formal legal and comparative legal methods.

The author has *established* that the formula «obtain a court decision or terminate the event» does not provide a mandatory legal assessment of the fact that constitutional rights have already been restricted. The shift of judicial assessment from the analysis of the initial prerequisites of urgency to the assessment of the achieved result has been revealed, which distorts the exceptional nature of urgent measures. The author's decision is justified, which provides for a mandatory after-the-fact judicial assessment of discontinued urgent operational search measures, limited by information that existed before the intervention.

It is *concluded* that the proposed approach makes it possible to restore the importance of judicial authorization as a legal guarantee of the admissibility of restrictions on constitutional rights and to ensure the correct transformation of the results of operational investigative activities in criminal proceedings.

Keywords: operational investigative activities, urgent operational investigative measures, judicial authorization, restriction of constitutional rights, admissibility of evidence.

Введение

Институт неотложных оперативно-розыскных мероприятий занимает особое положение в системе правовых средств обеспечения публичной безопасности, поскольку изначально

сконструирован как допустимое отступление от общего правила судебного разрешения действий, ограничивающих конституционные права личности. Его нормативное назначение состоит в обеспечении возможности немедленного реагирования на ситуации, при которых промедление способно повлечь причинение существенного вреда охраняемым законом интересам. Вместе с тем именно эта исключительность придает неотложным оперативно-розыскным мероприятиям повышенную юридическую уязвимость, особенно в части их последующей судебной оценки.

Научная актуальность данной проблематики обусловлена тем, что неотложные оперативно-розыскные мероприятия образуют один из наиболее уязвимых участков механизма трансформации результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве. От того, каким образом определяется предел допустимой судебной оценки таких мероприятий, зависит не только правомерность использования полученной информации в доказывании, но и сохранение самого значения судебного разрешения как предварительного условия допустимости ограничения конституционных прав.

Целью настоящей статьи является выявление и обоснование пределов допустимой последующей судебной оценки неотложных оперативно-розыскных мероприятий, а также анализ правовых последствий их прекращения без получения судебного разрешения.

Методы исследования

Материалы исследования представлены положениями оперативно-розыскного законодательства Российской Федерации и Республики Таджикистан. Теоретическую основу исследования составляют научные труды, посвященные правовой природе оперативно-розыскной деятельности, судебному порядку разрешения ограничений конституционных прав и особенностям неотложных форм оперативного вмешательства.

Методологическую основу исследования образуют формально-юридический и сравнительно-правовой методы. Формально-юридический метод использовался при анализе нормативных предписаний, их структуры и логики, сравнительно-правовой – при сопоставлении моделей правового регулирования неотложных оперативно-розыскных мероприятий в России и Таджикистане.

Результаты исследования

Конструкция неотложных оперативно-розыскных мероприятий в законодательстве России и Таджикистана изначально выстроена как исключение из общего правила получения судебного разрешения на действия, ограничивающие конституционные права личности. Правовые системы двух государств (России и Таджикистана) исходят из принципа недопустимости вмешательства в сферу тайны связи и неприкосновенности жилища без судебного решения, допуская отступление от этого требования лишь при наличии совокупности обстоятельств, свидетельствующих о невозможности промедления.

Научная дискуссия

Л.Р. Амичба и Т.Н. Ермакова классифицируют виды ОРМ, разделяя их на те, что не требуют какого-либо санкционирования, либо требующие ведомственного или судебного санкционирования [1, с. 141].

В ч. 3 ст. 8 Федерального закона Российской Федерации «Об оперативно-розыскной деятельности»¹ закреплён неотложный порядок проведения оперативно-розыскных мероприятий как временно допустимое отступление «в случаях, которые не терпят отлагательства», обусловленное угрозой совершения тяжкого или особо тяжкого преступления либо угрозой безопасности государства.

В этих условиях проведение оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права, допускается на основании мотивированного постановления руководителя органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, при обязательном уведомлении суда и с последующим получением судебного решения либо прекращением мероприятия в течение 48 часов с момента начала его производства.

Закон Республики Таджикистан «Об оперативно-розыскной деятельности»² формализует аналогичную конструкцию – неотложные оперативно-розыскные мероприятия допускаются при

¹ Об оперативно-розыскной деятельности: Федеральный закон от 12.08.1995 г. № 144-ФЗ (ред. от 01.04.2025) // Собрание законодательства РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.

² Об оперативно-розыскной деятельности: Закон Республики Таджикистан от 25.03.2011 г. № 687 (ред. от 18.07.2017) // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. 2011. № 3. Ст. 155.

наличии данных о тяжком или особо тяжком преступлении либо угрозе безопасности государства на основании постановления руководителя органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, с обязательным письменным уведомлением уполномоченного прокурора и судьи. В течение 48 часов орган обязан получить решение судьи о проведении соответствующего мероприятия либо прекратить его (ч. 3 ст. 8).

Сравнительный анализ показывает, что в обеих правовых системах неотложные оперативно-розыскные мероприятия не урегулированы самостоятельным правовым режимом, который бы устанавливал особые процедуры судебной оценки, отличные от общих правил санкционирования. Напротив, они рассматриваются как вынужденное отклонение от общего порядка, допустимое исключительно в силу экстраординарных обстоятельств.

Законодательство России и Таджикистана концентрируется на формулировании условий начала неотложных мероприятий и процедур их последующего санкционирования, оставляя вне регулирования вопрос о правовой судьбе ограничения конституционных прав в случае прекращения мероприятия до получения судебного решения. В результате, как отмечает Н.С. Железняк, законодатель «делает возможным проведение таких ОРМ в особом порядке, т.е. до получения судебного разрешения на ограничение конституционных прав граждан» [5, с. 6].

Следует обратить внимание и на то, что в обоих законах исходные основания неотложности формулируются оценочно. Угроза тяжкого преступления, невозможность промедления, опасность для охраняемых законом интересов не получают четкого оформления. Как отмечает А.М. Карякин, «первоначальные оперативно-розыскные мероприятия при розыске лиц, пропавших без вести, фактически невозможны без получения сведений от операторов связи, что объективно требует судебного решения» [7, с. 159].

Элементом конструкции неотложных оперативно-розыскных мероприятий выступает формула: «орган ... обязан получить судебное решение о проведении такого оперативно-розыскного мероприятия либо прекратить его проведение». В юридической науке принято выделять две интерпретации этой формулы.

Формально законодатель задает модель завершения неотложного оперативно-розыскного мероприятия. Первый вариант предполагает последующее получение судебного решения, которое ретроспективно легитимирует продолжение вмешательства и формирует правовое условие допустимости дальнейшего использования полученной информации. Второй вариант выражается в прекращении мероприятия, что внешне воспринимается как восстановление правопорядка и отказ от дальнейшего ограничения конституционных прав. При этом законодатель не раскрывает, какие правовые последствия влечет каждый из указанных вариантов применительно к уже состоявшемуся вмешательству.

Очевидно, что прекращение неотложного оперативно-розыскного мероприятия не устраняет факта того, что в течение определенного времени имели место реальные действия, затрагивающие сферу частной жизни личности. Ограничение тайны связи либо неприкосновенности жилища уже произошло, и его правовая оценка не должна быть сведена лишь к констатации прекращения дальнейших действий.

Однако формула «получить судебное решение либо прекратить мероприятие» фактически допускает интерпретацию прекращения исключительно как финализации оперативно-розыскной деятельности без последующего вневедомственного контроля, значение которого широко подчеркивается как в российской, так и в таджикской юридической науке.

Р.Х. Рахимзода прямо выделяет в качестве разновидности вневедомственного контроля ОРД «контроль судебный, основным субъектом которого является республиканский судья (суд)» [10, с. 94]. Аналогичной точки зрения придерживаются С.И. Молбасин [8], А. Цветкова и И. Махмудов [13].

Как указывают В.А. Семенцов и О.В. Гладышева, «судебная деятельность, в большей своей части соответствующая указанному смыслу категории «контроль», будет иметь место в тех случаях, когда суду следует установить соответствие каких-либо процессуальных действий или решений требованиям уголовно-процессуального закона» [11, с. 64].

Вместе с тем в ситуации, когда неотложное мероприятие длится непродолжительное время и приводит к получению значимой информации, прекращение действий может восприниматься как достаточное условие для отказа от получения судебного разрешения. Д.А. Бабичев и вовсе считает, что при таком подходе может сформироваться практика, «при которой будут экстренными все случаи проведения ОРМ, связанных с ограничением прав граждан» [2, с. 400].

В результате рассматриваемая формула выполняет преимущественно техническую функцию временного ограничения неотложного режима, но не обеспечивает полноты правовой защиты конституционных прав личности. Как подчеркивает С.И. Захарцев, «законодательное регулирование оперативно-розыскных мероприятий выступает основным условием их законности, а любые неопределенности правовой конструкции неизбежно отражаются на правоприменении» [6, с. 113].

Особенность судебной оценки неотложных оперативно-розыскных мероприятий заключается в том, что она осуществляется уже после начала либо даже по завершении соответствующих действий. В отличие от общего порядка судебного разрешения, при котором суд оценивает допустимость предполагаемого ограничения конституционных прав до его фактического осуществления, в неотложных ситуациях судебное вмешательство носит последующий характер. Между тем, как подчеркивает А.Ю. Шумилов, результатом проведения первоначальных оперативно-розыскных мероприятий является информация, которая при определенных условиях может стать источником процессуальных доказательств [15, с. 104].

Модель производства неотложных оперативно-розыскных мероприятий исходит из того, что их допустимость обусловлена совокупностью обстоятельств, существовавших на момент принятия решения о начале вмешательства. К моменту обращения в суд оперативный орган уже располагает определенным массивом информации, полученной в результате осуществленных ранее действий. Эта информация неизбежно присутствует в материалах, представляемых для судебного рассмотрения, на что многократно указывается в юридической литературе [4; 3; 9].

В результате возникает риск подмены оценки первоначальных оснований неотложности анализом достигнутого результата. Суд фактически оказывается в положении, при котором ему предлагается оценивать правомерность вмешательства, исходя из его эффективности либо подтверждения исходных подозрений.

Подобное смещение акцента имеет далеко идущие последствия.

Если законность неотложного оперативно-розыскного мероприятия оценивается через призму полученных сведений, исключительный характер такого вмешательства утрачивает свое значение. Неотложность, как характеристика оперативно-розыскного мероприятия, начинает восприниматься не в качестве объективного условия, ограниченного конкретной ситуацией, а как оправдание, подтверждаемое, постфактум успешным исходом.

На доктринальном уровне на данный риск неоднократно указывалось в литературе. В частности, обращалось внимание на то, что ориентация судебной оценки на результат способна сформировать практику, при которой любые мероприятия, приведшие к получению значимой информации, будут квалифицироваться как экстренные. В этом случае сама категория неотложности превращается в инструмент последующего оправдания вмешательства в сферу конституционных прав. Например, как указывает Е.А. Чечетин, первоначальные оперативно-розыскные мероприятия носят вспомогательный характер по отношению к неотложным следственным действиям [14, с. 72].

Существенным является и то обстоятельство, что действующее законодательство не устанавливает четких критериев допустимого объема информации, подлежащей судебной оценке. Суд не ограничен в возможности учитывать сведения, полученные в ходе неотложного мероприятия, несмотря на то что именно они не должны определять законность исходного решения о его начале. Отсутствие таких ограничений фактически позволяет трансформировать судебную оценку из проверки правомерности предпосылок в оценку целесообразности и результативности оперативного вмешательства. По мнению В.Е. Суденко, «сведения, полученные в ходе оперативно-розыскных мероприятий, могут быть реализованы через производство процессуальных действий и решений» [12, с. 161].

Исходя из этого, представляется принципиально значимым утверждение о необходимости привязки судебной оценки законности неотложных оперативно-розыскных мероприятий исключительно к тем сведениям, которыми оперативный орган располагал до начала вмешательства. Любое расширение предмета судебной оценки за счет постфактум полученных данных искажает логику модели экстраординарных обстоятельств как условия для производства неотложных оперативно-розыскных мероприятий.

Формально-юридический анализ конструкции неотложных оперативно-розыскных мероприятий позволяет утверждать, что прекращение такого мероприятия до получения судебного разрешения не устраняет правовых последствий уже состоявшегося ограничения конституционных прав. Фактическое вмешательство в сферу тайны связи либо неприкосновенности жилища происходит в момент начала оперативных действий и не может быть нейтрализовано последующим

прекращением мероприятия. Следовательно, правовая оценка должна охватывать не только перспективу продолжения вмешательства, но и сам факт его осуществления.

Оперативно-розыскное законодательство России и Таджикистана исходит из предположения, что прекращение неотложного мероприятия завершает соответствующий правовой цикл, но такая логика методологически несостоятельна, поскольку фактически приравнивает прекращение оперативной активности к отсутствию вмешательства, игнорируя реальное ограничение конституционных прав, имевшее место в течение допустимого законом периода.

Предлагаемое авторское решение заключается в признании обязательности, постфактум судебной оценки правомерности прекращенных неотложных оперативно-розыскных мероприятий. Такая оценка не подменяет предварительное судебное разрешение и не направлена на легитимацию продолжения вмешательства. Ее назначение состоит в проверке законности самого отступления от общего правила судебного разрешения, а именно – в установлении наличия либо отсутствия тех обстоятельств, которые на момент начала мероприятия обосновывали его неотложный характер.

Суду подлежат представлению исключительно сведения, которыми располагал орган оперативно-розыскной деятельности до начала неотложного мероприятия, а также данные о моменте его начала и прекращения. Информация, полученная в ходе самого вмешательства, не может использоваться для обоснования его законности, поскольку в противном случае сохраняется риск ретроспективного оправдания ограничения прав через достигнутый результат.

Результатом такой оценки должно быть вынесение судебного акта, в котором фиксируется законность либо незаконность проведенного вмешательства. Признание неотложного мероприятия незаконным влечет запрет на использование любых сведений, полученных в ходе его осуществления, при формировании доказательственной базы по уголовному делу.

Введение обязательной последующей судебной оценки прекращенных неотложных оперативно-розыскных мероприятий позволяет устранить выявленный дефект нормативной конструкции. Судебное разрешение перестает восприниматься как факультативный элемент, применимый лишь при продолжении вмешательства, и вновь обретает значение универсальной гарантии правомерности ограничения конституционных прав. При этом сохраняется возможность оперативного реагирования в исключительных ситуациях, поскольку предлагаемая модель не препятствует началу неотложных мероприятий, а лишь обеспечивает их последующую правовую проверку.

Проведенный анализ позволяет констатировать, что институт неотложных оперативно-розыскных мероприятий в действующем законодательстве России и Таджикистана сохраняет противоречие между допустимостью временного отступления от судебного разрешения и отсутствием заверщенного механизма правовой оценки уже состоявшегося вмешательства. Источником указанного противоречия выступает формула «получить судебное решение либо прекратить мероприятие», которая, не сопровождаясь обязанностью последующей судебной оценки прекращенных неотложных оперативно-розыскных мероприятий, создает предпосылки для восприятия прекращения как достаточного способа завершения правового цикла. В этих условиях обоснованным представляется вывод о необходимости институционализации, постфактум судебной оценки прекращенных неотложных оперативно-розыскных мероприятий.

Контрольная функция суда в этом случае должна быть реализована посредством оценки правомерности временного отступления от общего правила судебного разрешения и осуществляться исключительно на основе исходных данных, которыми располагал оперативный орган на момент принятия решения о начале вмешательства. Реализация предложенного подхода позволяет восстановить значение судебного разрешения как обязательного условия допустимости ограничения конституционных прав, исключить выпадение фактически осуществленных вмешательств из сферы судебного контроля и сформировать устойчивые критерии допустимости последующей трансформации результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве.

Список использованной литературы:

1. Амичба Л.Р., Ермакова Т.Н. Специфика и порядок получения судебного решения для проведения оперативно-розыскных мероприятий. *Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева*. 2022;(3):138–144.

References:

1. Amichba L.R., Ermakova T.N. [The specifics and procedure for obtaining a court decision to conduct operational-search measures]. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva = Vestnik of the Volzhsky University named after V.N. Tatishchev*. 2022;(3):138–144. (In Russ.)]

2. Бабичев Д.А. Судебный контроль в обеспечении законности и обоснованности решений, принимаемых оперативными подразделениями органов внутренних дел. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки*. 2020;(2):389–409.
3. Баженов С.В. Порядок представления следователю результатов оперативно-розыскной деятельности. *Законодательство и практика*. 2015;(2):32–42.
4. Вытовтов А.Е. Уголовно-процессуальная политика и использование информации, полученной при проведении оперативно-розыскных мероприятий. *Baikal Research Journal*. 2020;(1):16–22.
5. Железняк Н.С. О необходимости судебного санкционирования оперативно-розыскных мероприятий, осуществляемых в неотложном порядке. *Вестник Сибирского юридического института ФСКН России*. 2016;(3):5–7.
6. Захарцев С.И. Возвращаясь к забытой дискуссии о составе оперативно-розыскного мероприятия. *Юридическая наука: история и современность*. 2021;(12):112–122.
7. Карякин А.М. Особенности проведения оперативно-розыскных мероприятий в целях розыска лиц, пропавших без вести. *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*. 2020;(2):158–164.
8. Молбасин С.И. Полномочия следственного судьи в уголовном судопроизводстве Республики Казахстан и контрольные функции судьи в уголовном судопроизводстве Республики Таджикистан: сравнительный анализ. *Труды Академии МВД Республики Таджикистан*. 2017;(4):118–125.
9. Омелин В.Н. Оперативно-розыскные мероприятия как правовой институт. *Закон и право*. 2021;(7):182–184.
10. Рахимзода Р.Х. Ведомственный и судебный контроль за реализацией оперативно-розыскной политики в Республике Таджикистан. *Мир политики и социологии*. 2015;(12):93–102.
11. Семенцов В.А., Гладышева О.В. Сущность и направления судебной деятельности в досудебном уголовном производстве. *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право*. 2012;(7):61–66.
12. Суденко В.Е. Следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия и их соотношение в уголовном процессе. *Военное право*. 2020;(5):161–167.
13. Цветкова А., Махмудов И. Соотношение прокурорского надзора и судебного контроля за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности в Республике Таджикистан. *Уголовное право*. 2008;(3):83–87.
2. Babichev D.A. [Judicial control in ensuring the legality and validity of decisions made by operational units of the internal affairs bodies]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Yuridicheskie nauki = RUDN Journal of Law*. 2020;(2):389–409. (In Russ.)]
3. Bazhenov S.V. [The procedure for presenting the results of operational-search activity to the investigator]. *Zakonodatel'stvo i praktika = Legislation and Practice*. 2015;(2):32–42. (In Russ.)]
4. Vytovtov A.E. [Criminal procedure policy and the use of information obtained during operational-search measures]. *Baikal Research Journal*. 2020;(1):16–22. (In Russ.)]
5. Zheleznyak N.S. [On the necessity of judicial authorization of operational-search measures carried out on an urgent basis]. *Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta FSKN Rossii = Bulletin of the Siberian Law Institute of the Federal Drug Control Service of Russia*. 2016;(3):5–7. (In Russ.)]
6. Zakhartsev S.I. [Returning to the forgotten discussion on the composition of the operational-search measure]. *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost' = Legal Science: History and Modernity*. 2021;(12):112–122. (In Russ.)]
7. Karyakin A.M. [Features of conducting operational-search measures for the purpose of searching for missing persons]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2020;(2):158–164. (In Russ.)]
8. Molbasin S.I. [Powers of the investigating judge in criminal proceedings of the Republic of Kazakhstan and the control functions of the judge in criminal proceedings of the Republic of Tajikistan: a comparative analysis]. *Trudy Akademii MVD Respubliki Tadjikistan = Proceedings of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Tajikistan*. 2017;(4):118–125. (In Russ.)]
9. Omelin V.N. [Operational-search measures as a legal institution]. *Zakon i pravo = Law and Legislation*. 2021;(7):182–184. (In Russ.)]
10. Rakhimzoda R.Kh. [Departmental and judicial control over the implementation of operational-search policy in the Republic of Tajikistan]. *Mir politiki i sotsiologii = The World of Politics and Sociology*. 2015;(12):93–102. (In Russ.)]
11. Sementsov V.A., Gladysheva O.V. [The essence and directions of judicial activity in pre-trial criminal proceedings]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo = Bulletin of the South Ural State University. Series: Law*. 2012;(7):61–66. (In Russ.)]
12. Sudenko V.E. [Investigative actions and operational-search measures and their correlation in criminal proceedings]. *Voennoe pravo = Military Law*. 2020;(5):161–167. (In Russ.)]
13. Tsvetkova A., Makhmudov I. [The correlation between prosecutorial supervision and judicial control over the enforcement of laws in operational-search activity in the Republic of Tajikistan]. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*. 2008;(3):83–87. (In Russ.)]

14. Чечетин А.Е. Обеспечение прав личности при проведении оперативно-розыскных мероприятий: монография. СПб.: Спб Университет МВД России; 2016.
15. Шумилов А.Ю. Оперативно-розыскное право в Российской Федерации: монография. М.: дом Шумиловой И.И; 2015.
14. Chechetin A.E. Obespechenie prav lichnosti pri provedenii operativno-rozysknykh meropriyatiy [Ensuring individual rights during operational-search measures]. St. Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2016. (In Russ.)]
15. Shumilov A.Yu. Operativno-rozysknoe pravo v Rossiyskoy Federatsii [Operational-search law in the Russian Federation]. Moscow: I.I. Shumilova Publishing House; 2015. (In Russ.)]

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Одиназода Исфандиер Ахмад

кандидат юридических наук, докторант кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
ORCID: 0009-0003-5406-3090

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Isfandiyor A. Odinzoda

Cand. of Sci. (Law), Doctoral Candidate at the Department of Criminal Procedure and Prosecutorial Supervision of the FGBOU VO "Kuban State University"
ORCID: 0009-0003-5406-3090

Оригинальная статья / Original article
<https://doi.org/10.31429/20785836-18-2-67-75>

ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА ОБЫСКА В ОТНОШЕНИИ АДВОКАТА, НЕ ПРИВЛЕКАЕМОГО К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Хмыров Р.В.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

Ссылка для цитирования: Хмыров Р.В. Особенности производства обыска в отношении адвоката, не привлекаемого к уголовной ответственности. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2026;18(2):67–75. <https://doi.org/10.31429/20785836-18-2-67-75>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Хмыров Ростислав Владимирович, вице-президент Адвокатской палаты Краснодарского края, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Адрес: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Тел.: + 7 (861) 268-59-64

E-mail: 2441313@kkka13.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 27.04.2026

Статья принята к печати: 26.05.2026

Дата публикации: 25.06.2026

Аннотация: Исследование посвящено комплексному анализу правовых и организационных особенностей производства обыска в отношении адвоката, не обладающего процессуальным статусом подозреваемого или обвиняемого.

Цель работы: определить специфику правового режима обыска у адвоката как самостоятельного уголовно-процессуального института, выявить системные пробелы законодательного регулирования и сформулировать предложения по усилению гарантий независимости адвокатской деятельности. Задачи включают раскрытие содержания оценочной категории «достаточные данные» применительно к статусу адвоката, характеристику уровней процессуальных гарантий и разграничение процессуальных режимов производства следственных действий, предусмотренных ч. 1 ст. 450.1 УПК РФ.

В исследовании использовались диалектический, сравнительно-правовой, системный и структурный методы, метод правового моделирования, а также формально-юридический метод и метод толкования норм права.

Результаты исследования. Обосновано, что категория «достаточные данные» применительно к обыску у адвоката приобретает особое содержание и подлежит оценке сквозь призму трех взаимосвязанных критериев: объективного подтверждения нахождения искомых объектов в помещении адвоката, наличия сведений, позволяющих преодолеть адвокатскую тайну, и конкретизированности отыскиваемых объектов. Выявлены и содержательно охарактеризованы процессуальные гарантии: повышенные требования к обоснованию необходимости производства следственного действия, императивное требование согласования ходатайства с руководителем следственного органа Следственного комитета РФ по субъекту РФ, обязательный судебный контроль и присутствие представителя адвокатской палаты при производстве обыска в помещении адвоката. Установлена бинарная правовая природа ст. 450.1 УПК РФ, объединяющей два самостоятельных процессуальных режима – в отношении адвоката, привлекаемого к уголовной ответственности, и адвоката, не являющегося субъектом уголовного преследования.

Вывод. Автором обосновывается, что институт обыска у адвоката выступает индикатором реальной защищенности конституционного права каждого на квалифицированную юридическую помощь. Дальнейшее совершенствование уголовно-процессуального законодательства должно осуществляться в направлении конкретизации оснований и процедуры обыска, закрепления безусловной недопустимости доказательств, полученных с нарушением гарантий сохранности профессиональной тайны адвоката, а также усиления роли представителя адвокатской палаты как обязательного участника данного следственного действия.

Ключевые слова: адвокат, следственные действия у адвоката, следственные действия в отношении адвоката, обыск в отношении адвоката.

THE SPECIFICS OF CONDUCTING A SEARCH IN RELATION TO A LAWYER WHO IS NOT CRIMINALLY LIABLE

Rostislav V. Khmyrov

FGBOU VO "Kuban State University"
(Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040)

Link for citation: Khmyrov R.V. The specifics of conducting a search in relation to a lawyer who is not criminally liable. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2026;18(2):67–75. <https://doi.org/10.31429/20785836-18-2-67-75>

CONTACT INFORMATION:

Rostislav V. Khmyrov, Vice President of the Krasnodar Krai Bar Association, Cand. of Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Criminal Procedure and Prosecutor's Supervision of the FGBOU VO "Kuban State University"

Address: 149 Stavropolskaya St., Krasnodar, Russia, 350040

Tel.: + 7 (861) 268-59-64

E-mail: 2441313@kkka13.ru

Conflict of interest. The author declares no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 27.04.2026

The article has been accepted for publication: 26.05.2026

Date of publication: 25.06.2026

Annotation: This study provides a comprehensive analysis of the legal and organizational aspects of conducting a search of a lawyer who does not have the procedural status of a suspect or accused.

The *Objective:* To determine the specifics of the legal regime governing searches of lawyers as an independent criminal procedural institution, identify systemic gaps in legislative regulation, and formulate proposals for strengthening guarantees of the independence of legal practice. The objectives include clarifying the content of the "sufficient data" assessment category in relation to a lawyer's status, characterizing the levels of procedural guarantees, and distinguishing between the procedural modes of conducting investigative actions stipulated by Part 1 of Article 450.1 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation.

The study utilized *methods* dialectical, comparative legal, systemic, and structural methods, as well as legal modeling, formal legal methods, and the method of interpreting legal norms.

Results of the study. It is substantiated that the category of "sufficient evidence" in relation to a search of a lawyer's premises acquires a special meaning and is subject to assessment through the prism of three interrelated criteria: objective confirmation of the location of the sought-after objects on the lawyer's premises, the availability of information that allows for overcoming attorney-client privilege, and the specificity of the objects sought. Procedural guarantees are identified and substantively characterized: increased requirements for justifying the need for investigative action, the mandatory requirement for approval of the petition by the head of the investigative body of the Investigative Committee of the Russian Federation for the constituent entity of the Russian Federation, mandatory judicial review, and the presence of a representative of the Bar Association during a search of the lawyer's premises. The binary legal nature of

Article 107 of the Criminal Code is established. Article 450.1 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, which combines two independent procedural regimes—one for a lawyer facing criminal liability and one for a lawyer who is not the subject of criminal prosecution.

Conclusion. The author argues that the institution of a search of a lawyer's premises serves as an indicator of the genuine protection of everyone's constitutional right to qualified legal assistance. Further improvements to criminal procedure legislation should be aimed at specifying the grounds and procedures for searches, enshrining the absolute inadmissibility of evidence obtained in violation of guarantees of professional confidentiality, and strengthening the role of the representative of the Bar Association as a mandatory participant in this investigative action.

Keywords: lawyer, investigative actions at a lawyer's premises, investigative actions against a lawyer, search of a lawyer.

Введение

Одним из наиболее дискуссионных и научно значимых следственных действий современного уголовного процесса является производство обыска у адвоката. Вопросы производства обыска традиционно интересуют не только практиков, но и ученых: А.В. Абакшина [1, с. 563–568], Е.О. Бикметову [2, с. 19–20], Н.В. Егорова [4, с. 142–146], Е.В. Лукьянову [5, с. 158–163], Р.А. Хашимова [9, с. 92–98], И.С. Щелконогову [10, с. 41–43] и многих других.

Обыск в отношении адвоката, в особенности не обладающего процессуальным статусом подозреваемого или обвиняемого, представляет собой следственное действие повышенной рискованности. Оно сопряжено с реальной угрозой неправомерного доступа к документам адвоката, содержащим сведения, составляющие его профессиональную тайну. Передавая документы, или сообщая сведения адвокату, лицо, реализующее право на получение квалифицированной юридической помощи, абсолютно уверено в конфиденциальности коммуникации с адвокатом. Отношения, которые возникают между лицом, обратившимся за юридической помощью, и адвокатом, строятся на доверии.

Проблематика настоящего исследования сосредоточена именно на ситуации, когда адвокат не выступает в качестве лица, в отношении которого ведется обвинительная деятельность, т.е. не является ни подозреваемым, ни обвиняемым в уголовном деле, в рамках которого производится следственное действие. В этом контексте обыск перестает быть ординарным инструментом собирания доказательств и трансформируется в потенциальный механизм, несущий риски раскрытия профессиональной тайны адвоката и, как следствие, нарушения конституционных прав граждан – доверителей адвоката, в помещении которого производятся следственные действия.

Целью настоящей статьи является выявление и систематизация процессуальных особенностей производства обыска в отношении адвоката, не привлекаемого к уголовной ответственности, а также разработка научно обоснованных рекомендаций по оптимизации правового регулирования данного следственного действия.

Методы исследования

Методологическая основа исследования носит комплексный характер и сочетает в себе несколько взаимодополняющих подходов, что обусловлено межотраслевой спецификой рассматриваемой проблемы, находящейся на стыке уголовно-процессуального права и адвокатологии.

Диалектический метод позволил выявить коллизию между публично-правовой потребностью государства в эффективном расследовании преступлений, посредством производства обыска, в том числе в помещении адвоката и конституционно гарантированным правом лица на получение юридической помощи, неразрывно связанным с необходимостью обеспечения режима профессиональной тайны адвоката. Применение указанного метода позволило рассмотреть развитие правового регулирования производства обыска в отношении адвоката не как неподвижную форму, а как динамический процесс последовательного расширения процессуальных гарантий независимости профессиональной деятельности лица обладающего статусом адвоката.

Кроме указанных использовались сравнительно-правовой метод, системный и структурный методы, метод правового моделирования, а также формально-юридический метод.

Результаты исследования

Анализ нормативной базы, доктринальных источников и правоприменительной практики позволяет утверждать, что производство обыска у адвоката, не обладающего процессуальным статусом подозреваемого или обвиняемого, не может рассматриваться как ординарное следственное

действие и требует принципиально иного уровня процессуальных гарантий. Выявлен ряд существенных характеристик, позволяющих квалифицировать данный вид обыска как самостоятельный уголовно-процессуальный институт с особым правовым режимом, обусловленным необходимостью защиты адвокатской тайны.

Научная дискуссия

Законодатель и правоприменительная практика выработали особый правовой режим производства обыска у адвоката, который включает ряд ключевых элементов:

1. Повышенный стандарт обоснования необходимости производства следственного действия в отношении адвоката, нашедший свое закрепление в ч. 2 ст. 450.1 УПК РФ. Так, в отличие от обыска в жилище иных лиц (не поименованных в ст. 447 УПК РФ). Ключевым условием производства обыска как в помещении (жилом или служебном) адвоката выступает наличие достаточных данных, подтверждающих, что именно в указанном месте, у данного адвоката локализованы предметы или документы, обладающие доказательственной ценностью для уголовного дела и при этом не выпадающие из-под охраны профессиональной тайны адвоката.

Вот только что скрывается за понятием «достаточные данные», и где та грань, которая отделяет имеющийся у следователя объем информации от того критического минимума, который позволяет вторгнуться в профессиональную сферу адвоката?

Отвечая на вопрос, необходимо подчеркнуть, что категория «достаточные данные» относится к числу оценочных понятий уголовно-процессуального закона, не имеющих легальной дефиниции, но получивших глубокую доктринальную разработку и судебное толкование. В своей основе «достаточные данные» – это совокупность фактических сведений (доказательств или результатов оперативно-розыскной деятельности), которые на данном этапе судопроизводства формируют у следователя и суда обоснованное убеждение в том, что в определенном месте или у определенного лица могут находиться некие предметы, имеющие значение для уголовного дела. Речь идет не о доказанности факта совершения преступления, а о вероятностном знании, однако таком, которое имеет под собой реальную фактическую основу, а не является голым предположением или интуитивной догадкой.

Применительно к лицу, наделенному статусом адвоката понятие «достаточные данные» приобретает особое содержание. Как справедливо отмечает адвокат О.И. Бибик¹, «расплывчатость уголовно-процессуального закона позволяет объявить достаточными данными что угодно – любую сплетню, домысел или вещий сон, приснившийся накануне следователю». Эта ирония, к сожалению, отражает реалии правоприменительной практики, когда под видом «достаточных данных» нередко фигурирует информация, не выдерживающая проверки на достоверность и конкретность.

Верховный Суд РФ последовательно акцентирует внимание, указывая, что при рассмотрении ходатайства о производстве обыска суд обязан «проверить наличие фактических обстоятельств, служащих основанием для производства указанного в ходатайстве следственного действия». В п. 12 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 1 июня 2017 г. № 19² говорится о том, что: судье надлежит убедиться, что в материалах уголовного дела имеются достаточные данные полагать, что именно в указанном месте локализованы объекты, обладающие доказательственным значением для уголовного дела.

В отношении адвоката требование конкретизации приобретает дополнительное измерение. Статья 450.1 УПК РФ прямо требует указания в судебном постановлении не только данных, служащих основанием для производства следственных действий, но и конкретных отыскиваемых объектов. Это означает, что следователь должен обладать сведениями, позволяющими индивидуализировать искомые предметы или документы, а суд – проверить обоснованность их связи с расследуемым событием.

Особо строгий подход к оценке достаточности данных применительно к адвокату обусловлен сформулированной позицией Конституционного Суда РФ, нашедшей свое отражение

¹ Бибик О.И. «Достаточные данные» Особенности национального обыска // Новая Адвокатская Газета [сайт]. Адвокатская газета; 2026 [обновлено 15 июня 2012; процитировано 18 апреля 2026]. Доступно: <http://www.old.advgazeta.ru/rubrics/12/816>.

² О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ): постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2017 г. № 19 // Российская газета. № 125. 09.06.2017.

в Постановлении от 17 декабря 2015 г. № 33-П¹. Суд указал, что изъятию подлежат только те материалы, которые «не связаны непосредственно с нарушениями со стороны как адвоката, так и его доверителя, совершенными в ходе производства по данному делу, которые носят уголовно наказуемый характер». Таким образом, наличие достаточных данных призвано обосновывать, что искомые объекты либо не подпадают под режим адвокатской тайны (например, являясь орудиями преступления или предметами, изъятymi из оборота), либо подтверждают факт использования адвокатом своего статуса в противоправных целях.

А.С. Шаталов² обращает внимание на оценочную природу термина «достаточные данные», содержание которого не имеет раз и навсегда заданной формулы и определяется правоприменителем ситуативно, в зависимости от совокупности фактов по делу.

Как отмечается в курсе уголовного процесса под редакцией Л.В. Головки, категория «достаточные данные» образует фактический базис, без которого невозможно говорить о законности принятия решения о производстве обыска и иных следственных действий, сопряженных с принуждением³.

С.О. Махтук, проведя анализ законодательства и судебной практики, обоснованно говорит о том, что судебные решения, влекущие ограничение конституционных прав личности – будь то избрание меры пресечения или иное принуждение, – обретают законность лишь тогда, когда опираются не на песок абстрактных «достаточных данных», а на фундамент из надлежащих доказательств, прошедших процедуру судебной оценки [6, с. 31–35].

Разделяя приведенную позицию, полагаем необходимым подчеркнуть: использование законодателем в УПК РФ термина «достаточные данные» применительно к решениям, принимаемым на досудебных стадиях, не должно маскировать истинную природу этих сведений. Мы считаем, что любые фактические данные, на которых основывается властное волеизъявление следователя или дознавателя, фактически приобретают доказательственное значение. Игнорирование этого обстоятельства нивелирует различие между информацией, подлежащей проверке, и информацией, уже получившей процессуальную легитимацию в качестве основания для ограничения прав.

В связи с этим представляется, что обоснование процессуальных решений возможно лишь достаточными доказательствами, поскольку только они обеспечивают необходимый уровень процессуальных гарантий.

Таким образом, разрешая вопрос о достаточности данных для проведения обыска в помещении, используемом адвокатом в профессиональных целях, правоприменитель должен оценивать имеющуюся информацию сквозь призму трех взаимосвязанных критериев. Первый из них – наличие фактических сведений, объективно указывающих на то, что в адвокатском производстве сосредоточены предметы или документы, релевантные для расследуемого уголовного дела; второй – данные, позволяющие преодолеть адвокатский иммунитет (указывающие на противоправный характер деятельности либо на нахождение предметов, изъятых из оборота); и третий – конкретность и индивидуализированность искомых объектов, исключающая «зондирующий» обыск с целью поиска неизвестно чего.

Только совокупность этих элементов позволяет говорить о том, что «достаточные данные» действительно являются достаточными, а само вторжение в профессиональную деятельность адвоката является соразмерным и необходимым.

Однако одних только достаточных данных для производства обыска в отношении адвоката недостаточно. Уголовно-процессуальный закон устанавливает и другие обязательные требования, которые правильнее было бы назвать гарантии независимости адвокатской деятельности.

2. В силу прямого указания закона (п. 3 ст. 8 Закона об адвокатуре) производство обыска в отношении адвоката (за исключением случаев, не терпящих отлагательства) допускается только на основании судебного решения. Суд, проверяя материалы, должен оценить не только формальную

¹ По делу о проверке конституционности пункта 7 части второй статьи 29, части четвертой статьи 165 и части первой статьи 182 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан А.В. Баляна, М.С. Дзюбы и других: Постановление Конституционного Суда РФ от 17.12.2015 г. № 33-П // Собрание законодательства РФ. 2015. № 52 (часть I). Ст. 7682.

² Шаталов А.С. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебный курс: В 3 т. Т. 1. Общие положения. М.: ИД МПА-Пресс, 2012. С. 22.

³ Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. 2-е изд., испр. М.: Статут, 2017. С. 689.

законность ходатайства следователя, но и соразмерность вторжения в профессиональную деятельность адвоката тем целям, которые преследует расследование.

3. Ключевой процессуальной гарантией при производстве обыска в отношении адвоката выступает обязательное участие представителя адвокатской палаты субъекта РФ. В силу прямого указания закона (ч. 1 ст. 450.1 УПК РФ) такой представитель – член совета адвокатской палаты либо иное лицо, уполномоченное ее президентом, – привлекается к участию в обыске, проводимом как в служебном, так и в жилом помещении, используемом адвокатом для профессиональной деятельности. В.Ю. Стельмах [7, с. 46–50], систематизируя права представителя адвокатской палаты, закрепленные региональными внутрикорпоративными актами (знакомиться с постановлением суда, общаться с адвокатом, приносить возражения на протокол и обжаловать действия следователя), подчеркивает его особый правовой статус – не защитника и не специалиста, а представителя всего адвокатского сообщества, действующего в публично-правовых интересах. О.В. Гладышева приходит к выводу о том, что участие Представителя адвокатской палаты является еще и правовым способом вовлечения органа адвокатского самоуправления в содействие защитнику [3, с. 72–81]. Разделяя мнение авторов, полагаем необходимым подчеркнуть, что присутствие представителя адвокатской палаты призвано обеспечить решение следующих взаимосвязанных задач:

- защиту адвокатской тайны – недопущение ознакомления участников следственного действия с материалами производства адвоката в отношении доверителей, чьи дела не связаны с расследуемым преступлением;
- предотвращение изъятия всего адвокатского производства – гарантию того, что изъятию подлежат лишь строго определенные в судебном решении предметы и документы, а не весь массив документов, содержащихся у адвоката и переданных ему его доверителем;
- фиксацию допущенных в ходе обыска нарушений, делать подлежащие занесению в протокол заявления и в дальнейшем выступать свидетелем соблюдения (или несоблюдения) процедурных гарантий при возможном обжаловании результатов следственного действия;
- недопустимость фотографирования, киносъемки, видеозаписи и иной фиксации материалов адвокатских производств.

Для адвоката, не обладающего процессуальным статусом подозреваемого или обвиняемого, уголовно-процессуальный закон устанавливает усиленный режим правовой защиты, закрепленный в ч. 5 ст. 450 УПК РФ: производство следственных и процессуальных действий возможно лишь по судебному разрешению, выносимому судом, указанным в ст. 448 УПК РФ. При этом п. 10 ч. 1 ст. 448 УПК РФ предусматривает, что инициирование уголовного преследования в отношении адвоката возможно исключительно по решению руководителя следственного органа Следственного комитета РФ по субъекту РФ либо лица, исполняющего его обязанности.

Таким образом, правило, содержащееся в ч. 5 ст. 450 УПК РФ, предусматривает необходимость получения согласия на обращение в суд у должностного лица, обладающего компетенцией, предусмотренной п. 10 ч. 1 ст. 448 УПК РФ, т.е. у руководителя следственного органа Следственного комитета РФ по субъекту РФ.

Анализ судебной практики показал, что несоблюдение требования о согласовании ходатайства именно с должностным лицом, указанным в п. 10 ч. 1 ст. 448 УПК РФ, является существенным нарушением уголовно-процессуального закона. Это посягает на право адвоката на законное судебное решение и ставит под сомнение все последующие доказательства, полученные в ходе такого следственного действия.

В качестве примера игнорирования требований ч. 5 ст. 450 УПК РФ можно привести Постановление Октябрьского районного суда г. Краснодара от 6 июля 2023 г.¹, которым следователю дано разрешение допросить адвоката в качестве свидетеля. Ходатайство старшего следователя второго следственного отделения второго отдела по расследованию особо важных дел СУ СК РФ по Краснодарскому краю было согласовано с его непосредственным руководителем, а не с руководителем следственного органа СК РФ по субъекту РФ, как того требует ч. 5 ст. 450 УПК РФ.

Показательным примером обесценивания гарантий неприкосновенности адвоката служит ситуация, когда суд, разрешая ходатайство о допросе адвоката в качестве свидетеля по делу его же доверителя, оставил без внимания грубое процессуальное нарушение на стадии инициирования этого ходатайства. Давая формальное согласие на следственное действие, судья не проверил наличия

¹ Постановление Октябрьского районного суда г. Краснодара от 6 июля 2023 г. по делу № 3/12-11/2023 // Архив Октябрьского районного суда г. Краснодара.

обязательного согласования с надлежащим должностным лицом. Тот факт, что ходатайство было согласовано не руководителем следственного органа СК РФ по субъекту РФ (как того требует п. 10 ч. 1 ст. 448 УПК РФ во взаимосвязи с ч. 5 ст. 450 УПК РФ), а непосредственным руководителем следователя, остался за рамками судебного контроля. Тем самым суд фактически узаконил обход особого порядка, установленного гл. 52 УПК РФ.

Краснодарский краевой суд, отменяя постановление районного суда от 2 октября 2023 г.¹, указал: «...ходатайство следователя согласовано с неуполномоченным на то должностным лицом, то есть руководителем отдела, а не руководителем следственного органа Следственного комитета Российской Федерации по субъекту Российской Федерации, как того требует закон».

Восьмой кассационный суд общей юрисдикции в Постановлении от 4 декабря 2025 г. № 77-3911/2025², рассмотрев в открытом судебном заседании кассационную жалобу адвоката Шмакова С.А. в защиту интересов осужденного, который относится к кругу лиц, перечисленных в ст. 447 УПК РФ, в отношении которых предусмотрен особый порядок производства по уголовным делам, предполагающий дополнительные гарантии при возбуждении уголовного дела, задержании, избрании мер пресечения и производстве отдельных следственных действий (ст. 448 – 450 УПК РФ), включая требования о получении согласия суда, указанного в ч. 1 ст. 448 УПК РФ, для производства в отношении «специальных субъектов» следственных и иных процессуальных действий, осуществляемых в соответствии с УПК РФ.

Указанное постановление суда кассационной инстанции интересно тем, что суд, опираясь на ч. 5 ст. 450 УПК РФ, приходит к выводу о том, что по смыслу закона, в качестве дополнительных гарантий в отношении лиц с особым правовым статусом, в отношении которых уголовное дело не возбуждено в порядке главы 52 УПК РФ либо обвинение в таком порядке ему не предъявлено, то вступает в действие режим повышенных процессуальных гарантий: любые процессуальные решения, затрагивающие права такого лица, могут приниматься исключительно по специальной процедуре – в частности, уполномоченным должностным лицом следственного органа, закрепленного в главе 52 уголовно-процессуального закона.

То есть, правом на производство следственных и иных процессуальных действий в отношении адвоката (не привлекаемого к уголовной ответственности) обладает следователь Следственного комитета.

Говоря о процессуальных гарантиях адвоката, нельзя не обратиться к ч. 1 ст. 450.1 УПК РФ. Как справедливо отмечает Р.Р. Умярова [8, с. 61–65], конструкция указанной статьи сложна для восприятия и имеет ряд значительных погрешностей. Законодатель объединил в ней два самостоятельных, хотя и внешне сходных, процессуальных института.

При структурном анализе указанной нормы отчетливо выявляется ее бинарная природа. В диспозиции статьи заложены две различные фактические ситуации:

- адвокат привлекается к уголовной ответственности;
- адвокат, не привлекаемый к уголовной ответственности.

Для адвоката, не привлекаемого к уголовной ответственности, законодатель предусмотрел повышенный стандарт судебного контроля: ходатайство перед судом возбуждается следователем с согласия руководителя следственного органа Следственного комитета РФ по субъекту РФ (ч. 5 ст. 450 УПК РФ).

Таким образом, ч. 1 ст. 450.1 УПК РФ, при внешнем единообразии текста, закрепляет два самостоятельных процессуальных режима, различающихся по своему фактическому составу и правовым последствиям, но объединенных общим предметом правового регулирования – неприкосновенностью адвокатской деятельности.

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы, обладающие научной и практической ценностью.

Обосновано, что особый правовой режим обыска у адвоката, не привлекаемого к уголовной ответственности, представляет собой не суммирование общего порядка, закрепленного ст. 182 УПК РФ и дополнительных гарантий, изложенных в ст. 450.1 УПК РФ, а их системное единство,

¹ Апелляционное постановление Краснодарского краевого суда от 2 октября 2023 г. по делу № 22-6109/2023 // Архив Краснодарского краевого суда.

² Постановление Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 04.12.2025 г. № 77-3911/2025 // Архив Восьмого кассационного суда общей юрисдикции.

усиленное императивным требованием содержащимся в ч. 5 ст. 450 УПК РФ, что позволяет рассматривать данный режим как самостоятельный уголовно-процессуальный институт.

Установлено, что ключевой предпосылкой законности производства обыска у адвоката выступает наличие достаточных данных, образующих фактический базис следственного действия. Являясь оценочной категорией, «достаточные данные» применительно к обыску у адвоката приобретают дополнительное содержательное измерение, требующее от правоприменителя оценки представленных материалов сквозь призму трех взаимосвязанных критериев: а) объективного подтверждения локализации искомых объектов в помещении адвоката; б) наличия сведений, позволяющих преодолеть адвокатский иммунитет; в) конкретизированности отыскиваемых предметов или документов. Отсутствие хотя бы одного из названных элементов должно влечь отказ в удовлетворении ходатайства следователя.

Выявлена бинарная правовая природа ч. 1 ст. 450.1 УПК РФ, объединяющая два самостоятельных процессуальных режима: производство обыска у адвоката, привлекаемого к уголовной ответственности, и у адвоката, не являющегося субъектом уголовного преследования. Для последнего законодателем установлен повышенный стандарт судебного контроля, включающий обязательность согласования с руководителем следственного отдела Следственного комитета РФ по субъекту РФ ходатайства о производстве следственного действия.

Изложенные выводы свидетельствуют о том, что дальнейшее развитие института обыска у адвоката должно осуществляться в направлении усиления процессуальных гарантий независимости адвокатской деятельности при одновременном сохранении возможностей эффективного расследования преступлений. Только такой подход способен обеспечить соблюдение конституционного баланса ценностей и укрепить доверие к институту адвокатуры как необходимому элементу состязательного правосудия.

Список использованной литературы:

1. Абакшин А.В. Особенности производства обыска в отношении адвоката. *XLVIII Огаревские чтения: материалы научной конференции. В 3-х частях: ч. 3* (г. Саранск, 6–13 декабря 2019 г.) / сост. А.В. Столяров, отв. за выпуск П.В. Сенин. Саранск: Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева; 2020.
2. Бикметов Е.О. Проблемы производства обыска и выемки в отношении адвоката. *Правовая защита частных и публичных интересов: сборник научных статей Международной научно-практической конференции, посвященной памяти выдающегося российского адвоката Федора Никифоровича Плевако (1842–1908)* (г. Челябинск, 14–15 апреля 2017 г.). Челябинск: Общество с ограниченной ответственностью «Полиграф-мастер»; 2019.
3. Гладышева О.В., Хмыров Р.В. Представитель адвокатской палаты и его доступ в уголовное судопроизводство: современные проблемы и пути их решения. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2021;(4):72–81.
4. Егоров Н.В. Проблемные вопросы производства обыска жилища в отношении адвоката. *Правовое образование: сборник научных статей. Том 13*. Ростов-на-Дону: Ростовский институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Всероссийский государственный университет

References:

1. Abakshin A.V. [Features of conducting a search in respect of a lawyer]. *XLVIII Ogarevskie chteniya: materialy nauchnoy konferentsii. V 3-kh chastyakh: ch. 3* (Saransk, 6–13 December 2019) = *XLVIII Ogarev Readings: proceedings of the scientific conference. In 3 parts: part 3* / Comp. by A.V. Stolyarov, ed. by P.V. Senin. Saransk: National Research Ogarev Mordovia State University; 2020. (In Russ.)]
2. Bikmetov E.O. [Problems of conducting a search and seizure in respect of a lawyer]. *Pravovaya zashchita chastnykh i publicnykh interesov: sbornik nauchnykh statey Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy pamyati vydayushchegosya rossiyskogo advokata Fedora Nikiforovicha Plevako (1842–1908)* (g. Chelyabinsk, 14–15 aprelya 2017 g.) = *Legal protection of private and public interests: collection of scientific articles of the International scientific and practical conference dedicated to the memory of the outstanding Russian lawyer Fyodor Nikiforovich Plevako (1842–1908)* (Chelyabinsk, 14–15 April 2017). Chelyabinsk: Poligraf-master LLC; 2019. (In Russ.)]
3. Gladysheva O.V., Khmyrov R.V. [The Representative of the Bar Association and His Access to Criminal Proceedings: Current Issues and Solutions]. *YUridicheskiy vestnik Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2021;(4):72–81. (In Russ.)]
4. Egorov N.V. [Problematic issues of conducting a search of a dwelling in respect of a lawyer]. *Pravovoe obrazovanie: sbornik nauchnykh statey. Tom 13* = *Legal education: collection of scientific articles. Vol. 13*. Rostov-on-Don: Rostov Institute (Branch) of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia) in Rostov-on-Don; 2021. (In Russ.)]

юстиции (РПА Минюста России)» в г. Ростове-на-Дону; 2021.

5. Лукьянов Е.В. Особенности производства обыска в отношении адвоката. *Пробелы в российском законодательстве*. 2024;(7(17)):158–163.

6. Махтук С.О. К вопросу о достаточности доказательств, оснований и данных в уголовном процессе. *Российский следователь*. 2022;(2):31–35.

7. Стельмах В.Ю. Процессуальные права представителя адвокатской палаты в ходе следственных действий, производимых в отношении адвокатов. *Адвокатская практика*. 2023;(2):46–50.

8. Умярова Р.Р. Специфика судебного контроля за следственными действиями в отношении адвоката. *Вестник Краснодарского университета МВД России*. 2023;(1(59)):61–65.

9. Хашимов Р.А. Гарантии сохранения адвокатской тайны при проведении обыска в отношении адвоката: судебные правовые позиции. *Уголовная юстиция*. 2016;(1(7)):92–98.

10. Щелконогова И.С. Производство обыска в отношении отдельной категории лиц, в том числе адвоката. *Актуальные вопросы охраны общественного порядка и административной деятельности полиции: материалы межведомственной научно-практической конференции (г. Волгоград, 18 июня 2021 г.)*. М.: ООО «Издательство «Спутник+»; 2021.

5. Luk'yanov E.V. [Features of conducting a search in respect of a lawyer]. *Probely v rossiyskom zakonodatel'stve = Gaps in Russian Legislation*. 2024;(7(17)):158–163. (In Russ.)]

6. Makhtyuk S.O. [On the sufficiency of evidence, grounds and data in criminal proceedings]. *Rossiyskiy sledovatel' = Russian Investigator*. 2022;(2):31–35. (In Russ.)]

7. Stelmakh V.Yu. [Procedural Rights of a Representative of a Bar Association During Investigative Actions Performed Against Lawyers]. *Advokatskaya praktika = Law practice*. 2023;(2):46–50. (In Russ.)]

8. Umyarova R.R. [Specifics of judicial control over investigative actions in respect of a lawyer]. *Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2023;(1(59)):61–65. (In Russ.)]

9. Khashimov R.A. [Guarantees of preserving attorney-client privilege during a search in respect of a lawyer: judicial legal positions]. *Ugolovnaya yustitsiya = Criminal Justice*. 2016;(1(7)):92–98. (In Russ.)]

10. Shchelkonogova I.S. [Conducting a search in respect of a special category of persons, including a lawyer]. *Aktual'nye voprosy okhrany obshchestvennogo poriadka i administrativnoy deyatel'nosti politsii: materialy mezhvedomstvennoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (g. Volgograd, 18 iyunya 2021 g.) = Topical Issues of Public Order Protection and Administrative Activities of the Police: Proceedings of the Interdepartmental Scientific and Practical Conference (Volgograd, 18 June 2021)*. Moscow: Sputnik+ Publishing House LLC; 2021. (In Russ.)]

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Хмыров Ростислав Владимирович

Вице-президент Адвокатской палаты Краснодарского края, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
ORCID: 0000-0002-0171-5652

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Rostislav V. Khmyrov

Vice President of the Krasnodar Krai Bar Association, Cand. of Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Criminal Procedure and Prosecutor's Supervision of the FGBOU VO "Kuban State University"
ORCID: 0000-0002-0171-5652

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.31429/20785836-18-2-76-83>

КОЛЛИЗИИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ АНТИКОРРУПЦИОННЫХ ПРОВЕРОК ВНЕ РАМОК УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Ярмухамедов Р.Ф.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

Ссылка для цитирования: Ярмухамедов Р.Ф. Коллизии использования результатов оперативно-розыскной деятельности при проведении антикоррупционных проверок вне рамок уголовного судопроизводства. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2026;18(2):76–83. <https://doi.org/10.31429/20785836-18-2-76-83>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Ярмухамедов Ринат Фаридович, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Адрес: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Тел.: +7 (861) 268-59-64

E-mail: yar_rf@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 04.05.2026

Статья принята к печати: 02.06.2026

Дата публикации: 25.06.2026

Аннотация: В статье исследуются проблемы правового регулирования оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) в механизме противодействия коррупции, не связанном с уголовным преследованием. Анализируются основания проведения оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ) по запросам, предусмотренным Федеральным законом «О противодействии коррупции», и выявляется существенная коллизия между положениями Закона «Об ОРД», допускающими широкий спектр ОРМ для антикоррупционных проверок, и жесткими ограничениями для аналогичных мероприятий в уголовном процессе. Автором констатируется отсутствие законодательно установленного порядка легализации и представления «административных» результатов ОРД уполномоченным на принятие кадровых решений органам, что создает правовую неопределенность и риски нарушения прав личности. На основе изучения судебной практики и подзаконных актов делается вывод о необходимости внесения системных изменений в законодательство, направленных на унификацию ограничений при проведении ОРМ и регламентацию процедуры использования их результатов во внепроцессуальной сфере.

Целью исследования является анализ и конкретизация механизмов оценки оперативно-розыскной информации в ходе использования результатов ОРД в рамках антикоррупционных проверок в отношении лиц, претендующих на соответствующие должности государственной службы, а также в рамках проверок достоверности сведений государственных служащих, вне рамок уголовного процесса.

Методы исследования – анализ нормативно-правовых актов, сравнительно-правовой метод, системный анализ, метод правового моделирования.

Результаты исследования – проведенное исследование выявило системную правовую коллизию, связанную с использованием результатов ОРД при антикоррупционных проверках вне уголовного процесса. Установлено, что действующее законодательство, с одной стороны, формально допускает применение широкого спектра оперативно-розыскных мероприятий по запросам в рамках

закона «О противодействии коррупции», а с другой – не содержит специального процедурного механизма легализации и представления полученных таким образом сведений. Это порождает существенный правовой пробел, приводит к противоречивой практике и создает риски нарушения прав проверяемых лиц. Для устранения выявленных недостатков требуется внесение изменений в Федеральный закон «Об ОРД» в части унификации ограничений на проведение ОРМ, а также разработка регламентированного порядка представления «административных» результатов ОРД уполномоченным органам.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, противодействие коррупции, антикоррупционная проверка, оперативно-розыскные мероприятия, доказательства, легализация результатов ОРД, правовые пробелы.

COLLISIONS IN THE USE OF OPERATIONAL-SEARCH ACTIVITY RESULTS DURING ANTI-CORRUPTION CHECKS OUTSIDE THE FRAMEWORK OF CRIMINAL PROCEEDINGS

Rinat F. Yarmukhamedov
FGBOU VO "Kuban State University"
(Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040)

Link for citation: Yarmukhamedov R.F. Collisions in the Use of Operational-Search Activity Results During Anti-Corruption Checks Outside the Framework of Criminal Proceedings. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2026;18(2):76–83. <https://doi.org/10.31429/20785836-18-2-76-83>

CONTACT INFORMATION:

Rinat F. Yarmukhamedov, Cand. of Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Criminal Procedure and Prosecutorial Supervision of the FGBOU VO "Kuban State University"

Address: 149 Stavropolskaya St., Krasnodar, Russia, 350040

Tel.: +7 (861) 268-59-64

E-mail: yar_rf@mail.ru

Conflict of interest. The author declares no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 04.05.2026

The article has been accepted for publication: 02.06.2026

Date of publication: 25.06.2026

Annotation: The article examines the problems of legal regulation of operational investigative activities (hereinafter referred to as the ARD) in the mechanism of combating corruption that is not related to criminal prosecution. The article analyzes the grounds for conducting operational search measures (hereinafter referred to as OPS) on requests provided for by the Federal Law "On Combating Corruption", and reveals a significant conflict between the provisions of the Law "On OPS", which allow a wide range of OPS for anti-corruption checks, and strict restrictions for similar measures in criminal proceedings. The author states that there is no legally established procedure for legalizing and submitting the "administrative" results of the ARD to the authorized personnel decision-making bodies, which creates legal uncertainty and risks of violation of individual rights. Based on the study of judicial practice and by-laws, it is concluded that it is necessary to introduce systemic changes to legislation aimed at unifying restrictions on the conduct of MPM and regulating the procedure for using their results in the non-procedural sphere.

The *purpose* of the study is to analyze and specify the mechanisms for evaluating operational investigative information during the use of the results of the ARD in the framework of anti-corruption inspections against persons applying for relevant positions in the civil service, as well as in the framework of verification of the reliability of information of civil servants, outside the framework of criminal proceedings.

Research *methods* – analysis of normative legal acts, comparative legal method, system analysis, method of legal modeling.

Research *results* – the conducted research revealed a systemic legal conflict related to the use of the results of the ARD in anti-corruption inspections outside the criminal process. It has been established that the current legislation, on the one hand, formally allows for the use of a wide range of operational investigative measures on requests within the framework of the law "On Combating Corruption", and on the other hand, does not contain a special procedural mechanism for the legalization and presentation of information obtained in this way. This creates a significant legal gap, leads to contradictory practices, and creates risks of violating the rights of the persons being audited. In order to eliminate the identified shortcomings, amendments are required to the Federal Law "On the ORDO" regarding the unification of restrictions on the conduct of the ORDO, as well as the development of a regulated procedure for submitting the "administrative" results of the ORDO to authorized bodies.

Keywords: operational-search activity, countering corruption, anti-corruption check, operational-search measures, evidence, legalization of OSA results, legal gaps.

Введение

На современном этапе борьбы с коррупцией оперативно-разыскная информация играет ключевую роль, особенно на стадии выявления и проверки оснований для возбуждения уголовного дела. Сведения, полученные в рамках дел оперативного учета, зачастую становятся первоначальным импульсом для уголовного преследования. Однако их процессуальное использование сопряжено с комплексом правовых и практических проблем, поскольку такие данные добываются в условиях, допускающих ограничение конституционных прав граждан, и требуют последующей трансформации в доказательства в строгом соответствии с уголовно-процессуальным законом.

Особую остроту эта проблематика приобретает в контексте противодействия и профилактики преступлений (правонарушений) коррупционной направленности. Эмпирические данные указывают на то, что значительная доля жалоб граждан в Конституционный Суд Российской Федерации, касающихся использования результатов оперативно-разыскной деятельности (далее – ОРД) в доказывании, связана именно с коррупционными составами преступлений. Это свидетельствует о наличии системных противоречий и правовой неопределенности в данной сфере.

Методы исследования

Методологическую основу исследования составляет совокупность общенаучных и специально-юридических методов. Диалектический метод применен для выявления противоречий между нормативным регулированием ОРД и практикой ее применения в сфере противодействия коррупции. Сравнительно-правовой метод позволил сопоставить объем допустимых оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ) при уголовно-процессуальном и антикоррупционном основаниях их проведения, а также соотнести российское законодательство с принципами соразмерности ограничения прав, закрепленными в международно-правовых актах. Формально-юридический метод использован при анализе нормативно-правовых актов, в том числе Федерального закона № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»¹ (далее – Закон № 144-ФЗ), Федерального закона № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»², Указа Президента РФ от 21 сентября 2009 г. № 1065³, Инструкции о порядке представления результатов ОРД, утвержденной совместным приказом 2013 г.⁴ и иных.

¹ Об оперативно-розыскной деятельности: Федеральный закон от 12.08.1995 г. 144-ФЗ (ред. от 01.04.2025) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² О противодействии коррупции: Федеральный закон от 25.12.2008 г. № 273-ФЗ (ред. от 28.12.2025) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³ О проверке достоверности и полноты сведений, представляемых гражданами, претендующими на замещение должностей федеральной государственной службы, и федеральными государственными служащими, и соблюдения федеральными государственными служащими требований к служебному поведению (вместе с «Положением о проверке достоверности и полноты сведений, представляемых гражданами, претендующими на замещение должностей федеральной государственной службы, и федеральными государственными служащими, и соблюдения федеральными государственными служащими требований к служебному поведению»): Указ Президента РФ от 21.09.2009 г. № 1065 (ред. от 31.12.2025) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд: Приказ МВД России № 776, Минобороны России № 703, ФСБ России № 509, ФСО России № 507, ФТС России № 1820, СВР России № 42, ФСИН России № 535, ФСКН России № 398, СК России № 68 от 27.09.2013 г. (Зарегистрировано в Минюсте России 05.12.2013 г. № 30544) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Системный метод применен для установления взаимосвязей между нормами указанных актов, выявления пробелов и коллизий правового регулирования. Метод правового моделирования использован для формулирования предложений по совершенствованию законодательства. Эмпирическую основу исследования составил анализ прокурорской деятельности, решений Конституционного Суда Российской Федерации, Дисциплинарной коллегии Верховного Суда РФ, а также материалов дисциплинарной практики органов судейского сообщества.

Результаты исследования

Проведенное исследование выявило системную правовую коллизию, связанную с использованием результатов ОРД при антикоррупционных проверках вне уголовного процесса. Установлено, что действующее законодательство, с одной стороны, формально допускает применение широкого спектра оперативно-розыскных мероприятий по запросам в рамках закона «О противодействии коррупции», а с другой – не содержит специального процедурного механизма легализации и представления полученных таким образом сведений. Это порождает существенный правовой пробел, приводит к противоречивой практике и создает риски нарушения прав проверяемых лиц. Для устранения выявленных недостатков требуется внесение изменений в Федеральный закон «Об ОРД» в части унификации ограничений на проведение ОРМ, а также разработка регламентированного порядка представления «административных» результатов ОРД уполномоченным органам.

Научная дискуссия

Итак, отдельный и практически значимый аспект проблемы составляет использование результатов ОРД, инициированных по запросам органов прокуратуры или кадровых служб в рамках исполнения Федерального закона «О противодействии коррупции». Закон № 144-ФЗ предусматривает проведение оперативно-розыскных мероприятий для проверки достоверности представляемых гражданами сведений. Если для использования результатов ОРД в уголовном судопроизводстве установлен детальный регламент, то аналогичный порядок их легализации и представления для целей внепроцессуальных антикоррупционных проверок отсутствует. Это создает существенный правовой пробел. Руководитель оперативного органа, проверяя полноту полученных сведений и соблюдение прав граждан, не имеет четких законодательных критериев для оценки их достаточности и формы предоставления информации лицам, уполномоченным на принятие кадровых решений. Отсутствие специального механизма не только снижает эффективность антикоррупционных инструментов, но и порождает риски несанкционированного использования конфиденциальной информации, полученной с применением специальных средств.

В этой связи центральной проблемой, затрудняющей единообразное применение права, является отсутствие устоявшихся критериев оценки сведений, полученных оперативно-розыскным путем, в процессе доказывания по коррупционным правонарушениям, а также разрыв между процедурами их получения и последующего легитимного использования в разных правовых контекстах.

Судебная практика до сих пор демонстрирует разные подходы к оценке и использованию результатов ОРД: одни суды придают таким сведениям самостоятельное доказательственное значение без их обязательной процессуальной легализации через следственные действия, другие – последовательно исключают их из доказательственной базы как не отвечающие требованиям допустимости, установленным УПК РФ. Подобный правоприменительный дуализм, усугубляемый неясностью статуса «административных»¹ результатов ОРД, не только снижает эффективность антикоррупционных усилий, но и создает риски нарушения прав личности.

Целью настоящего исследования является анализ и конкретизация механизмов оценки оперативно-розыскной информации в ходе их использования в рамках антикоррупционных проверок в отношении лиц, претендующих на соответствующие должности государственной службы, а также в рамках проверок достоверности сведений государственных служащих, вне рамок уголовного процесса. В ходе исследования выявлены правовые коллизии в формировании единообразных стандартов, обеспечивающих баланс между интересами эффективной внепроцессуальной проверки, законности кадровых решений и гарантиями правовой защищенности личности.

¹ Под административными результатами дел мы в первую очередь понимаем такие результаты ОРД, которые не используются для целей уголовно-процессуального законодательства, а преследуют цель трансформации в число доказательств по гражданским, административным или дисциплинарным (трудовым) спорам.

На отдельные правовые пробелы использования результатов ОРД обращалось внимание в отечественной и зарубежной правовой науке в работах И.А. Одиназод [9], С.А. Куценко [5], В.Д. Ларичева [6], И.Б. Казака [4], В.Н. Исаенко [3] и др.

Так, А.В. Макаровым, О.В. Фирсовым [8, с. 35–38] рассмотрены новеллы оперативно-розыскного законодательства, регулирующие проверку достоверности сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, предоставляемых государственными и муниципальными служащими, а также другими лицами.

Проблематика использования результатов ОРД не только в связи с выявлением, пресечением преступлений, но и в целях принятия решений при осуществлении публично-управленческой деятельности, затронута и в иных работах [1; 10]. В этом контексте заслуживает особого внимания позиция Ф.М. Лучинкина, который применительно к судебному доказыванию обосновывает необходимость дифференцированного подхода к использованию личных и вещественных результатов ОРМ и формулирует правовые стандарты представления материалов дел оперативного учета суду [7, с. 88–89]. Хотя исследование Ф.М. Лучинкина посвящено по большей части судебному следствию по уголовным делам, его концептуальные выводы о двухэтапной технологии легализации результатов ОРД применимы и к внепроцессуальной антикоррупционной сфере: как в уголовном, так и в дисциплинарном производстве отсутствие единого стандарта введения оперативных материалов в соответствующее производство порождает правовую неопределенность и риски нарушения прав личности.

Закон № 144-ФЗ ориентирован прежде всего на решение задач в сфере уголовного преследования: выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений (ст. 2). В соответствии с п. 3 ч. 1 ст. 7 одним из оснований проведения ОРМ служат поручения дознавателя, следователя, руководителя следственного органа или судебные решения по уголовным делам. Итоги оперативно-розыскной работы вправе передаваться следователю для использования в ходе расследования, применяться при производстве следственных действий и использоваться в уголовно-процессуальном доказывании в порядке, установленном ст. 11 и ч. 4 ст. 12 Закона № 144-ФЗ. При этом ст. 5 Закона № 144-ФЗ обязывает субъектов ОРД обеспечивать законность при проведении каждого конкретного мероприятия и гарантировать соблюдение прав и свобод граждан. Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно подчеркивал, что судебный контроль за законностью ОРМ и использованием их результатов в уголовном судопроизводстве является необходимой гарантией защиты конституционных прав личности (определения КС РФ от 20 марта 2007 г. № 178-О-О, от 21 октября 2008 г. № 862-О-О, от 17 июля 2014 г. № 1752-О и др.). Иными словами, вся нормативная конструкция Закона № 144-ФЗ выстроена под нужды уголовного процесса, тогда как внепроцессуальное использование результатов ОРД остается законодательно неурегулированным.

В соответствии с ч. 9 ст. 8 Закона № 144-ФЗ при проведении оперативно-розыскных мероприятий по основаниям, предусмотренным пп. 1–4, 6 и 7 ч. 2 ст. 7, запрещается осуществление действий, указанных в пп. 8–11 ч. 1 ст. 6 Закона № 144-ФЗ.

Законодательный запрет, установленный ч. 9 ст. 8 Закона № 144-ФЗ, ограничивает круг допустимых ОРМ при проведении мероприятий по ряду оснований из ч. 2 ст. 7 (пп. 1–4, 6 и 7): в этих случаях недопустимо обследование помещений и транспортных средств, контроль почтово-телеграфных отправок, прослушивание телефонных переговоров и снятие информации с технических каналов связи (пп. 8–11 ч. 1 ст. 6 Закона № 144-ФЗ).

Из буквального толкования нормы ч. 9 ст. 8 Закона № 144-ФЗ следует, что проведение таких оперативно-розыскных мероприятий по основаниям, перечисленным в ч. 8 ст. 7 Закона № 144-ФЗ, не запрещено, т.е. допускается. Однако, если обратиться к нормативным правовым актам, регулирующим порядок проверки достоверности сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, следует противоположный ответ.

Между тем подзаконное регулирование содержит прямо противоположный подход. Согласно п. 19 Положения, утвержденного Указом Президента РФ от 21 сентября 2009 г. № 1065, кадровые подразделения федеральных органов вправе направлять запросы в органы, уполномоченные на осуществление ОРД, с целью проверки достоверности представленных сведений. При этом в рамках таких запросов прямо запрещается применять те же самые ОРМ из пп. 8–11 ч. 1 ст. 6 Закона № 144-ФЗ. Тем самым указ фактически устанавливает более жесткий ограничительный режим, нежели тот, что вытекает из буквального смысла Закона № 144-ФЗ.

Такие технико-юридические несоответствия уже давно требуют внесения изменений в Закон № 144-ФЗ. До урегулирования указанных норм споры о пределах внепроцессуального использования результатов ОРМ не утихнут. Более того, указанный вывод о недопустимости проведения и использования ОРМ, ограничивающих конституционные права граждан, при рассмотрении споров о соблюдении законодательства о противодействии коррупции противоречит складывающейся судебной практике.

Например, результаты ОРД в виде прослушивания телефонных переговоров использованы в ходе рассмотрения судом трудового спора о неисполнении законодательства о конфликте интересов. Кроме того, органами судейского сообщества материалы ОРД приняты без исследования вопроса о пределах допустимости использования ОРД в рамках антикоррупционной проверки¹.

Так, 21 июля 2020 г. в совет судей Волгоградской области поступило обращение начальника УФСБ России по Волгоградской области о возможной противоправной деятельности судьи Тракторозаводского районного суда г. Волгограда А.А. Дудникова с приложенными к нему результатами оперативно-розыскных мероприятий – рассекреченными стенограммами разговоров судьи Дудникова А.А. с адвокатом П. от 9, 11 и 16 июня 2020 г.

Из материалов дела и дисциплинарного производства следует, что судья А.А. Дудников обсуждал с адвокатом П. вопрос о замене осужденной С. неотбытой части наказания более мягким видом наказания путем дачи советов и консультаций, обещал оказать содействие в переводе осужденной из ФКУ ИЦ-1 УФСИН России по Волгоградской области на домашнее проживание, давал адвокату П. советы и консультации по данному вопросу, на что в силу занимаемой должности не имел морально-этического права и полномочий.

Указанная информация явилась предметом проверки дисциплинарной комиссии совета судей Волгоградской области, по результатам рассмотрения которой к судье применено дисциплинарное взыскание в виде досрочного прекращения полномочий.

Выводы дисциплинарной комиссии подтверждались исследованными в судебном заседании рассекреченными материалами, полученными в результате осуществления оперативно-розыскной деятельности.

Не оспаривая формирующуюся в России концепцию противодействия коррупционным правонарушениям, тем не менее еще раз обратим внимание на пробелы законодательного регулирования использования материалов ОРД во внепроцессуальной сфере.

Использование результатов ОРД в сфере досудебного производства обусловлено тем, что уголовно-процессуальная и оперативно-розыскная виды деятельности находятся в тесной связи между собой, при единстве их цели и общности решаемых задач по защите прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений. Результаты оперативно-розыскной деятельности не могут непосредственно использоваться в доказывании, в связи с чем требуется специальный механизм преобразования полученных оперативных материалов в доказательства путем рассекречивания информации и предоставления ее органу досудебного производства или в суд, на что мы ранее обращали внимание [2]. Такой механизм закреплён в соответствующей Инструкции. Однако механизм трансформации результатов ОРД для целей, не связанных с уголовным судопроизводством, не установлен. Так, настоящая Инструкция определяет порядок представления оперативными подразделениями органов результатов ОРД в органы расследования или в суд при наличии в них достаточных данных, указывающих на признаки преступления, а также для выполнения поручения дознавателя, органа дознания, следователя, судебного решения о проведении оперативно-розыскных мероприятий по уголовным делам и материалам проверки сообщений о преступлениях, находящимся в их производстве.

Еще один аспект связан с действием Инструкции 2013 года применительно к запросам международных правоохранительных организаций и иностранных органов: она распространяется на эти случаи, однако при этом по-прежнему не охватывает ситуации внутреннего антикоррупционного контроля. Таким образом, даже в части международного сотрудничества законодатель нашел

¹ Решение Дисциплинарной коллегии Верховного Суда РФ от 24.08.2021 г. № ДК21-57 [сайт]. Юридическая информационная система «Легалакт – законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации»; 2026 [обновлено 24 августа 2021; процитировано 21 января 2026]. Доступно: <https://legalacts.ru/sud/reshenie-distsiplinarnoi-kollegii-verkhovnogo-suda-rf-ot-24082021-n-dk21-57/?ysclid=mkwmc8gahr574233212>.

нужным закрепить специальный порядок, тогда как внутренние антикоррупционные нужды оказались вне сферы действия Инструкции.

Особый механизм предоставления указанных сведений, в том числе и для целей противодействия коррупции, обусловлен необходимостью решения нескольких вопросов. В частности: рассмотрение вопроса о необходимости рассекречивания сведений, составляющих государственную тайну, содержащихся в представляемых результатах ОРД, и их носителей; оформление необходимых документов и фактическую передачу результатов ОРД.

Эти же обстоятельства требуют оценки и при использовании результатов ОРД в порядке ч. 8 ст. 7 Закона № 144-ФЗ.

Проведенный анализ позволяет сформулировать следующие основные выводы:

1. Существует правовая коллизия между нормами Федерального закона № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», регулирующими проведение ОРМ по антикоррупционным запросам, и ограничениями, установленными для уголовного судопроизводства. Буквальное толкование статьи 8 Закона № 144-ФЗ допускает при антикоррупционных проверках использование наиболее инвазивных ОРМ (прослушивание, контроль сообщений), что не соответствует принципу соразмерности, поскольку такие проверки не связаны с расследованием конкретного преступления.

2. Отсутствует специальный процедурный механизм легализации и представления результатов ОРД, полученных по запросам в рамках исполнения ФЗ «О противодействии коррупции». Действующая Инструкция регламентирует порядок только для целей уголовного процесса, что создает правовой вакуум и порождает риски несанкционированного использования конфиденциальной информации при принятии кадровых и дисциплинарных решений.

3. Для устранения выявленных пробелов необходима комплексная законодательная корректировка. В первую очередь, требуется внести изменения в ст. 8 Закона № 144-ФЗ, распространив запрет на проведение ОРМ, указанных в п.п. 8-11 ч. 1 ст. 6, и на основания, предусмотренные ч. 8 ст. 7. Параллельно необходимо разработать и закрепить в специальном разделе Инструкции (либо отдельном нормативном акте) детальный порядок представления результатов ОРД для целей, не связанных с уголовным судопроизводством, включая критерии рассекречивания, форму предоставления и гарантии защиты прав проверяемых лиц.

Список использованной литературы:

1. Антонов И.А., Каширин Р.М. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в дисциплинарном производстве в отношении судей: нонсенс современной правоприменительной практики. *Уголовное судопроизводство*. 2024;(2):18–23.
2. Гладышева О.В., Ярмухамедов Р.Ф. Новый подход к оценке результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовно-процессуальном доказывании. *Законность*. 2026;(2):54–64.
3. Исаенко В.Н. Правовые проблемы использования прокурором результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве. *Лоббирование в законодательстве*. 2024;(3(3)):69–75.
4. Казак И.Б., Грушин Ф.В. Значение оперативно-розыскной деятельности в выявлении и предупреждении административных правонарушений. *Право и государство: теория и практика*. 2024;(11(239)):662–665.
5. Куценко С.А., Рассказов В.Л. Коллизии использования результатов оперативно-розыскной деятельности (ОРД) в арбитражном процессе: этические и процессуальные аспекты. *Epomen.Global*. 2025;(68):83–88.
6. Ларичев В.Д., Семенчук В.В. Особенности использования результатов оперативно-розыскной деятельности для погашения задолженности по

References:

1. Antonov I.A., Kashirin R.M. [The use of operational-search activity results in disciplinary proceedings against judges: a nonsense of modern law enforcement practice]. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo = Criminal Procedure*. 2024;(2):18–23. (In Russ.)]
2. Gladysheva O.V., Yarmukhamedov R.F. [A new approach to evaluating operational-search activity results in criminal procedural evidence]. *Zakonnost' = Legality*. 2026;(2):54–64. (In Russ.)]
3. Isaenko V.N. [Legal problems of the prosecutor's use of operational-search activity results in criminal proceedings]. *Lobbirovanie v zakonodatel'stve = Lobbying in Legislation*. 2024;(3(3)):69–75. (In Russ.)]
4. Kazak I.B., Grushin F.V. [The significance of operational-search activity in detecting and preventing administrative offences]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika = Law and State: Theory and Practice*. 2024;(11(239)):662–665. (In Russ.)]
5. Kutsenko S.A., Rasskazov V.L. [Collisions in the use of operational-search activity results in arbitration proceedings: ethical and procedural aspects]. *Epomen.Global = Epomen.Global*. 2025;(68):83–88. (In Russ.)]
6. Larichev V.D., Semenchuk V.V. [Specific features of using operational-search activity results for the repayment of tax and levy debts outside criminal

налогам и сборам вне уголовно-процессуальных отношений. *Общество и право*. 2024;(3(89)):40–45.

7. Лучинкин Ф.М. К вопросу об оптимизации порядка использования результатов оперативно-розыскной деятельности в судебном доказывании по уголовному делу. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2023;(1(15)):81–91. DOI: 10.31429/20785836-15-1-81-91.

8. Макаров А.В., Фирсов О.В. Проблемы совершенствования норм оперативно-розыскного законодательства, регулирующих проверку достоверности сведений. *Российский следователь*. 2012;(7):35–38.

9. Одиназода И.А. Правовые последствия несоблюдения порядка оформления и передачи материалов оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве. *Вестник ТГУПБП*. 2025;(3(104)):53–58.

10. Спиридонов П.Е. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в административном процессе – возможно или нет? *Административное право и процесс*. 2025;(11):36–40.

procedural relations]. *Obshchestvo i pravo = Society and Law*. 2024;(3(89)):40–45. (In Russ.)]

7. Luchinkin F.M. [On the issue of optimizing the procedure for using operational-search activity results in judicial evidence in a criminal case]. *Yuridicheskiy vestnik Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta = Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2023;(1(15)):81–91. DOI: 10.31429/20785836-15-1-81-91. (In Russ.)]

8. Makarov A.V., Firsov O.V. [Problems of improving the norms of operational-search legislation governing the verification of information reliability]. *Rossiyskiy sledovatel' = Russian Investigator*. 2012;(7):35–38. (In Russ.)]

9. Odinzoda I.A. [Legal consequences of non-compliance with the procedure for processing and transmitting operational-search activity materials in criminal proceedings]. *Vestnik TGUPBP = Bulletin of TSULBP*. 2025;(3(104)):53–58. (In Russ.)]

10. Spiridonov P.E. [Use of operational-search activity results in administrative proceedings – is it possible or not?]. *Administrativnoe pravo i protsess = Administrative Law and Process*. 2025;(11):36–40. (In Russ.)]

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ярмухамедов Ринат Фаридович

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет».

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Rinat F. Yarmukhamedov

Cand. of Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Criminal Procedure and Prosecutorial Supervision of the FGBOU VO "Kuban State University"